

**Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»**

**ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Сборник статей

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2017**

УДК 343.9
ББК 67.99(2)8
П78

Редакционная коллегия:

председатель: А. Н. Подчерняев; заместитель председателя: М. В. Баранчикова;
члены редколлегии: М. Ю. Колбеева, О. Г. Пимакова;
ответственный секретарь: И. И. Кузнецова

П78 Проблемы противодействия преступности в современных условиях : сборник статей / редкол.: А. Н. Подчерняев [и др.]. – Орел : ОрЮОИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. – 162 с.
ISBN 978-5-88872-221-3

В сборнике представлены статьи участников научно-представительских мероприятий: региональной научно-практической конференции «Правовые основы обеспечения транспортной безопасности» (6 октября 2017 г.), межведомственного круглого стола «Правовые и организационные вопросы предупреждения преступности» (13 октября 2017 г.), всероссийской научно-практической конференции «Правовые и психологические аспекты противодействия преступности» (20 октября 2017 г.).

Сборник предназначен для преподавателей, адъюнктов (аспирантов), курсантов и слушателей.

Тексты статей публикуются в авторской редакции.

УДК 343.9
ББК 67.99(2)8

ISBN 978-5-88872-221-3

© ОрЮОИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

Бархатова Е. Н.

ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
СОБСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ИНФОРМАЦИИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ8

Барышников М. В.

К ВОПРОСУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ12

Белоусов А. Д.

КОГНИТИВНО-СТИЛЕВОЙ ПОДХОД К СОСТАВЛЕНИЮ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПРЕСТУПНИКА15

Боева М. А.

ПРОБЛЕМА АФФЕКТИВНЫХ СОСТОЯНИЙ В УГОЛОВНОМ
ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ18

Вдовцев П. В., Каркошко Ю. С.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ Ч. 4
СТ. 157 УПК РФ21

Гайнельзянова В. Р.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ
РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ25

Георгиади И. С.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО НЕЗАКОННОЕ УЧАСТИЕ
В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ29

Глушков Е. Л., Свистильников А. Б.

СПОСОБЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С РЕЙДЕРСКИМИ ЗАХВАТАМИ
ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ32

Ермакова О. В. УСЕЧЕННЫЙ СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ В НОРМАХ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА	36
Иванченко Р. Б., Польшиков А. В. СПЕЦИФИКА РАННЕЙ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОТИЗМА СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ – ШКОЛЬНИКОВ	39
Казakov А. А. О СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРОМ НАДЗОРА ЗА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	43
Ковалев М. В. МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ В КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ВИДАХ ТАЙНОГО ХИЩЕНИЯ	45
Низаева С. Р. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	53
Распопин Е. В. АКТИВНО-АГРЕССИВНЫЕ ФОРМЫ ВИКТИМНОСТИ КАК ИНДИКАТОР СКЛОННОСТИ К ПРОТИВОПРАВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ	58
Семёнов Е. А., Плетникова М. С. СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК НАИБОЛЕЕ ОТКРЫТАЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ФОРМА ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ	62
Страунинг Ю. А. КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МЕГАПОЛИСЕ	65
Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ МАССОВОГО ПРОФАЙЛИНГА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ	70

Черкашин А. В., Шаповалов С. В., Олейник А. Е. ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СЕКСУАЛЬНЫМ НАСИЛИЕМ В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ	74
Шеметов А. К. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАСКРЫТИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	79
Юсупов Т. Р. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ АЗАРТНЫХ ИГР	82
Якубина Ю. П. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА, ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	86
РАЗДЕЛ II	
Алдохина В. В. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	91
Борисов А. С. ТАЙНА КАК ПРАВОВОЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	94
Добренков А. И. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ	98
Донченко А. И., Мальцева О. А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ДОПРОСЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО	101

Ковряков Е. Ю., Кузнецова И. И. ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ВЫБОР ВОДИТЕЛЕМ СТИЛЯ АГРЕССИВНОГО ВОЖДЕНИЯ	104
Козлова А. А., Иванова Ю. А. СПОСОБЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ РУБКОЙ ЛЕСОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	107
Корень А. И., Печенкова Е. А. ПРОБЛЕМАТИКА ЭТНИЧЕСКОГО ПРОФАЙЛИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	112
Лазарев А. С., Пимакова О. Г. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХАЛАТНОСТИ	117
Мальцева В. Р., Перков А. А. СОЦИАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ КАК ФАКТОР ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	122
Москвичев А. А. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	125
Мукажанов А. Е. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ХУЛИГАНСТВА, СОВЕРШЕННОГО МОЛОДЕЖНЫМИ ГРУППИРОВКАМИ	133
Пучнина М. Ю. КРИМИНОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЮ СУИЦИДАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	136
Пыжкова А. В., Цветков В. Л. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВЕРБОВКИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ	140
Радькова Л. С. РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НАРКОТИЗМА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	143

Силецкая А. В. ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ	147
Сумина Н. А., Худо В. Д. О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОРТРЕТЕ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ	153
Таракина К. Э. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ С МОШЕННИЧЕСТВОМ В СТРАНАХ АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ	157

РАЗДЕЛ I

Бархатова Екатерина Николаевна,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии ВСИ МВД России,
кандидат юридических наук

ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Перевод имущественных отношений в Интернет-пространство способствует и появлению и распространению имущественных киберпреступлений. Необходимость о криминализации некоторых преступлений против собственности, совершаемых при помощи высоких технологий, обосновывалась достаточно давно [5]. Сегодня данные научные идеи нашли отражение в уголовном законе и оказались весьма своевременными. Однако тесное переплетение посягательств на имущество, совершаемых при помощи высоких технологий, с уголовно наказуемыми деяниями в сфере компьютерной информации, а также между собой способно внести путаницу в процесс квалификации.

Особенностью объективной стороны рассматриваемой категории преступлений выступает способ. Ввиду инновационности способа совершения преступлений порождаются не только многочисленные вопросы их раскрытия и расследования (сбора доказательственной базы, реализации результатов оперативно-розыскных мероприятий и т. д.), но, в первую очередь, вопросы квалификации и отграничения от смежных составов преступлений.

Разумеется, если речь идет о мобильной связи и сети Интернет, где находит свое отражение компьютерная информация, основными составами, граничащими с составами преступлений рассматриваемой группы, будут являться преступления в сфере компьютерной информации.

Объективная сторона исследуемых групп преступлений достаточно схожа. Воздействие на компьютерную информацию происходит как собственно в целях неправомерного доступа к ней, так и с целью совершения преступления против собственности. Вместе с тем, если в первом случае воздействие на компьютерную информацию выступает в роли собственно деяния, то во втором случае указанное воздействие является средством совершения преступления. Неправомерный доступ к компьютерной информации либо создание и использование вредоносных компьютерных программ, нарушение правил эксплуатации средств хранения информации, являясь самостоятельными преступлениями, при совершении преступлений

против собственности выступают в качестве подготовительных действий. Таким образом, если лицо совершило, к примеру, неправомерный доступ к компьютерной информации с целью приготовления к совершению преступления против собственности, но, по не зависящим от него обстоятельствам, не смогло совершить посягательство на имущество (например, хакерская атака была выявлена сотрудниками правоохранительных органов), его действия следует квалифицировать по статье 272 УК РФ, а также (при наличии умысла и при условии, что преступление относится к категории тяжких), по ч. 1 ст. 30 и ч. 3 или ч. 4 ст. 159.6 УК РФ. Подобной точки зрения придерживаются и суды. Так, в обзоре судебной практики по делам о мошенничестве, присвоении и растрате Пензенского областного суда указано, что, если не наступили последствия в виде материального ущерба собственнику или иному обладателю имущества по причинам, не зависящим от воли виновного при совершении мошенничества путем воздействия на компьютерную информацию, его действия следует квалифицировать как покушение на данное преступление и по совокупности с действиями, ответственность за которые предусмотрена ст. 272 или 273 УК РФ [2].

Вместе с тем, при совершении преступлений против собственности, доступ к компьютерной информации может осуществляться и правомерно, однако, действия, производимые с данной информацией, будут противоправными. Показателен приговор в отношении М., вынесенный Железнодорожным районным судом г. Читы Забайкальского края. М. приобрела сим-карту для личного пользования. К данной сим-карте ошибочно была подключена услуга «Мобильный банк» (возможно номер указанной карты ранее использовался иным владельцем). М. при активации указанной сим-карты получила смс-оповещение о перечислении на счет К. 10000 рублей. У М. возник умысел на хищение указанных денежных средств, который был ею реализован [3]. В данном случае М., являясь собственником сим-карты, имела правомерный доступ ко всей информации, содержащейся в телефоне и поступающей на принадлежащий ей абонентский номер, однако неправомерно воспользовалась указанной информацией, в связи с чем суд справедливо квалифицировал ее действия лишь по ч. 2 ст. 159.6 УК РФ.

Существует мнение, что мошенничество, составляющее более 70 % от общего числа преступлений против собственности, совершаемых посредством мобильной связи или сети Интернет, является своего рода продолжением, следующей ступенью развития неправомерного доступа к компьютерной информации и создания, использования или распространения вредоносных компьютерных программ [4]. Как показывает практика, чаще всего ст. 159.6 УК РФ применяется по совокупности со ст. 272 УК РФ, предусматривающей ответственность за неправомерное завладение компьютерной информацией. Так, например, для хищения «электронных денег» преступнику необходимо сначала получить код доступа. Однако подобная квалификация вызывает сомнения у ряда ученых. Например,

Р. Д. Шарапов полагает, что «по существу неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации в целях хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество, является способом нового вида мошенничества в сфере компьютерной информации. Вследствие этого уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 159.6 и ст. 272 УК РФ, состоят между собой в отношениях конкуренции частей и целого, где ст. 159.6 предусматривает норму-целое» [6]. Данную позицию можно признать справедливой лишь отчасти, поскольку, несмотря на присутствие в диспозиции ст. 272 УК РФ указания на корыстную заинтересованность лица, объект, подлежащий охране, в указанных случаях все-таки различен.

Очевидное отличие составов преступлений против собственности, совершаемых посредством мобильной связи или сети Интернет, от компьютерных преступлений, состоит в предмете посягательства. В первом случае предметом выступают денежные средства и иное имущество, а во втором случае – компьютерная информация. Следует также учитывать тот факт, что компьютерная информация при совершении преступления против собственности скорее будет относиться к средству совершения преступления.

Субъективная сторона двух рассматриваемых групп отличается преимущественно целью. Для преступлений против собственности характерна цель завладения имуществом или причинения имущественного ущерба, для компьютерных преступлений цель может быть самой разнообразной: получение сведений, составляющих государственную или коммерческую тайну, плагиат, уничтожение важной для потерпевшего компьютерной информации из желания отомстить или по другой причине и т. п.

Особую роль в субъективной стороне рассматриваемых преступлений играет мотив. Для посягательств на имущество характерен корыстный мотив, для компьютерных преступлений возможно наличие любого мотива (мести, хулиганских побуждений, вражды и пр.). Однако не стоит забывать о том, что в статьях 272 и 273 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак «совершенное из корыстной заинтересованности». И. А. Клепицкий определяет корыстную заинтересованность как мотивацию, направленную на извлечение какой-либо имущественной (исчисляемой деньгами) выгоды для себя или другого лица [1]. В таком случае возникает вопрос о том, каким образом отграничивать мошенничество в сфере компьютерной информации от неправомерного доступа к компьютерной информации, совершенного из корыстной заинтересованности. И. А. Клепицкий, принимая статью 159.6 УК РФ за специальную норму по отношению к статье 272 УК РФ, указывает, что при наличии в содеянном всех признаков мошенничества в сфере компьютерной информации содеянное квалифицируется по ст. 159.6 УК РФ и дополнительная квалификация по ст. 272 УК РФ не требуется [1]. При отграничении рассматриваемых составов друг от друга

следует учитывать наличие или отсутствие всех признаков конкретного состава. Так, например, корыстная заинтересованность при неправомерном доступе к компьютерной информации может заключаться в получении вознаграждения за такой доступ от заинтересованного лица, либо информация может быть получена с целью последующего шантажа потерпевшего, а также с целью вымогательства.

В данном случае компьютерная информация не выступает средством обмана или злоупотребления доверием, не является она также средством, облегчающим доступ к денежным средствам или иному имуществу (т.е. неким «ключом от сейфа»). Компьютерная информация должна расцениваться как предмет преступления. Если при совершении преступления против собственности компьютерная информация является одной из составляющих «структуры способа», то в случае с преступлениями в сфере компьютерной информации последняя выступает предметом.

Таким образом, несмотря на внешнюю схожесть рассмотренных составов преступлений, они все же обладают существенными отличиями, чем и обусловлено размещение норм об ответственности за данные преступления в разных разделах уголовного закона. В процессе квалификации все обозначенные особенности должны быть учтены во избежание двойного вменения и нарушения принципа справедливости.

-
1. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / С. А. Боженок, Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова и др.; отв. ред. А. И. Рарог. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. С. 725.
 2. Обзор практики рассмотрения уголовных дел о мошенничестве, присвоении и растрате (статьи 159, 159.1–159.6, 160 УК РФ) судами Пензенской области в 2014–2015 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oblsud.penza.ru/item/1220> (дата обращения: 09.12.2016).
 3. Приговор Железнодорожного районного суда г. Читы (Забайкальский край) № 1-166/2016 от 22.04.2016 по делу Г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/qVBsoHNvRYrQ> (дата обращения: 06.12.2016).
 4. Простосердов М. А. Мошенничество, совершаемое в киберпространстве, и его виды // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов научно-практической конференции / под ред. А. В. Бриллиантова и Ю. Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2015. С. 334–351.
 5. Теплова Д. О. Некоторые особенности мошенничества, совершаемого в сфере и с использованием высоких технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. № 2. С. 44–42.
 6. Шарапов Р. Д. Актуальные вопросы квалификации новых видов мошенничества // Проблемы квалификации и расследования преступлений, подследственных органам дознания: материалы всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации, 2013. С. 3–5.

Барышников Максим Валерьевич,
старший преподаватель кафедры
специальной подготовки Орловского
юридического института МВД России
имени В. В. Лукьянова,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ

Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ определяется не только общая, но и специальная компетенция полиции по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Так в указанном законе определены не только обязанности и права сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних в рассматриваемой сфере, но и категории несовершеннолетних и их родителей, в отношении которых проводится профилактическая работа. В том числе указываются права и обязанности должностных лиц Центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, их функции, категории несовершеннолетних, которые могут быть в них помещены, а также основания их помещения и другие положения.

Однако, несмотря на то, что участковый уполномоченный полиции в соответствии с законодательством не является субъектом профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, он играет немаловажную роль в оказании помощи сотрудникам подразделений по делам несовершеннолетних.

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в том числе и Наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, утвержденное приказом МВД от 31 декабря 2012 г. № 1166, позволил обозначить в качестве основных задач данной службы обеспечение общественного порядка, личной, имущественной и общественной безопасности, предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому; обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, а также социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении; выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Мы же кратко остановимся на рассмотрении основных функций участковых уполномоченных полиции, полученных в ходе анализа положений Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, утвержденное приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166.

Итак, участковый уполномоченный полиции осуществляет административно-юрисдикционную деятельность, включающая в себя выявление и пресечение административных правонарушений, совершаемые несовершеннолетними, выявление обстоятельств, способствующих их совершению; принятие в пределах своих прав мер к устранению данных обстоятельств.

Кроме этого участковый уполномоченный полиции принимает участие в выявлении лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий, в том числе в систематическое употребление спиртных напитков, наркотических средств, психотропных и одурманивающих веществ, занятие проституцией, бродяжничеством и попрошайничеством [1, п. 37.24].

Во-вторых, осуществление профилактической работы, включающей в себя общую и индивидуальную.

В ходе проведения общей профилактической работы участковый уполномоченный полиции осуществляет учет детей (несовершеннолетних), проживающих на территории закрепленного административного участка в паспорте на административный участок (общее количество детей). В том числе выявляет несовершеннолетних, проживающих в ненадлежащих условиях, о чем обязательно информирует подразделения по делам несовершеннолетних территориального органа МВД России [1, п. 37.21].

Индивидуальная профилактическая работа включает в себя выявление несовершеннолетних лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, их учет, систематическое наблюдение за поведением и образом жизни таких лиц и принятие необходимых мер к недопущению с их стороны правонарушений, а также родителями и лицами, отрицательно влияющими на воспитание детей.

Кроме этого, участковый уполномоченный полиции проводит профилактическую работу среди подростков, освобожденных из мест лишения свободы, злоупотребляющих спиртными напитками, наркотическими или психотропными веществами, занимающихся токсикоманией, самовольно уходящих из дома или из специальных учебно-воспитательных учреждений, злостно уклоняющихся от учебы, ведущих антиобщественный образ жизни [2, с. 119]. В своей профилактической деятельности по снижению виктимности подростков он может взаимодействовать с сотрудниками ГИБДД [3].

В-третьих, участковый уполномоченный полиции в ходе осуществления мероприятий по охране общественного порядка оказывает содействие сотрудникам подразделений по делам несовершеннолетних в выявлении: фактов антиобщественного поведения несовершеннолетних; родителей или лиц, их заменяющих, отрицательно влияющие на несовершеннолетних и не выполняющие обязанности по их воспитанию; работников образовательных, воспитательных, лечебных либо иных учреждений, нарушающих права и законные интересы несовершеннолетних, совершающих в отношении их противоправные действия, о чем докладывает рапортом начальнику территориального органа МВД России в целях принятия мер в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

В-четвертых, участие в раскрытии и расследовании преступлений несовершеннолетних. Нормативные акты относят к функциям участкового уполномоченного полиции оказание помощи в расследовании преступлений. Так, в его обязанности входит выявление и пресечение преступлений, не представляющих общественной опасности, совершенных несовершеннолетними, в целях предупреждения тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан, общественного порядка и общественной безопасности.

Но и в заключение хотелось бы добавить, что без опоры на население и общественность участковому уполномоченному полиции достаточно сложно выполнять свои обязанности, в том числе по недопущению совершения правонарушений как самими несовершеннолетними, так и в отношении них.

1. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Настольная книга участкового уполномоченного полиции: Методическое пособие / ФГКУ «ВНИИ МВД России», ГУООП МВД России; под ред. С. И. Гирько, Ю. Н. Демидова. М.: Объединенная редакция МВД России, 2013.

3. Баранчикова М. В., Кузнецова И. И. Использование психолого-криминологических знаний о виктимологической профилактике дорожно-транспортных преступлений сотрудниками ГИБДД // Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Старотеряево, 2016. С. 125–127.

Белоусов Алексей Дмитриевич,
ведущий научный сотрудник
НИЦ № 5 Всероссийского
научно-исследовательского
института МВД России,
кандидат биологических наук, доцент

КОГНИТИВНО-СТИЛЕВОЙ ПОДХОД К СОСТАВЛЕНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПРЕСТУПНИКА

Большое число уголовных дел, находящихся в производстве следователей и дознавателей является, как известно, одной из типичных сложностей при расследовании преступлений на современном этапе. Данное обстоятельство не способствует продолжительному и вдумчивому сосредоточению сотрудника на каждом конкретном материале дела, что делает актуальным применение научно-обоснованных подходов к оптимизации данной работы, а также внедрение в практику новых достижений психологической науки, изучающей, среди прочего, закономерности психической деятельности. Владение следователями этими знаниями и умениями способно улучшить не только их собственную саморегуляцию и адаптацию, но также и понимание закономерностей мышления фигурантов уголовных дел, вооружить сотрудников способностью видеть за поступками подозреваемых их типичные личностные особенности.

Данные навыки становятся все более востребованными в современных условиях, когда все больше преступлений совершается с использованием киберпространства Интернет, где материальные или аналоговые следы преступлений все чаще уступают место, так называемым, информационным или дискретным, цифровым. Психологические особенности преступников здесь приходится устанавливать по авторской текстовой информации, ее структуре, представлению, оформлению и т. п.

Расширенная психологическая компетентность сотрудников следственных подразделений становится востребованной и в условиях интенсивной современной информационной «войны» или, другими словами, борьбы за умы граждан России. Все большее число преступных деяний состоит в попытках деструктивных и разлагающих влияний на подрастающее поколение. Распознавание и правовая квалификация данных воздействий также требует опережающего развития у следователей и дознавателей навыков распознавания психотехнологий.

С более прогрессивных и экспериментально обоснованных научных позиций может и должно осуществляться также составление психологического портрета предполагаемого преступника. Распространенный в настоящее время типологический и характерологический принципы могут быть

с успехом расширены и усовершенствованы когнитивно-стилевым подходом.

В ряду важных причин обращения к данному направлению могут быть выделены, в частности, следующие: стили мышления человека представляют собой интегральное или метаобразование по отношению ко всем свойствам индивидуальности на всех уровнях ее организации, начиная с темперамента и заканчивая смысловой сферой [1, с. 109]. Кроме этого, когнитивный стиль, в отличие от традиционных униполярных психологических измерений, это биполярное измерение, в рамках которого каждый когнитивный стиль описывается за счет обращения к двум крайним формам интеллектуального поведения [2, с. 40]. Это значительно упрощает сбор и оперирование информацией об индивидуальных особенностях человека, что немаловажно в условиях предварительного расследования.

Интересным также с позиции прикладной ценности свойством выделенных в настоящее время основных когнитивных стилей является их ограниченное количество (около 10 наиболее изученных) [2, с. 45]. В частности, это

1. Полезависимость/полenezависимость.
2. Узкий/широкий диапазон эквивалентности.
3. Узость/широта категории.
4. Ригидный/гибкий познавательный контроль.
5. Толерантность/нетолерантность к нереалистическому опыту.
6. Фокусирующий/сканирующий контроль.
7. Сглаживание/заострение.
8. Импульсивность/рефлексивность.
9. Конкретная/абстрактная концептуализация.
10. Когнитивная простота/сложность.

Являясь, своего рода, структурной психофизиологической основой или причиной каждой личностной особенности, данные индивидуальные стили организации мышления могут служить для исследователя основанием для обобщений и упорядочения представления большого массива психологических характеристик человека.

Поводом и обоснованием обращения в ФГКУ «ВНИИ МВД России» к когнитивно-стилевому подходу при оказании научно-практической помощи следственным подразделениям в составлении психологических портретов разыскиваемых преступников явилось также:

- индивидуальный комплекс когнитивных стилей – это, по сути, структура интеллекта, а не его частное содержательное наполнение (объем знаний, опыт, ценности, убеждения);
- значительно большая стабильность данной структуры во времени относительно продуктивных характеристик интеллекта;
- возможность на основе когнитивно-стилевого подхода описания динамических стилевых особенностей поведения вместо номинализиро-

ванных (Номинализации – это представление непрерывных процессов как законченных) личностных качеств и психических состояний;

- оперативность и относительная простота выявления одного из двух полюсов конкретного когнитивного стиля;

- наличие сцепленных блоков когнитивных стилей, что позволяет в практических условиях ограниченности фактов высоковероятно предполагать наличие одних стилей по обнаруженным признакам других.

Данная закономерность выявлена в проведенном нами исследовании стилевых особенностей профессиональной деятельности сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания. В исследовании, проведенном в 2017 году приняло участие 100 сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания МВД России, в том числе из МВД по Республике Татарстан, Карачаево-Черкесской Республике, ГУ МВД России по Кемеровской области, г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, УМВД России по Архангельской, Вологодской областям и Ямало-Ненецкому автономному округу. В частности, в результате кластерного анализа корреляций стилей было получено два крупных кластера:

1 – проактивность/пассивность, когнитивная простота/сложность, внутренняя/ внешняя референция, фокусирующий/сканирующий контроль, процедура/возможность, конкретная/абстрактная концептуализация, полезависимость/полнезависимость, узкий/широкий диапазон эквивалентности, глобальная/конкретная дифференциация;

2 – ригидный/гибкий познавательный контроль, толерантность/нетолерантность к нереалистическому опыту, импульсивность/рефлексивность, движение «К»/движение «От».

Обнаружены корреляционные связи и между отдельными когнитивными стилями и стилями деятельности.

Кроме этого, пристальное изучение когнитивных стилей позволяет обнаружить их связи с личностными особенностями, описываемыми с других теоретических позиций, что также имеет определенную практическую ценность. Например, очевидна связь характеристик импульсивности/рефлексивности с темпераментом, когнитивной сложности и абстрактности концептуализации с продуктивными характеристиками интеллекта, гибкости познавательного контроля и толерантности с типами акцентуаций. Интересно также, что крайние значения степени когнитивной сложности и абстрактности концептуализации могут указывать на психопатологию. Представляется практически ценным и распознавание по когнитивным стилям индивида типов его психологических защит и степени тревожности.

Перспективным направлением прикладных исследований использования когнитивно-стилевого подхода к составлению поискового психологического портрет преступника является, на наш взгляд, формирование и наполнение базы данных о связи данных стилей с индивидуальным «почерком» совершения преступлений задержанных подозреваемых. Данная

информация может быть получена при тесном взаимодействии практических и научно-исследовательских подразделений органов внутренних дел.

1. Либин А. В. Единая концепция стиля человека: метафора или реальность? // Стиль человека: психологический анализ. М.: Смысл, 1998. 310 с.
2. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 384 с.

Боева Милана Александровна,
старший преподаватель кафедры
специальной подготовки Орловского
юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМА АФФЕКТИВНЫХ СОСТОЯНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ

Проблема аффективных состояний является одной из наиболее сложных в уголовно-правовой теории и криминологии. Сознательная деятельность человека включает в себя не только внешние проявления активности, но и все психические изменения, предшествующие принятию решения и направленные на его выполнение. Природную сущность индивида нельзя отрывать от общественной, их надо понимать в неразрывном единстве. На основе этого единства происходит взаимодействие субъекта с внешней средой.

Аффективное состояние характеризуется наличием богатой психиатрической симптоматики. В клинической картине присутствуют элементы автоматизма; действия недостаточно продуманы и осмыслены, не отражают личностную установку; движения хаотичны, нестройны, стремительны, порывисты. Субъекту становится чрезвычайно трудно удержаться от насильственных, как наиболее простых и отвечающих ближайшим мотивам, действий в ответ на провоцирующее поведение окружающих. Клиника физиологического аффекта включает длительное отсутствие успокоения, выражающееся в сильных, стремительных и порывистых автоматизированных движениях, непосредственно связанных с намерением причинить физический вред потерпевшему. В этом состоянии человек хватается первые, попавшие под руку предметы, пускает в ход руки и ноги, наносит множество хаотичных ударов в различные части тела, кусает потерпевшего. С моментом прекращения действий связано, как правило, наступление аффективной разрядки, выражающееся в состоянии оглушенности, упадке сил, апатии. Послеаффективное состояние характеризуется наступлением

раскаяния. Преступник испытывает сожаление, досаду, иногда переходящие в отчаяние. Эмоциональные перемены в психическом состоянии виновного отражаются на его поведении и мимике. Совершенное преступление является нетипичным, несвойственным для него поступком, поэтому произошедшее воспринимается как трагедия. Следовательно, изменения эмоциональной картины выступают в качестве симптомов психического состояния виновного, его отношения к содеянному, позволяют полнее исследовать личность преступника, мотивы и цели преступления.

Анализ уголовных дел о преступлениях, совершенных в состоянии аффекта, показывает, что действия виновных хотя и включают элементы автоматизма, но не содержат признаков невменяемости. Поэтому совершившие противоправные действия в состоянии аффекта подлежат уголовной ответственности. Аффект является проявлением свойств личности, выражающихся в несдержанности, неспособности к самообладанию и выдержке, неприученности к контролю над своими чувствами. В таком состоянии возрастает роль привычных форм поведения. Юридическое понимание сильного душевного волнения (аффекта) заключается в снижении способности лица понимать значение своих действий или руководить ими, указанное состояние считается смягчающим обстоятельством.

Следует отметить, что неадекватность эмоциональных реакций – довольно частый симптом в клинике психических заболеваний, поэтому в дальнейшем возникает необходимость нозологического определения выявленного синдрома. Состояние физиологического аффекта необходимо четко отличать от патологического аффекта, когда лицо, как правило, полностью утрачивает способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими.

Преступление, совершаемое в состоянии аффекта, является результатом взаимодействия объективного и субъективного, внешних и внутренних детерминант преступного поведения. Так, насилие, тяжкое оскорбление или иные противозаконные действия потерпевшего служат непосредственным поводом совершения преступления, вызывают аффект виновного и служат тем толчком, который вызывает решимость совершить преступление. Среди совершивших преступления в состоянии физиологического аффекта, основную массу составляют люди с недостаточно развитыми навыками контроля над своими эмоциями и поступками. Нетерпимость у них проявляется в отношении действий, ущемляющих их личные интересы, но не интересы всего общества в целом, а состояние аффекта вызывает менее значительный повод, чем среди тех, кто указанными качествами не обладает.

Важнейшей детерминантой преступного поведения в аффекте выступает неправильное поведение потерпевшего, которое вызывает у виновного состояние фрустрации, усиливает воздействие непосредственного повода, астенизирует нервную систему, подготавливая процесс декомпенсации. Следовательно, причинами преступлений, совершаемых в состоя-

нии аффекта, выступают обстоятельства, характеризующие конфликтную ситуацию, в особенности, неправомерные действия потерпевшего и внутренние условия, обеспечивающие противоправные действия субъекта в ответ на неблагоприятное воздействие ситуации.

Возникновению ситуаций, вызывающих аффект и решимость совершить преступное посягательство, способствуют плохие жилищные условия и затруднения с их улучшением. Недостатки воспитания в семье и школе, предупредительной деятельности государства и общественных организаций также могут способствовать формированию личности, неспособной вести себя должным образом в конфликтных ситуациях и совершающей преступления в состоянии физиологического аффекта. Важной основой возникновения аффекта может выступать незрелая психика несовершеннолетних, которым присуща повышенная эмоциональность и впечатлительность, склонность к внушению и подражанию, зависимость поведения от внешних обстоятельств и непосредственного окружения.

Планирование и осуществление предупредительных мероприятий, которые позволяли бы учесть личностные особенности как преступника, так и потерпевшего, возможны лишь в рамках специально-криминологических мер предупреждения. Предупреждение рассматриваемых преступлений возможно и после возникновения аффективного состояния в том случае, если ситуацию удастся подвергнуть глубокому интеллектуальному анализу, что возможно далеко не всегда. Осознание сложившейся ситуации позволяет снизить уровень болезненности фрустраций, дает возможность управлять своими эмоциями и их проявлениями во внешних действиях. Такой выход возможен только в результате дополнительной энергетической подпитки нервной системы, возникающей вследствие отдыха или переключения на другую деятельность. Следовательно, в предупреждении преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, необходимо не только устранять ближайшие поводы, но и заниматься воспитанием (самовоспитанием), позволяющим в полной мере контролировать эмоции и поступки. Обстановка нетерпимости к незначительным человеческим недостаткам, равно как и излишне терпимое отношение к недостойным и аморальным поступкам рождает отчуждение, неверие, озлобленность, снижает контролируемые возможности психической сферы и может выступать благоприятной почвой для возникновения аффекта.

Предупредительный эффект правовой пропаганды обусловлен не только знанием законов, но и воспитанием таких нравственных качеств, при которых соблюдение законов становилось бы личной потребностью каждого человека. Многие в предупреждении рассматриваемых преступлений зависят и от эффективности деятельности правоохранительных органов, в частности, службы участковых инспекторов и отделов профилактики правонарушений несовершеннолетних. Кроме того, необходима своевременная диагностика и коррекция невротических и аффективных рас-

стройств, выступающих в качестве ранней симптоматики психических заболеваний, последующее диспансерное наблюдение указанной категории лиц участковым психиатром. Решающее же значение, по нашему мнению, в разрешении указанного вопроса принадлежит созданию здоровой, дружелюбной атмосферы на работе и дома, а это зависит от каждого из нас.

Современный психолого-психиатрический взгляд на аффект, как на особое эмоциональное состояние человека, существенно отличающийся от обычной эмоциональной напряженности, страха, тревоги нашел отражение в соответствующих нормах уголовного законодательства. Дальнейшее исследование проблемы аффективных состояний при совершении противоправных действий позволит правильно и единообразно применять нормы, регулирующие ответственность за преступления, совершенные в указанном состоянии и вырабатывать оптимальные меры предупреждения данного типа преступлений. Сложность и многоаспектность исследования не позволили в рамках настоящей статьи рассмотреть все значительные вопросы темы, но необходимость их дальнейшего обсуждения не вызывает сомнений.

Вдовцев Павел Викторович,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса второго факультета
повышения квалификации (с дислокацией
в г. Екатеринбурге) Института
повышения квалификации Московской
академии Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук;
Каркошко Юрий Сергеевич,
доцент кафедры уголовного процесса
второго факультета повышения
квалификации (с дислокацией
в г. Екатеринбурге) Института
повышения квалификации Московской
академии Следственного комитета
Российской Федерации

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ Ч. 4 СТ. 157 УПК РФ

Действующую редакцию ч. 4 ст. 157 УПК РФ нельзя признать оптимальной. Реализация данной нормы в практической деятельности связана с необходимостью разрешения ряда проблемных вопросов. Рассмотрим некоторые из них.

После направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания вправе производить по нему следственные действия только по поручению следователя. Вместе с тем УПК РФ не содержит указания о том, выполнение каких следственных действий может быть поручено органу дознания следователем после принятия дела к своему производству. Данное обстоятельство встретило неоднозначное отношение среди ученых – процессуалистов и практических работников. В период действия УПК РСФСР 1960 г. многие авторы ограничивали право следователя давать поручения о производстве следственных действий лишь теми, которые орган дознания мог совершать по делам, по которым обязательно предварительное следствие (перечень их был ограничен) [2, с. 92]. Подобная точка зрения в несколько измененном виде (УПК РФ, как известно, не содержит исчерпывающего перечня неотложных следственных действий) находит сторонников и сегодня [6, с. 91]. Необходимость в установлении определенного перечня следственных действий, производство которых может быть поручено органу дознания, на наш взгляд, отсутствует. С учетом конкретной следственной ситуации любое следственное действие может выступить предметом поручения следователя [1, с. 188].

При решении вопроса о направлении органу дознания поручения о проведении того или иного следственного действия, безусловно, необходимо принимать во внимание его значимость для уголовного дела [4, с. 12]. Очевидно, что следователь, будучи лицом, несущим персональную ответственность за результаты расследования, должен непосредственно сам производить все следственные действия по уголовному делу. Поручать же проведение следственного действия органу дознания он вправе лишь в тех случаях, когда исключается возможность его производства им самим. К их числу следует отнести большую загруженность следователя, целесообразность одновременного проведения ряда следственных действий.

Следователь согласно ч. 4 ст. 157 УПК РФ вправе давать органу дознания, кроме того, поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Давая подобного рода поручение, он в общем виде ставит задачу по установлению обстоятельств, имеющих значение для дела. Что касается выбора конкретного ОРМ, тактики его проведения, то орган дознания определяет их самостоятельно.

Вместе с тем по-прежнему остается спорным вопрос о том, вправе ли орган дознания производить по делу ОРМ по своей инициативе, если лицо, совершившее преступление, было установлено в ходе производства неотложных следственных действий, или обязательным условием их производства в данном случае является только поручение следователя. Правомерность данного вопроса обусловлена его неоднозначной законодательной регламентацией. Так, ч. 4 ст. 157 УПК РФ вполне определенно устанавливает в подобной ситуации необходимость направления следователем орга-

ну дознания отдельного поручения. Однако согласно ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» основанием для проведения ОРМ является наличие возбужденного уголовного дела. Названное законодательное положение может быть истолковано в том смысле, что орган дознания вправе проводить ОРМ по уголовному делу и без поручения следователя и независимо от того, установлено ли лицо, совершившее преступление, или нет. Как отмечается в юридической литературе, по смыслу ст. 7 названного закона «возложенная на оперативные аппараты органов внутренних дел задача – раскрывать преступления – не снимается с них и после установления лица, его совершившего, и ее выполнение не может ставиться в зависимость от решений следователя» [3, с. 73].

Таким образом, налицо противоречие норм различных законодательных актов, которое должно быть устранено. Представляется, что возбуждение органом дознания неподследственного уголовного дела, производство по данному делу неотложных следственных действий и установление в ходе последних лица, совершившего преступление, не должно в целях достижения задач уголовного судопроизводства являться препятствием для проведения по данному делу ОРМ после направления дела руководителю следственного органа.

Проблемным является и вопрос определения пределов полномочий органа дознания по выполнению отдельных поручений следователя. Зачастую в результате осуществления органом дознания по поручению следователя какого-либо следственного действия складываются обстоятельства, требующие безотлагательного проведения другого следственного действия. УПК РФ, как известно, не наделяет орган дознания правом производства следственных действий в подобной ситуации, что не способствует, на наш взгляд, достижению уголовным судопроизводством своего назначения.

В юридической литературе было высказано предложение о том, что следователь, вынося постановление о розыске скрывшегося обвиняемого, направляемое для исполнения в органы дознания, может указать в нем на право производства в случае необходимости отдельных следственных действий, но только после уведомления его (следователя) о наличии к тому оснований [7, с. 60]. Данная точка зрения вполне применима и к случаям, когда орган дознания в ходе выполнения определенных поручением следователя следственных действий сталкивается с необходимостью безотлагательного производства следственного действия, не указанного в нем.

Однако более предпочтительным видится иной вариант решения данной проблемы. Представляется, в подобной ситуации орган дознания вправе выйти за пределы поручения следователя и провести данное следственное действие. В этом случае орган дознания обязан в течение 24 часов с момента начала его производства уведомить об этом следователя

(соответствующее положение могло бы быть закреплено в ч. 4 ст. 157 УПК РФ).

Часть 4 ст. 157 УПК РФ не содержит конкретного срока, в течение которого должно быть исполнено поручение следователя. Следует отметить то, что в УПК РФ срок исполнения предусмотрен только для поручений, адресованных следователю или органу дознания в случае необходимости производства отдельных следственных или розыскных действий за пределами места производства предварительного следствия. Согласно ч. 1 ст. 152 УПК РФ он составляет 10 суток. Для остальных поручений срок не установлен. В этой связи многие авторы предлагают установить 10-суточный срок применительно к исполнению поручений следователя, направленных в порядке ч. 4 ст. 157 УПК РФ. На наш взгляд, ограничение сроков исполнения поручения следователя в подобной ситуации 10 сутками вряд ли обоснованно. Учитывая то, что поручения следователя имеют различный объем работы, трудно однозначно определить срок их исполнения [5, с. 23]. Поэтому необходимо закрепить в УПК РФ положение о том, что срок исполнения поручений должен определяться самим следователем.

Реализация высказанных предложений по оптимизации ч. 4 ст. 157 УПК РФ, как представляется, могла бы способствовать повышению эффективности взаимодействия органов предварительного следствия и дознания.

-
1. Айвазова О. В. Концепция института производства неотложных следственных действий в контексте российского уголовно-процессуального закона: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.
 2. Васюков В. Ф., Булыжкин А. В. Некоторые проблемы расследования уголовных дел о взяточничестве // Закон и право. 2015. № 1. С. 133–134.
 3. Зубов И. Н. Федеральный закон «Об ОРД»: научно-практический комментарий. М., 2000.
 4. Михайлов А. И. Отдельное поручение следователя. М., 1971.
 5. Васюков В. Ф. Особенности становления института освидетельствования в российском уголовном процессе // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 5 (25). С. 69–72.
 6. Паутова Т. А. Взаимодействие следователей органов внутренних дел с органами дознания при возбуждении и расследовании уголовных дел. Тюмень, 2005.
 7. Чувилев А. А., Добровольская Т. Н. Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР. М., 1985.

Гайнельзянова Венера Равилевна,
старший преподаватель кафедры
криминалистики Уфимского
юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СУБЪЕКТОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА
ПРОИСШЕСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

К участию в следственных действиях в научной литературе нет единого подхода к проблеме привлечения специалистов. В этой связи, Е. Я. Лопушна рекомендует приглашать специалистов к участию в следственных действиях в тех случаях, когда имеется необходимость в использовании специальных знаний и без таких знаний следователь или суд не в состоянии выяснить те или иные вопросы [4].

В. Н. Махов трактует, что привлечение специалиста полезно и для выполнения работы, которую следователь мог проделать сам, но медленнее и менее качественно, чем специалист [5].

В ходе изучения правоприменительной практики, отметим, мнение А. В. Мусиенко, указывающего на два принципа, которыми должны руководствоваться следователи при решении данного вопроса: «...принцип необходимости и принцип практической целесообразности» [6].

Также справедливо по этому вопросу определяет В. С. Латыпов, указывая на то, что следует представлять четкую грань между собирательно категорией понятия специалиста, и специалиста как полноценного, самостоятельного участника уголовного судопроизводства, чей процессуальный статус регламентирован действующим уголовно-процессуальным законодательством [3].

В этой связи, обозначим, что под необходимостью использования специальных знаний и навыков специалистов при этом признаются предусмотренные законом случаи, когда следователь и суд убеждаются в невозможности их проведения без участия специалистов, либо случаи обязательного вызова специалистов для участия в следственных действиях. Практическая целесообразность применения специальных знаний и навыков специалистов в организации следственного действия, по мнению А. В. Мусиенко, не зависит от субъективных возможностей следователя, а состоит в оптимальном использовании специальных знаний при расследовании преступлений исходя из интересов научной организации труда.

Процесс организации осмотра места происшествия при расследовании указанной категории преступления достаточно специфичен, поэтому привлечение специалиста-автотехника имеет большое значения для дальнейшего расследования.

А. А. Полещук, указывая, что при расследовании сложных преступлений следователю приходится выполнять очень большую работу по выяснению фактов, нередко относящихся к различным специальным областям. Это связано с затратой большого количества времени, снижением производительности труда следователя и удлинением сроков расследования. Такая ситуация иногда порождает неуверенность следователя в способности раскрыть преступление, приводит к существенным ошибкам [9].

В процесс расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств важное значение уделяется в непосредственной необходимости привлечение лиц, обладающих специальными знаниями и оперирования ими при квалификации по любой из частей статьи 264 УК РФ. В процессе изучения нами правоприменительной практики, в частности уголовных дел, проводились практически все, предусмотренные в УПК РФ следственные действия, но чаще других осмотр места происшествия; дополнительный и повторный осмотр места происшествия; допросы свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых; следственный эксперимент; назначение судебных экспертиз; очная ставка; проверка показаний на месте.

Как справедливо отмечает, С. Р. Низаева, осмотр места происшествия является важнейшим следственным действием, от результатов которого во многих случаях зависят не только дальнейшее направление, но и итоги расследования [7].

Исходя из вышесказанного, необходимо остановиться на том, что является осмотром места происшествия при расследовании нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Так, для определения места столкновения ТС, как отмечает М. И. Замиховский, способствуют: следы разброса их обломков; осыпь грязи с ТС, располагающаяся вблизи места столкновения (крылья ТС препятствуют их перемещению на значительное расстояние); следы масла, воды, тосола, антифриза, вытекающие из поврежденных агрегатов и узлов ТС (жидкость вытекает вниз, прямо на поверхность дороги на некотором удалении от места столкновения); следы бокового перемещения (скольжения) шин (в момент столкновения происходит отклонение от первоначального движения с образованием следов скольжения шин колес в боковом направлении); следы повреждений придорожных объектов, таких как насыпи, ограждения, деревья, опоры освещения и т. д. Они могут находиться на некотором расстоянии от места столкновения и места нахождения ТС после ДТП, и порой их трудно обнаружить [2]. Поэтому по прибытии на место происшествия следователю, совместно со специалистом, в

первую очередь, должны определить границы осмотра и поиска вещественных доказательств.

В контексте сказанного, необходимо отличать старые следы, оставленные какими-либо частями ТС на придорожных объектах ранее, от следов, оставленных непосредственно при ДТП. Старые следы обладают рядом особенностей, они имеют наслоения пыли, грязи и т. д.; более тусклые, тертые; имеют следы наслоения, оставленные другими ТС.

Кроме того, помимо составления протокола осмотра места происшествия обстановка ДТП фиксируется в схеме, которая вместе с фототаблицей является приложением к протоколу осмотра. При этом, как показывает практика, схема служит для того, чтобы зафиксировать предполагаемое место столкновения с указанием на ней результатов замеров, кроме того и точное взаимное расположение наиболее важных объектов на месте ДТП относительно автодороги. И в заключении составляется чистовая схема осмотра места ДТП, которую обязаны подписать все лица, подписавшие схему, не исключая и понятых.

Определяя средство регистрации происшедшего, фиксации обстановки ДТП; пределы видимости из определенной точки; использования для исследования и подтверждения теоретических и практических предпосылок с целью воспроизводства обстановки ДТП в ходе расследования и судебного разбирательства; использования для установления и подтверждения границ осмотра места ДТП, следователь должен помнить, что этому способствует фото- и видеосъемка, сделанные на месте ДТП [8].

В рамках основного осмотра места ДТП всегда производится осмотр транспортных средств. Если транспортные средства обнаруживаются в другом месте, их осмотр производится в виде самостоятельного процессуального действия [1].

Несомненно, для правильного описания обнаруженных повреждений специалист должен мысленно разделить автомобиль на отдельные зоны и тщательно обследовать каждую из них: переднюю часть (бампер, облицовка радиатора, фары, габаритные и стояночные фонари), левую сторону, правую сторону (переднее крыло, передняя дверь, зеркало бокового вида, дверная стойка, окна, задняя дверь, заднее крыло), заднюю часть (задний бампер, задние фонари, выхлопная труба, прицепное устройство, крышка багажника) и т. д.

При прибытии на место происшествия члены следственно-оперативной группы, отмечает А. Х. Натов, должны сделать все возможное для спасения жизни потерпевших, при необходимости уметь оказать первую медицинскую помощь [10]. Однако, как известно велика доля ДТП, которые заканчиваются гибелью людей.

Таким образом, отметим, в виде заключения по вопросам осмотра места происшествия, результаты осмотра места ДТП, ТС и трупа при расследовании рассматриваемого вида преступлений представляют собой ис-

ходную, первичную, во многом незаменимую информацию, позволяющую установить обстоятельства происшествия, его механизм, а в конечном итоге – роль в нем каждого из его участников. Огромное многообразие следов ДТП по их природе и механизму образования объективно обуславливает необходимость активного участия в этом следственном действии специалиста (криминалиста, автотехника, судебного медика). Обнаружение таких следов, их точное, профессиональное грамотное описание в протоколе, фиксация с помощью фотовидеотехники во многом предопределяет успешное решение идентификационных и диагностических задач в форме судебных экспертиз и, в целом, результаты расследования ДТП.

1. Гайнельзянова В. Р. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 19.
2. Замиховский М. И. Экспертная реконструкция механизма дорожно-транспортного происшествия по его следам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 135.
3. Латыпов В. С. К вопросу о применении специальных знаний сведущими лицами в уголовном процессе России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Уфа, 2015. № 3. С. 42–45.
4. Лопушна Е. Я. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1971. С. 7.
5. Махов В. Н. Участие специалиста в следственных действиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 10.
6. Мусиенко А. В. Принципы привлечения специалистов к производству следственных действий // Проблемы предварительного следствия: сб. науч. раб. Волгоград, 1978. Вып. 7. С. 96.
7. Низаева С. Р. Тактические особенности производства осмотра места происшествия на этапе доследственной проверки сообщений о фактах мошенничества в сфере жилищно-правовых отношений / Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Н. П. Яблокова // Сб. науч. раб. М., 2015. № 3. С. 402–406.
8. Перлов С. Н. Доказывание при расследовании дел о дорожно-транспортных происшествиях. (Процессуальные и криминалистические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 78.
9. Полещук А. А. Следственная практика. М., 1972. Вып. 94. С. 6.
10. Натов А. Х. Криминологический анализ и организация предупреждения органами внутренних дел дорожно-транспортных происшествий, со-

вершаемых водителями индивидуальных автомобилей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 107.

Георгиади Ирина Сергеевна,
преподаватель-методист отделения
методического обеспечения учебного
процесса учебного отдела
Новороссийского филиала
Краснодарского университета
МВД России

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО НЕЗАКОННОЕ УЧАСТИЕ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современных условиях развития общества, государства и межгосударственных отношений, факторы, оказывающие существенное влияние на преступность, кардинально изменились. Условно данные факторы можно разделить на две основные группы: социально-демографические (демографическая структура населения, уровень народонаселения, его миграция и другие социальные процессы и явления, влияющие на преступность) и юридические (это изменения уголовного законодательства, расширяющие либо сужающие сферу преступного и наказуемого, меняющие классификацию и квалификацию преступлений и др.). Основной задачей ученых-криминологов является изучение личности преступника, на которую активное влияние оказывает совокупность данных факторов. Криминологическое изучение личности правонарушителя имеет большое научное и практическое значение, поскольку без определения специфических характеристик лиц с асоциальным поведением, а также механизмов его формирования вряд ли можно эффективно предупреждать и пресекать противоправные акты, организовывать борьбу как с отдельными видами правонарушений, так и преступностью в целом [1, с. 54–57].

Рассматривая личность преступника, совершающего коррупционные преступления, в частности, незаконное участие в предпринимательской деятельности, в целом можно сказать, что преступники данной категории довольно сильно отличаются по ряду социально-демографических признаков от других категорий правонарушителей, в том числе и корыстных. Как правило, это лица среднего возраста (старше 30 лет), что вполне закономерно, так как к этому возрасту человек достигает определенной ступени своей карьерной лестницы, статуса, материального положения.

Уровень образования коррупционного преступника выше, чем в среднем у всех остальных преступников. Именно поэтому коррупционную

преступность традиционно относят к так называемой «беловоротничковой» преступности. Соответственно среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за эти преступления, чаще, чем в других случаях, встречаются люди, занимающие высокое социальное положение (собственники и управляющие крупных предприятий, высокопоставленные чиновники и т. д.). Так, например, в 2015 году СУ СК РФ по Воронежской области возбудило уголовное дело в отношении бывшего заместителя руководителя департамента имущественных и земельных отношений (ДИЗО) Воронежской области, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ [3]. В 2016 году возбуждено уголовное дело против сотрудника администрации Ребрихинского района. Как сообщает пресс-служба СУ СК РФ по Алтайскому краю, он подозревается в незаконном занятии предпринимательством [5].

Также отличительной чертой должностных лиц, занимающихся незаконным участием в предпринимательской деятельности, является наличие большого стажа работы, что вполне закономерно, так как преступник, обладая глубоким знанием специфики своей деятельности, сложившимся кругом служебных и деловых связей, имеет больше возможностей заниматься преступной деятельностью, при этом сохраняя ее латентность.

Данные о служебном положении и стаже работы названных выше субъектов отражают связи способов совершения данных преступлений, круга вовлекаемых в совершение этих деяний лиц, могут свидетельствовать о других значимых характеристиках их личности (профессионализм, умение налаживать деловые контакты и т. п.). Следует также отметить, что зачастую соответствующие коррумпированные должностные лица обладают не только официальным статусом и профессиональными знаниями, но и определенным криминальным опытом; они сами могут проявлять инициативу, выполняя те или иные действия (бездействие), направленные на нарушение нормативно-правовых установлений, регламентирующих их служебную деятельность, и вовлекать для совершения противоправных действий других лиц [2, с. 184].

Также можно сказать о том, что личность преступника, совершающего коррупционные преступления, в частности, осуществляющего незаконное участие в предпринимательской деятельности, формируется под влиянием среды, в которой он находится. Если в коллективе имеются лица, достигнувшие высокого статуса и материального положения за счет криминальной деятельности, то это однозначно негативно сказывается на формировании личности субъекта, желающего достигнуть таких же высот и подавая ему пример на совершение преступлений. Кроме того, лицо, ориентируясь на «дорогостоящий» образ жизни сослуживцев, их образ жизни и привычки, подсознательно дает себе установку на достижение равного материального благосостояния за счет преступной деятельности.

Что касается нравственно-психологической характеристики лиц, совершающих преступления коррупционной направленности, то в целом им присуща корыстно-потребительская ориентация, нередко достигающая уровня своеобразного социального хищничества, стремления любой ценой к наживе, роскоши, обладанию благами и ценностями, которые не могут быть нажиты честным трудом.

Кроме того, лицам, совершающим коррупционные преступления, также присуще пренебрежение к закону, к соблюдению общепринятых норм морали. Данные черты можно объяснить тем, что, несмотря на пристальный контроль со стороны общества и государства за должностными лицами, количество уголовных дел, по которым был вынесен обвинительный приговор, крайне низко. Так, по данным статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, за 2012 год по ст. 289 УК РФ осуждено 4 лица, в 2013 году – 2 лица, в 2014 году – 4 лица [4]. В связи с этим, преступник чувствует своего рода безнаказанность и уверенность в том, что благодаря своему материальному и служебному положению, ему удастся избежать уголовной ответственности.

Таким образом, мы согласимся с мнением большинства специалистов, выделяющих следующие характерные черты личности субъектов коррупционных преступлений вообще и незаконного участия в предпринимательской деятельности в частности:

- высокий уровень образования, глубокое знание специфики своей служебной деятельности;
- как правило, высокий социальный и служебный статус;
- хорошее знание основ предпринимательской деятельности и подчинение своим преступным целям достижений экономического либерализма; [2, с.188]
- завышенные материальные потребности;
- желание обогатиться и занять определенный статус, невзирая на законодательство и общепринятые моральные нормы;
- пренебрежительное отношение к закону, чувство безнаказанности.

Подводя итог в рассмотрении вопроса о криминологической характеристике личности преступника, осуществляющего незаконное участие в предпринимательской деятельности, необходимо сказать, что данная тема заслуживает более пристального внимания со стороны государства и правоохранительных органов, так как без надлежащего изучения проблемы изнутри, невозможно осуществлять надлежащую борьбу с ней, а также осуществлять профилактику и предотвращение указанной категории преступлений.

1. Абрамовская О. Р., Майоров О. В. Криминологические особенности личности коррупционного преступника // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. Выпуск № 37 (291). С. 54–57.

2. Изосимов В. С. Незаконное участие в предпринимательской деятельности: уголовно-правовое и криминологическое исследование. М., 2014.
3. URL: <http://bloknot-voronezh.ru/news/vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-eks-zamest-659702>.
4. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>.
5. URL: http://fedpress.ru/news/society/news_crime/1459404663-sk-altaiskii-chinovnik-nezakonno-zanimalsya-biznesom.

Глушков Евгений Леонидович,
старший преподаватель кафедры ОРД
БелЮИ МВД России имени
И. Д. Путилина;
Свистильников Александр Борисович,
профессор кафедры ОРД БелЮИ МВД
России имени И. Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент

СПОСОБЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РЕЙДЕРСКИМИ ЗАХВАТАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Стабильность экономических интересов России возможна только на основе устойчивого развития экономики, которое в большей степени зависит от защиты права собственности от рейдеров.

Рейдерство существенно дестабилизирует развитие экономики в России, приводит к значительному ухудшению криминологической обстановки в стране и наносит серьезный ущерб развитию предпринимательской активности населения.

Это противоправное явление связано с такими угрозами экономической безопасности как увеличение коррумпированности государственных служащих и представителей судейского корпуса, повышение уровня безработицы, монополизация ряда сегментов рынка, утрата конкурентоспособности, разрушение и спад производства, дискредитация представителей федеральной и региональной власти, правоохранительных органов и судов, ухудшение инвестиционного климата, деформация правовой идеологии и распространение правового нигилизма и др.

Страдают от рейдеров не только граждане нашей страны, но и зарубежные партнеры по бизнесу, что в значительной мере вредит имиджу России на мировой арене, снижает инвестиционную привлекательность российской экономики.

Подобная практика наносит существенный вред государству, поскольку представляет Российскую Федерацию непривлекательной для

многочисленных инвесторов, дискредитирует судебную систему и проводимые в стране реформы. Именно поэтому, правоохранным органам необходимо принимать все предусмотренные законом меры нейтрализующие это криминальное явление.

Анализ материалов уголовных дел, проведенный исследователями научных и образовательных организаций, а также личный опыт работы авторов показывает, что сотрудники полиции не всегда имеют достаточный уровень знаний, умений и навыков позволяющий собрать достаточное количество сведений доказывающих виновность лиц в совершивших преступлениях предусмотренных ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве» и ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство».

При этом отметим, что в объеме предлагаемой статьи невозможно в полной мере раскрыть все оперативно-розыскные меры, которые бы гарантированно способствовали сбору информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ) с учетом специфики исследуемых преступлений предусмотренных ст. 195, 196 УК РФ.

В этой связи представляется целесообразным отразить наиболее существенные обстоятельства, которые целесообразно выяснять в процессе оперативной разработки с использованием агентурного аппарата и иных возможностей при документировании противоправных действий рейдеров и их пособников. К ним относятся:

- время совершения преступления;
- период действия предприятия либо организации;
- круг учредителей предприятия либо организации, их финансовое состояние;
- состав руководства организации и распределение обязанностей между ними;
- круг сделок, осуществляемых организацией, их содержание;
- наименование контрагентов организации по заключенным сделкам, связанным с куплей-продажей и реализацией имущества; время регистрации таких организаций, фактическое осуществление ими нормальной предпринимательской деятельности;
- являлись ли контрагенты по заключенным сделкам клиентами того же банка, обстоятельства знакомства руководства организации с руководством банка, обстоятельства заключения сделок;
- наименования банков, клиентами которых являлись сторонние организации, их финансовое состояние, наличие и длительность отношений с организацией банкротом.
- круг лиц из руководства предприятия либо организации, которые непосредственно принимали решение о заключении договоров либо контрактов, направленных на вывод имущества (активов);

- направления расходования денежных средств, полученных контрагентами по заключенным сделкам, имело ли место их обналичивание, на каком этапе и при каких обстоятельствах;
- отражение операций по приобретению неликвидных ценных бумаг по счетам предприятия либо организации;
- направления расходования денежных средств, полученных предприятием либо организации от реализации имущества и ликвидных ценных бумаг, отражение операций с ними по счетам в банке;
- условия заключения договоров, их выполнение кредитором и заемщиком;
- движение денежных средств и их обналичивание по договорам, заключенным руководством предприятия либо организации и не предполагающим их реальное исполнение; направления использования таких денежных средств;
- факты обучения родственников или знакомых руководства предприятия либо организации за рубежом, источники средств, направленных на оплату их обучения;
- факты приобретения руководителями предприятия либо организации, их филиалов недвижимости на территории РФ или за рубежом, источники формирования средств, на которые они были приобретены;
- факты поступления на личные счета руководителей предприятия либо организации, в том числе открытых за рубежом, крупных денежных сумм, направления их использования;
- сведения о документальной стоимости движимого и недвижимого имущества, цене его реализации; направлениях использования разницы в цене;
- сведения о заработной плате руководителей предприятия либо организации и их родственников, их совокупном доходе с целью определения возможности приобретения движимого или недвижимого имущества на территории РФ или за рубежом; внесения вкладов в уставной капитал коммерческих организаций;
- причинение крупного ущерба и круг субъектов, которым он причинен с указанием суммы;
- наличие причинной связи между причиненным крупным ущербом и действиями виновных лиц;
- виновность лиц, подозреваемых в совершении преступления, цель и мотивы преступного поведения;
- обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- круг соучастников лиц, виновных в незаконном банкротстве предприятия либо организации, степень их виновности и ответственности в соответствии с уголовным законодательством;
- количество кредиторов, имущественные права которых нарушены;

- соблюдение порядка очередности при удовлетворении требований кредиторов до возбуждения уголовного дела;
- способность своевременно выполнить денежные обязательства, прибыльность предприятия либо организации за различные периоды ее деятельности;
- время, с которого предприятие либо организации было не в состоянии удовлетворить требования кредиторов, его финансовое состояние стало ухудшаться и перечень действий, повлекших такие негативные последствия;
- достоверность отчетности предприятия, предоставленной в ФНС;
- принятие в отношении предприятия либо организации мер по предупреждению банкротства;
- другие обстоятельства с учетом сложившейся оперативно-тактической ситуации.

Отражение оперативными подразделениями полиции в материалах доследственной проверки вышеизложенных обстоятельств, подлежащих в дальнейшем доказыванию в процессе расследования уголовных дел возбужденных по ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве» и ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство», исключит неправомерное вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел и позволит изблечь виновных лиц в этих преступлениях.

-
1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
 2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ: в ред. от 23.07.2013 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
 3. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон Рос. Федерации от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.
 4. Хайдиулина Р. Н., Лабутин А. А., Хайрулин А. Р. Организация и тактика выявления, пресечения и раскрытия механизма недобросовестных корпоративных захватов / Казанский юридический институт МВД России, ВНИИ МВД России. Казань, 2009.
 5. Родычев М. Л. Шахматов А. В. К вопросу о временном запрещении (замораживании) органами, осуществляющими ОРД, финансовых операций с денежными средствами, полученными в результате сбыта наркотических средств и психотропных веществ, в целях предупреждения их легализации // Наркоконтроль. 2015. № 3. С. 24–27.

Ермакова Ольга Владимировна,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии Барнаульского
юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

УСЕЧЕННЫЙ СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ В НОРМАХ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Впервые упоминание об усеченном составе преступления встречается в научной литературе XIX–XX века. Так, еще А. Н. Круглевский писал о «нормальном типе составов» и «усеченных, где в роли оконченного преступления выступает действие» [1, с. 43–46].

Однако до настоящего времени усеченные составы преступлений нельзя отнести к числу разработанных, что объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, сама классификация составов оконченных преступлений в науке уголовного права вызывает дискуссии (как с точки зрения необходимости ее выделения, так и содержательной составляющей). Во-вторых, неопределенно место усеченных составов в этой классификации.

Так, одни авторы вообще не выделяют усеченные составы, ограничиваясь указанием на формальные и материальные составы, понимая под первыми составы, в объективную сторону которых законодателем не включены общественно опасные последствия, а под вторыми – составы, содержащие в себе такие последствия [2, с. 87–88].

Так, еще А. Н. Трайнин указывал на неудачность термина «усеченный» состав, поскольку «состав всегда един и всегда "полон" теми конкретными элементами, из которых он по закону слагается» [3, с. 99–100].

Другими авторами усеченные составы рассматриваются как разновидность формального состава [4, с. 270–271], что объясняется их схожестью в части обязательных признаков объективной стороны.

Однако, несмотря на то, что и в формальном и в усеченном составе обязательным признаком выступает преступное деяние, последний занимает самостоятельное место в классификации составов преступлений по моменту окончания, поскольку обладает отличительными особенностями по сравнению с формальными составами.

Эти особенности связаны с моментом окончания преступлений с таким составом, который переносится законодателем на более раннюю стадию развития преступного деяния, а именно, на начало его совершения. Кроме того, преступление признается оконченным независимо от завершенности преступного деяния.

Установление момента окончания на ранних стадиях позволяет усилить уголовную репрессию путем фиктивного объявления неоконченной преступной деятельности окончанным преступлением с возможностями назначения соответствующего наказания в пределах санкции статьи. Именно поэтому с точки зрения реализации превентивной и охранительной функции уголовного права использование усеченных составов при конструировании уголовно-правовых норм следует признать достаточно перспективным.

Следует отметить, что использование усеченного состава преступления сопряжено с определенными сложностями, связанными с его описанием в диспозициях статей Особенной части УК РФ. Это объясняется тем, что отражение в диспозиции статьи конструкций усеченного и формального состава предполагает указание на одну и ту же стадию механизма – совершение деяния. Именно поэтому по «внешним признакам» данные конструкции различить достаточно сложно.

Грань между усеченным и формальным составом располагается на том отрезке стадии совершения деяния, который избран законодателем в качестве юридического момента окончания преступления. Изложенное приводит к необходимости четкого описания преступного деяния, позволяющего сделать вывод о конструкции состава и моменте окончания преступления.

Однако анализ УК РФ показывает, что при терминологическом оформлении преступного деяния законодатель в большинстве составов использует форму отглагольного существительного, что создает впечатление процесса осуществления деяния, имеющем протяженность во времени.

В русском языке отглагольные существительные употребляются в 2 значениях: процесс (действие) и (или) результат процесса [5, с. 233]. Соответственно, законодатель при использовании такого существительного может вложить в его содержание различное значение и «связать момент окончания преступления с любой стадией процесса» [6, с. 76].

Например, термин «вовлечение», используемый во многих составах преступлений против семьи и несовершеннолетних (ст. 150, 151 УК РФ), здоровья населения и общественной нравственности (ст. 240 УК РФ), можно расценивать как деятельность, направленную на склонение лица к чему-либо; и как результат такой деятельности, подразумевающий свершившийся факт воздействия. Аналогичное двойное значение сочетается в таких терминах, как «склонение» (ст. 230, 230.1 УК РФ), «понуждение» (ст. 133 УК РФ), «воспрепятствование» (ст. 141, 144, 169, 185.4, 294 УК РФ) и т. д.

Использование такого способа описания деяния создает сложности в уяснении конструкции состава преступления, что очевидно прослеживается при анализе научной литературы, когда одни и те же составы относятся к различным группам. Так, неоднозначно в научной литературе решается

вопрос о конструкции состава вымогательства (одни специалисты считают этот состав формальным [7, с. 344], а другие усеченным [8, с. 354]).

Представляется, что проблема состоит не в самом использовании отглагольных существительных, а в отсутствии общего правила определения момента окончания преступления, в котором деяние обозначается таким образом.

С целью единообразного толкования и применения уголовного закона, а также для обеспечения принципов законности и справедливости, следует унифицировать понимание значения отглагольного существительного, используемого для описания деяния в формальном и усеченном составе преступления, подразумевая под ним исключительно фактическую его завершенность, а в усеченном составе – процесс исполнения, признаваемый юридически оконченным на начальном этапе.

Субъектам судебного толкования при разъяснении момента окончания преступлений с такой конструкцией состава необходимо руководствоваться аналогичным значением преступного деяния, выраженного в виде отглагольного существительного.

Кроме того, при описании момента окончания преступления с усеченным составом необходимо использовать такие термины (выражения) для обозначения преступного деяния, которые подчеркивают одномоментность (предельную краткость) совершения деяния, независимость начального акта от завершения преступного деяния и, тем более, от наступления преступного результата.

Например, использование термина «посягательство на жизнь» (ст. 277, 295, 317 УК РФ), исходя из этимологического значения, означающего попытку [9, с. 195] демонстрирует установление уголовной ответственности за начальные действия, независимо от успешности их завершения.

Еще одним способом описания деяния при использовании конструкции усеченного состава выступает указание наряду с преступным деянием на цель деятельности преступника, достижение которой находится за рамками состава преступления (такой способ использован во всех усеченных составах). Данный способ позволяет показать временную протяженность преступления, разделяющую преступное деяние и преступный результат. Так, в составе разбоя (ст. 162 УК РФ) такой отдаленной целью является цель хищения, в составе бандитизма (ст. 209 УК РФ) – нападение на граждан или организации и т. д.

Таким образом, терминологическое оформление деяния при использовании усеченного состава должно отражать незавершенность преступления, признание наказуемым его начального проявления.

1. Круглевский А. Н. Имущественные преступления. СПб.: Типо-лит, 1913. 560 с.

2. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога и А. И. Чучаева. М.: НОРМА, 2007. 427 с.
3. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М.: Изд-во Юридической литературы, 1957. 360 с.
4. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / Отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1968. 648 с.
5. Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2003. 416 с.
6. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 336 с.
7. Российское уголовное право / Под ред. А. В. Наумова. М.: Информ-право, 2016. 537 с.
8. Российское уголовное право / Под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014. 576 с.
9. Толковый словарь / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Аз, 1992. 725 с.

Иванченко Роман Борисович,
начальник кафедры уголовного права
и криминологии Воронежского
института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
Польшиков Александр Васильевич,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

СПЕЦИФИКА РАННЕЙ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОТИЗМА СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ – ШКОЛЬНИКОВ

Профилактическая работа по предупреждению наркотизма в школе основывается на принципах и содержании общесоциального и специального предупреждения [1]. Вместе с тем, необходимо учитывать некоторые отличительные особенности профилактики подросткового наркотизма:

1) основной целью профилактики является сохранение подростков в нормальной социальной среде и недопущения употребления ими наркотических средств и психотропных веществ, одурманивающих и токсических веществ [2]; реализовать эту задачу должна семья и образовательная среда под руководством специализированных субъектов профилактики наркотизма несовершеннолетних – сотрудников территориальных ПДН ОВД и

работников профильных медицинских учреждений (наркологический диспансеры для несовершеннолетних);

2) поздняя профилактика наркозависимости подростков должна быть направлена на их возврат в нормальную социальную среду и связана с решением целого комплекса задач по их непосредственному лечению, проведению медицинской и социально-психологической реабилитации и ресоциализации; такая профилактика не менее важна для практики, поскольку несовершеннолетний наркопотребитель (как правило, имеющий диагноз «наркомания») может вовлечь в употребление психоактивных веществ нормальных подростков, которые ранее вообще не употребляли наркотики.

3) работа с семьей школьников является одной из составляющей системы профилактики подростковой наркомании и должна охватывать все возрастные группы детей (с 7 по 16 лет, т. е. с 1 по 11 учебные классы), а также родителей и других законных представителей несовершеннолетних;

4) сотрудникам ПДН ОВД при выборе форм и методов профилактической работы с семьями (для различных возрастных групп) необходимо помнить, что семья может выступать фактором: формирования преднаркотической личности; фиксации психологической зависимости от наркотиков; провоцирующим продолжение приема наркотиков; эффективности психотерапевтической и реабилитационной работы.

5) наибольший потенциальный риск употребления наркотиков выражен у несовершеннолетних в возрасте 12–17 лет (старшая возрастная группа школьников); в это время молодые люди должны справляться с большим количеством задач собственного развития: подготовить свой уход из дома, достичь признания в своей возрастной группе, завязать дружеские и партнерские отношения, определить перспективу своей будущей профессии, создать шкалу ценностей как основу собственного поведения. Поэтому необходима психологическая поддержка подростков этой возрастной группы силами не только социальных педагогов и психологов в стенах общеобразовательных школ, но и всех заинтересованных субъектов (вне школы), круг которых определен в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3].

Одним из главных координаторов этой работы должны выступать именно сотрудники территориальных ПДН ОВД [4]. При проведении исследования нами были проинтервьюированы 187 сотрудников ПДН ОВД из 68 субъектов Российской Федерации. Так, в частности, 84,5 % респондентов отметили, что руководителям территориальных ПДН ОВД, равно как и директорам общеобразовательных организаций, необходимо учитывать, что некомпетентная антинаркотическая контрпропаганда проведенная сотрудниками, имеющими незначительный опыт профессиональной деятельности и должный уровень подготовки в этой сфере, может спровоцировать у подростков-школьников интерес к наркотикам (обратный нега-

тивный эффект). Поэтому нами рекомендуется привлекать к такой работе сотрудников ПДН ОВД, имеющих стаж работы в практических органах не менее 5 лет, базовое педагогическое или психологическое образование и прошедших соответствующую профильную переподготовку для работы с детьми в данном направлении (оптимальный вариант, по мнению опрошенных нами руководителей территориальных ПДН ОВД, – 96,0 % высказались в поддержку этого мнения)

Кроме того, на раннем этапе профилактики наркотизма среди несовершеннолетних, сотрудникам территориальных ПДН ОВД нельзя забывать о профилактике иных вредных пристрастий школьников, так как употребление наркотиков почти всегда предшествует употреблению алкоголя и табака [5] (по данным, полученных нами при опросе респондентов из числа медицинских работников наркологического диспансера и сотрудников территориальных ПДН ОВД, 2 из 10 несовершеннолетних-курильщиков и 4 из 10 несовершеннолетних-алкоголиков, начавших злоупотреблять этими вредными привычками в возрасте до 10 лет, становятся наркопотребителями с диагнозом «наркоманами» уже в более зрелом возрасте!). Полагаем целесообразным сотрудникам ПДН ОВД планировать профилактические мероприятия с учетом вышеуказанной закономерности, акцентировав внимание на возрастной группе школьников 7–11 классов (не только старшей возрастной группы 9–11 классов, как считалось ранее).

С этим утверждением согласилось 66,0 % опрошенных нами респондентов из числа руководителей территориальных ПДН ОВД; 81,5 % работников медицинских учреждений; 46,5 % педагогических работников школ (последние отметили, что такая работа ими проводится самостоятельно на регулярной основе). Подчеркиваем, что работа ПДН ОВД, медицинских работников и педагогов школ должна быть максимально ответственной по отношению к детям, что предполагаем непрерывное согласованное взаимодействие, имеющее системный характер и исключающее формализм. Перекалывание бремя нагрузки по профилактике табакокурения и употребления алкоголя на сотрудников школ и медицинских учреждений со стороны территориальных ПДН ОВД не допустимо (как и наоборот).

Сотрудникам территориальных ПДН ОВД необходимо учитывать и тот факт, что в возрасте с 12 до 17 лет (6–11 учебные классы школ, когда дети наиболее подверженные риску вовлеченными в употребление наркотиков) молодые люди, как правило, проживают в семье (88,0 % согласно результатов проведенного исследования), посещают школу и если получится удержать их от употребления наркотических средств и психотропных веществ в этот период, то риск их наркотизации будет сведен к минимуму.

По данным нашего исследования, 55,0 % опрошенных школьников узнали о том, что в теории представляют собой наркотики «в действии» из информационных ресурсов сети Интернет; в стенах школы, где они обучаются – 15,6 %, от родителей (близких родственников, опекунов и попе-

чителей) – 10,4 %; слышали от своих друзей (как правило, одной с ними возрастной группы) или знакомых – 10,0 %; из журналов, прессы, телевидение – 9,0 %. При этом 42,2 % опрошенных школьников узнали о «наркомании» как болезни и «наркотизме» как социально-негативном явлении из средств массовой информации и сети «Интернет»; в общеобразовательной организации, где они обучаются – 20,12 %; от родителей – 15,7 %; от своих друзей – 12,1 %.

На вопрос видели ли ученики человека, находящего в состоянии наркотического опьянения 46,2 % ответили утвердительно, 44,2 % отрицательно, 9,5 % затруднились ответить. По данным исследования, на вопрос о том, есть ли у них знакомые, которые употребляют наркотические средства, четверть учеников (28,8 %) ответили утвердительно. Отметим, что эти молодые люди являются группой риска, поскольку каждый наркоман ежегодно вовлекает в процесс употребления наркотиков в среднем до десяти человек из своего ближайшего окружения.

Таким образом, в современный период проблема незаконного оборота наркотических средств и наркотизма приобрела глобальные масштабы [6], представляя особую опасность для подростков. Для сотрудников ПДН ОВД детальный анализ таких специфических данных позволяет правильно и, главное, своевременно расставить акценты в профилактической работе на первом этапе в борьбе с наркотизмом несовершеннолетних школьников (раннем этапе профилактики).

1. Профилактика наркотизма среди обучающихся общеобразовательных организаций: учебное пособие / Э. В. Густова, Р. Б. Иванченко, Е. П. Новикова, А. В. Польшиков, Л. С. Радькова, Ю. В. Серов. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2016. 70 с.
2. Помогалова Ю. В., Демидова О. В. Профилактика правонарушений несовершеннолетних (административно-правовой, уголовно-правовой, уголовно-исполнительный аспекты): учебное пособие. Воронеж: Воронежский институт ФСИН России, 2015. 56 с.
3. Шуняева В. А. Ювенальная политика: законодательная эквилибристика // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. № 1. С. 20.
4. Соловьев В. С. Предупреждение преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в сферу коммерческих сексуальных услуг: монография / науч. ред. А. В. Симоненко. Москва: Юрлитинформ, 2015. 168 с.
5. Щеголева А. Н. Виктимологические аспекты ранней профилактики преступности несовершеннолетних: монография / под ред. В. А. Лелекова. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2009. 135 с.
6. Баранчикова М. В., Савостикова М. Д. Тенденции развития современного антинаркотического законодательства // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 1 (2). С. 48–52.

Казаков Александр Алексеевич,
заведующий кафедрой уголовного
процесса второго факультета повышения
квалификации (с дислокацией
в г. Екатеринбурге) Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

О СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРОМ НАДЗОРА ЗА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В практической деятельности между представителями различных ведомств возникают споры относительно объема надзорных полномочий прокурора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. Неслучайно ученые, комплексно исследующие эту тематику, отмечают множество проблем в данной сфере [3, с. 182]. Представляется, что обозначенный вопрос должен решаться объективно без учета корпоративных пристрастий с учетом системного толкования нормативных положений.

Один из дискуссионных аспектов – возможность прокурора направлять в следственный орган требование об устранении нарушений федерального законодательства в стадии возбуждения уголовного дела. В силу п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ данный участник судопроизводства уполномочен проверять исполнение положений федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. В то же время форма реагирования прокурора на выявленные им на данном этапе нарушения напрямую УПК РФ не предусмотрена. Обнаружив отступления от предписаний закона при вынесении итогового решения – постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении, прокурор вправе его отменить. Однако не регламентировано, каким образом ему следует поступать при установлении нарушений, допущенных непосредственно в ходе проверки сообщения о преступлении. Отрицание в целом такой возможности делало бы реализацию соответствующего полномочия бессмысленным. В случае наличия пробела в уголовно-процессуальном законодательстве допустимо его применение по аналогии. В рамках сходных правоотношений, возникающих в ходе предварительного следствия, прокурор направляет требование об устранении нарушений федерального законодательства (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Осуществление данного полномочия в стадии возбуждения уголовного дела не вступает в противоречие с принципами уголовного процесса и позволяет надзорному органу выполнить возложенную на него функцию. Косвенным подтверждением правомерности такого подхода служат и положения ч. 4 ст. 39 УПК РФ, в кото-

рой говорится об «устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства», которое начинается с момента получения сообщения о преступлении (п. 9 ст. 5 УПК РФ). В связи с этим практика направления таких требований, распространенная в целом в Российской Федерации, представляется соответствующей УПК РФ.

Вместе с тем реагирование прокурора на нарушения, допущенные следователем или руководителем следственного органа, должно осуществляться в строго установленных формах, подмена или дублирование которых недопустимы. Однако в правоприменении прокуроры зачастую, признавая постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (его приостановлении или прекращении) незаконным и необоснованным, дополнительно составляют требование об устранении нарушений федерального законодательства, содержащее аналогичные доводы, что и акт об отмене. Исходя из смысла пп. 3, 5.1 ч. 2, ч. 6 ст. 37, ч. 3 ст. 38, ч. 4 ст. 39 УПК РФ соответствующее требование направляется в тех случаях, когда прокурор не вправе отменить постановление указанных субъектов процесса либо вынесение такого постановления в принципе не предусмотрено. В свою очередь решение об отмене в силу ч. 4 ст. 146, ч. 6 ст. 148, ч. 1.1 ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ в любом случае должно быть мотивированным. Составление в такой ситуации рассматриваемого требования, содержащего идентичные аргументы, представляется искусственной реализацией предоставленных уголовно-процессуальным законом полномочий [4, с. 33]. С учетом возникающих на практике разногласий дополнительно следует отметить, что указание в данном документе на необходимость привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников СК России не влечет правовых последствий и не предполагает совершения ответных действий со стороны представителей следствия, поскольку этот вопрос находится вне сферы уголовно-процессуальных отношений.

Аналогичным образом наличие предложений о возбуждении уголовного дела в соответствующих актах видится выбором ненадлежащей формы реагирования, поскольку УПК РФ предусмотрена возможность вынесения мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства, которое позиционируется как самостоятельный повод для возбуждения уголовного дела (п. 2 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Примечательно, что даже это полномочие прокурора с учетом особенностей разрешения сообщения о преступлении в случае его реализации рассматривалось в научной литературе как ограничение процессуальной самостоятельности органов расследования [2, с. 9]. Тем более подобного рода предложение о возбуждении уголовного дела в иных ситуациях является вторжением в компетенцию указанных лиц.

В п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ установлен конкретный порядок обжалования решения прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, реализация которого также порой вызывает затруднения. Не стоит упускать из внимания, что процессуальная самостоятельность следователя выступает в качестве одного из базовых элементов досудебного производства [1, с. 8]. Поэтому в качестве надлежащего субъекта оспаривания акта прокурора выступает не руководитель следственного органа, а именно следователь (с согласия руководителя следственного органа). В случае отсутствия такого лица по объективным причинам (увольнение, перевод, командировка, нахождение на больничном) правом обжалования должен обладать иной следователь, которому руководителем следственного органа будет поручено рассмотрение данного вопроса, либо сам руководитель следственного органа, выступающий в процессуальной роли следователя. Передача соответствующих материалов субъекту обжалования должна быть мотивированна и найти письменное отражение.

1. Багмет А. М. Следователь – судья на досудебной стадии // Рос. следователь. 2014. № 14. С. 8–9.
2. Васюков В. Ф., Бульжкин А. В. Некоторые проблемы расследования уголовных дел о взяточничестве // Закон и право. 2015. № 1. С. 133–134.
3. Спирин А. В. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: монография. М., 2016. 240 с.
4. Курилова Е. В., Васюков В. Ф. Производство предварительной проверки по сообщению о преступлении в случае наступления смерти её участников // Законность. 2015. № 6 (968). С. 32–35.

Ковалев Максим Викторович,
преподаватель кафедры огневой,
физической и тактико-специальной
подготовки Брянского филиала
Всероссийского института
повышения квалификации
МВД России

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ В КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ВИДАХ ТАЙНОГО ХИЩЕНИЯ

Реализации норм уголовного судопроизводства невозможна без применения справедливого наказания к лицу, совершившему преступление, что особенно актуально при стремительно меняющемся административном и уголовном законодательстве, где преступность деяния непосредственно

связано с его общественной опасностью. Однако в силу несовершенной нормативно-правовой базы и значительной противоречивости правоприменительной практики на первый план выходят проблемы определения грани преступного и не преступного поведения. Законодательного определения общественной опасности уголовное законодательство не содержит. В свою очередь несовершенство законодательства, приводит к недостаточному уровню борьбы с преступностью и в конечном итоге к отсутствию неотвратимости наказания за совершенные деяния. Данное обстоятельство приводит к дестабилизации как экономической, так и политической ситуации в стране. Более того в последнее время, в связи с уменьшением доходов населения, вызывает обеспокоенность рост преступлений против собственности, а именно краж личного имущества граждан, и в частности с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище.

С внесением изменений в УК РФ, а именно, в примечание к ст. 158 УК РФ, касающиеся размера причиненного значительного ущерба гражданину, который не может составлять менее 5 000 рублей, при отсутствии квалифицирующих признаков кражи, определенная часть уголовно наказуемых деяний стали лишь административными правонарушениями, что говорит о направленности уголовной политики государства в сторону декриминализации деяний. И это, в определенной мере, не может не сказаться на уровне преступности. Этим же федеральным законом внесены изменения в ст. 7.27 КоАП РФ, в части увеличения размеров стоимости похищенного имущества, признаваемым мелким хищением. Указанные изменения в законе стали возможными благодаря взвешенной и продуманной в современных условиях, не без учета экономической ситуации в стране, уголовной политики. Это не говорит о безусловном решении проблем квалификации данного состава преступлений. Внося изменения в п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ, законодатель говорит об уменьшении общественной опасности тайного хищения при стоимости похищенного имущества не более 2500 рублей, предусматривая за данное деяние административную ответственность. Но остается дискуссионным вопрос о квалифицированном составе кражи, в частности с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище. И действительно, до принятия ФЗ от 03.07.2016 № 323 вопрос о сумме ущерба, при тайном хищении с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище не был так актуален, возможно, потому, что уголовная ответственность за тайное хищение без квалифицирующих признаков возникала при стоимости похищенного более 1 000 рублей. Диспозиция же ч. 2 ст. 158 УК РФ прямо предусматривает уголовную ответственность за тайное хищение с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище, без учета стоимости похищенного имущества. Однако никаких изменений указанный закон в квалифицированные виды тайного хищения внесено не было и многие специалисты в области уголовного права с большой долей вероятности при квалифика-

ции тайного хищения с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище, как и трактует закон вообще не принимают во внимание стоимость похищенного имущества.

Остается открытым вопрос о применимости к указанной ситуации положения части 2 статьи 14 УК РФ в которой говорится о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности [1]. Отсутствие законодательного определения малозначительности деяния, в отличие от административного законодательства, где данный вопрос решен в разъяснениях высшего судебного органа, четких критериев ее внутреннего содержания, не позволяет в полной мере применять ее, оставаясь не востребованной нормой Общей части уголовного закона. Уголовный закон не конкретизирует преступления, которые будут являться малозначительными в тех или иных ситуациях, поэтому применение ч. 2 ст. 14 УК РФ возможно к любым преступлениям имеющим различную степень тяжести.

Именно исходя из такой, зачастую не верной, позиции как законодателя так и соответственно правоприменителей, в современных условиях развития общественных отношений, граждане нашей страны осуждаются судами за тайное хищение имущества с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище при ничтожно малой стоимости похищенного. Поэтому и не без оснований возникает вопрос, а настолько ли велика общественная опасность тайного хищения с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище при минимальной сумме похищенного имущества, не нарушается ли принцип справедливости уголовного наказания, при котором должен быть учтен характер и степень общественной опасности преступления.

Общественная опасность изменчива в зависимости от общественных отношений, которые существуют между людьми в определенный исторический период времени.

На этот счет примечательно утверждение Л. С. Аистовой о том, что если будет установлено, что ценность похищенного имущества явно незначительна и деяние не причинило и не могло причинить сколько-нибудь существенного вреда, то руководствуясь ч. 2 ст. 14 УК РФ, можно прийти к выводу, что отсутствует общественная опасность деяния и оно не может быть признано преступлением [2, с. 28].

Н. М. Якименко, дополняя законодательную формулировку нормы о малозначительности, говорит о том, что малозначительность деяния характеризуется либо отсутствием общественной опасности, либо общественной опасностью в незначительном, присущей неправомерным правонарушениям, степени [3, с. 60].

Но реальность на сегодняшний день такова, что простое хищение при стоимости похищенного имущества до 2500 рублей, всего лишь адми-

нистративное правонарушение, а хищение имущества, стоимость которого составляет 50 рублей, но, однако, совершенное с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище уголовно наказуемо. При том, что ч. 2 ст. 158 УК РФ, согласно ст. 15 указанного закона, относится к категории преступления средней тяжести, за которое предусмотрено максимальное наказание в виде 5 лет лишения свободы. И осудив человека за такое преступление, пускай даже не к реальному лишению свободы, возникает закономерный вопрос, справедливо ли наказание с точки зрения закона, будут ли достигнуты предусмотренные законом цели наказания. Думаю, что нет.

Единой позиции по данному вопросу у правоприменителей не выработано. К тому же отсутствуют разъяснения Пленума Верховного Суда по данному поводу. Поэтому и имеют место быть ситуации, при которых, по сути, достаточно одинаковое хищение совершенное с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище с минимальной стоимостью похищенного имущества порождает разные уголовно-правовые последствия для лица его совершившего, как привлечения к уголовной ответственности, так и освобождение от таковой с применением положения части 2 статьи 14 УК РФ.

По сути, решение данного вопроса отдано на откуп сотрудников органов прокуратуры, осуществляющих надзор за соблюдением законности правоохранительными органами. Последние в свою очередь законом наделены полномочиями по возбуждению уголовных дел данной категории, среди которых также нет единого мнения по решению этого вопроса. Следственные органы являются первыми кто исходя из предусмотренных законом полномочий, должны установить, является ли деяние общественно опасным, а значит и преступным.

Малозначительность деяния, по мнению Р. Д. Шарапова, является сугубо оценочным понятием уголовного права. Единственным критерием установления малозначительности деяния является правосознание правоприменителя, формирующее стандарт оценки деяния с учётом комплекса объективных и субъективных обстоятельств его совершения – факторов малозначительности. В условиях отсутствия законодательно урегулированной границы между общественно опасным и не общественно опасным деянием, законодатель посредством ч. 2 ст. 14 УК РФ делегирует правоприменителю полномочие самостоятельно устанавливать такую границу и принимать решение о фактической декриминализации деяния, которое формально является уголовно противоправным, однако с учётом всех возможных обстоятельств не может быть расценено как общественно опасное [4, с. 33].

Поэтому и получается, что в одних случаях кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище независимо от стоимости похищенного имущества образует состав преступления,

предусмотренной статьей 158 УК РФ, в других, для возбуждения уголовного дела по указанной статье необходим сколько-нибудь значительный ущерб, причем стоимость похищенного в этом случае разнится от 200 до 1 000 рублей, при том, что все это имеет место быть при единстве действия уголовного закона на все территории Российской Федерации.

По данным ИЦ УМВД по Брянской области, за 2016 год органами предварительного следствия было возбуждено 44 уголовных дела по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, где стоимость похищенного составляла не более 1 000 рублей, из которых 18 уголовных дел было направлено в суд с обвинительным заключением и лица совершившие преступления были осуждены к различным видам наказания [5].

Так, приговором Унечского районного суда Брянской области по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 200 часам обязательных работ был осужден Ч. Как установлено приговором суда Ч. незаконно проник в дачный домик А, откуда похитил испорченную двухконфорочную печную плиту стоимостью 118 рублей 50 копеек. При назначении наказания суд учел, что Ч ранее не судим, обратился в полицию с явкой с повинной, добровольно возместил причиненный им имущественный вред и тот факт, что потерпевший не желал привлекать Ч к ответственности. Однако как следует из приговора, суд счел, что совершенное деяние обладает высокой степенью общественной опасности и не нашел оснований для прекращения уголовного дела в отношении подсудимого [6].

Приютненским районным судом Республики Калмыкия Воробьев С. Е. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в связи с отсутствием состава преступления, установив, что совершенное им деяние не является преступлением в силу малозначительности. Приговором установлено, Воробьев С. Е. с целью хищения чужого имущества незаконно проник в сарай С, откуда похитил двух гусей стоимостью 1 000 рублей. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Калмыкия в кассационном определении на представление прокуратуры указала, что инкриминируемое Воробьеву С. Е. деяние, а также обстоятельства его совершения и наступившие последствия не обладают большой общественной опасностью, характерной для уголовно-наказуемых деяний, ввиду малозначительности предмета преступного посягательства не оказало значительного воздействия на степень общественной опасности содеянного, которая даже при наличии квалифицирующего признака не достигла уровня, влекущего наступление уголовной ответственности виновного. Вывод суда первой инстанции о малозначительности действий оправданного надлежит признать мотивированным, поскольку ими не причинен существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, определив приговор суда первой инстанции оставить без изменений, а кассационное представление без удовлетворения [7].

Таким образом, получается двойственная ситуация, при которой с одной стороны правоприменитель в буквальном смысле трактует норму об ответственности за кражу с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище при минимальной стоимости похищенного и в действиях лица имеется квалифицированный состав преступления, но в такой ситуации не учитываются характер и степень общественной опасности совершенного деяния, а также положения о малозначительности деяния, с другой стороны, правоприменитель учитывает общественную опасность деяния и положение о малозначительности, но соответственно уходит от буквального толкования нормы права, при котором при квалифицированном составе кражи ущерб причиненный преступлением не имеет решающего значения.

Противоречивость правоприменительной практики в квалифицированных составах тайного хищения наглядным образом демонстрирует мнение Шарапова Р. Д. который высказывает противоположную самому себе позицию, где с одной стороны, безусловно поддерживая законодательную трактовку квалифицированных видов тайного хищения без учета стоимости похищенного, с другой стороны, говорит о том, что если предмет материального мира лишён потребительской стоимости, то он не может признаваться предметом хищения, так же не может признаваться предметом хищения такие вещи, которые в силу своей ничтожной материальной ценности лишены свойства меновой стоимости и её денежного выражения – цены (например, лист бумаги, бельевая прищепка, половая тряпка, записная книжка, полено и т. п.). Основой этого процессуального решения, по мнению Шарапова Р. Д., является не малозначительность совершённого деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ), а отсутствие в содеянном предмета хищения (чужого имущества) как одного из признаков состава преступления.

В конечном счете, из высказанной позиции Шарапова Р. Д. можно сделать вывод о том, что лицо совершившее кражу чужого имущества к примеру с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище при минимальной стоимости похищенного (из вышеуказанного примера, записная книжка стоимостью 15 рублей), как в силу малозначительности, так и в силу отсутствия одного из признаков преступления (предмета хищения) подлежит освобождению от уголовной ответственности за отсутствием в его действиях состава преступления.

Бесспорным остается тот факт, что затраты, понесенные государственными правоохранительными структурами участвующими в уголовном судопроизводстве не соизмеримыми с вредом нанесенным охраняемым законом интересам, в частности отношениям собственности. Тратя значительные средства из государственного бюджета, при том, что зачастую ущерб причиненный преступлением возмещается на этапе проведения проверки по заявлению и потерпевший не желает привлекать виновное

лицо к уголовной ответственности, претензий к нему не имеет, органы правопорядка неукоснительно выполняют государственный «заказ», тем самым в масштабе страны формируя в угоду этим же органам положительные статистические показатели своей деятельности, оправдывая траты на их содержание. И действительно, что в большинстве своем и происходит, очевидные кражи, по большей части в сельской местности, когда нет необходимости в проведении кропотливой работы по установлению лица совершившего преступление, с одной стороны формируют положительные показатели, с другой, необоснованно загружают правоохранительные органы, отнимая большое количество сил и средств от борьбы с наиболее общественно опасными посягательствами на охраняемые законом общественные отношения, которые в основной своей массе остаются не раскрытыми.

При соотношении степени общественной опасности квалифицированных составов ч. 2 ст. 158 УК РФ, можно констатировать, что кража с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище при минимальной стоимости похищенного, не учитывая при этом п. «в» указанной статьи, где законодательно закреплен стоимостный «порог», обладает наименьшей степенью общественной опасности, тогда как кража группой лиц по предварительному сговору, даже при минимальной стоимости похищенного, имеет достаточно большую степень общественной опасности. Вступая в преступный сговор, соучастники объединяют свои усилия на достижения единого преступного результата, рассчитывая на помощь друг друга, при совершении преступления. Кража же совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади находящейся при потерпевшем обладает повышенной степенью общественной опасности, в силу того, что совершается в присутствии потерпевшего, не замечающего тайное хищение, что свидетельствует об особой дерзости, с пренебрежением опасностью быть пойманным на месте, и профессионализме виновного лица. Поэтому применение положения ч. 2 ст. 14 УК РФ к данным пунктам, даже, при незначительной стоимостной оценки похищенного не приемлемо.

Также остается нерешенной проблема ответственности лица совершившего кражу, формально подпадающую под признаки преступления предусмотренного п. «б» части 2 ст. 158 УК РФ, но с учетом применения положения ч. 2 ст. 14 УК РФ. По результатам проведенной проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ, либо на других стадиях уголовного судопроизводства, принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления.

В этом случае лицо совершившее кражу, также не может быть привлечено к административной ответственности, так как положения ст. 7.27 КоАП РФ прямо указывает на невозможность привлечения к административной ответственности за мелкое хищение при наличии квалифицирован-

ных составов хищения, что также нарушает принцип справедливости уголовного наказания.

Возможность дополнительных разъяснений в уже имеющемся Постановлении Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое» решило бы данную проблему и поставило бы точку в правовой неразберихе при применении положения о малозначительности деяния в кражах с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище. Сегодня же квалификация хищений осуществляется так же, как и в прошлые годы [8], что требует новых подходов и официального толкования на уровне указанного Пленума.

При этом в содержании дополняемых пунктов должны найти отражения о стоимости похищенного имущества совершенное с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище, которое как следует из анализа правовых норм и правоприменения не должна составлять менее 1 000 рублей, а также сформулировать определение малозначительности, выделив ее структурообразующие критерии, что решило бы вопрос о исключении уголовной ответственности в анализируемом составе преступления и позволило в полной мере применять положение ч. 2 ст. 14 УК РФ.

При этом нельзя забывать и о принципе неотвратимости наказания применяя положение о малозначительности деяния, так как виновное лицо должно понести наказание, и даже менее тяжкое чем, то которое предусмотрено санкцией ч. 2 ст. 158 УК РФ, так как ущерб объектам охраняемым законом все же был причинен, и лицо его, совершившее должно нести ответственность в соответствии с административным и гражданским законодательством. В этой ситуации потребуются внесение изменений в ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ с учетом положения ч. 2 ст. 14 УК РФ и возможностью привлечения виновного лица к ответственности за мелкое хищение изложив ее диспозицию в следующей редакции: «мелкое хищение чужого имущества стоимостью не более одной тысячи рублей при наличии признаков преступления предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а также мелкое хищение чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных пп. «а», «г» части второй, частями третьей и четвертой статьи 158, далее по тексту статьи».

При таком положении законодательного регулирования кражи с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище будут соблюдены принципы уголовного права. Совершив действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки деяния предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, либо общественная опасность деяния ничтожно мала, лицо подлежит привлечению к административной ответственности по статье 7.27 КоАП РФ, а также нормам гражданского законодательства. Злоупотребление та-

ким правом лицом, совершившим малозначительное деяние, в части совершения тайного хищения с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище до предусмотренной суммы ущерба в 1 000 рублей, будет ограничено применением к виновному лицу ст. 158.1 УК РФ – «Мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение», которая будет являться действенной мерой предупреждения совершения новых преступлений.

1. Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
2. Аистова Л. С. Кража: анализ состава преступления и проблемы квалификации: учебн. пособие. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2009. 136 с.
3. Якименко Н. М. Малозначительность деяния в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 207 с.
4. Шаратов Р. Д. Квалификация мелкого хищения при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных уголовным законом // Законность. 2013. № 7. С. 29–35.
5. Статистические сведения предоставлены Информационным центром УМВД России по Брянской области за 2016 г.
6. Уголовное дело № 1-86/16 // Архив Унечского районного суда Брянской области за 2016 г.
7. Кассационное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 17 января 2012 г. об оставлении оправдательного приговора в отношении Воробьева С. Е. по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ без изменений [Электронный ресурс] // РосПравосудие.
8. Баранчикова М. В. Имущественные преступления: учебное пособие. Орел, 2008.

Низаева Светлана Рамилевна,
преподаватель кафедры криминалистики
Уфимского юридического института
МВД России

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях жизнедеятельности современного общества деятельность террористических организаций представляет одну из наиболее опасных угроз. Имея в своем распоряжении людские, материальные, технико-управленческие ресурсы, данные организации развиваются в транснациональных масштабах. Вследствие этого необходимость оказания противо-

действия терроризму признана стратегическим вектором развития мирового сообщества.

Борьба с террористическими и экстремистскими проявлениями в реалиях существования и развития общества является актуальной как с внутривнутриполитической, так и с внешнеполитической точки зрения. XX и XXI века ознаменованы возникновением реальной террористической угрозы в стране. Террористические акты, имевшие место в Москве, Волгодонске, Буденновске, Беслане и в других регионах нашей родины, не только лишили жизни сотни граждан, но и стали фактором, подрывающим стабильность и безопасность всего российского общества, переплетаясь с угрозами сепаратизма, экстремизма и организованной преступности.

Кроме того, проявления терроризма, которым противостоит российское общество и государство, стали составной частью международной террористической угрозы, приобретающей глобальные масштабы. Мировая политическая ситуация такова, что именно противостояние с международными террористическими организациями в последние годы является одним из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности, в том числе в Российской Федерации.

Терроризм – сознательное использование нелегитимного насилия (чаще всего с несомненной ориентацией на зрелищный и драматический эффект) со стороны какой-то группы, стремящейся тем самым достичь определенных целей, заведомо недостижимых легитимным путем [1].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, значительное внимание уделяет совершенствованию нормативного правового регулирования борьбы с преступностью, в частности с терроризмом [2].

Олицетворяя собой прямую угрозу безопасности государственного строя, терроризм представляет сложный сплав нескольких составляющих компонентов. Категорию «терроризм» следует рассматривать с точки зрения корреляционно взаимосвязанных и взаимодействующих элементов:

- наличия экстремистской идеологии, одной из целей которой является вовлечение в террористическую деятельность большего количества участников;
- ведения организационной деятельности, направленной на осуществление, террористических идей;
- непосредственного ведения террористической деятельности.

Обобщая перечисленные составные компоненты, представим содержание понятия «терроризм», состоящее из трех элементов: идеологического, организационного, деятельностного.

Содержание идеологического элемента служит базисом для построения концепции, предлагаемой потенциальному участнику организации в целях формирования новой личности с экстремистским мировоззрением и

убежденностью в единственно возможном и целесообразном способе достижения поставленной цели – устрашение и насилие.

Именно террористическая идеология формирует из обывателя фанатика идеи, ради которой он готов совершать любые преступления, будучи при этом убежден в полной своей правоте. Таким образом, идеологический компонент играет роль стержня, на базе которого формируется организационная составляющая терроризма, а далее – и деятельностная, проявляющаяся вовне в форме акций терроризма.

Отмечая паразитарный характер идеологии терроризма, обратим внимание на то, что базируется она на фундаментальных общественно-политических принципах жизни гражданского общества, религиозных традициях, социокультурных обычаях. Действительно, собственно идеологии терроризма как некой единой универсальной концепции использования методов устрашения для достижения политических целей не существует.

Террористическая идеология как бы вползает в чужую одежду, подгоняя ее под себя и маскируя негативные и отталкивающие качества терроризма положениями, установками, тезисами, лозунгами, которые уже давно усвоены и внедрились в сознание людей, не вызывая отторжения [3].

Террористическая идея требует перманентной пропаганды «великой» цели, осуществляемой посредством акций устрашения и получения реакции общественности на них.

Подобные акции направлены, кроме того, на демонстрацию мощи террористической организации, ее готовности к решительным действиям, формирование финансовой и технической оснащенности. При совершении общеуголовных преступлений их субъекты вполне осознают их противозаконный, антиобщественный характер и не стремятся к превентивному оправданию своих действий.

В акциях политически или социально мотивированного терроризма его субъекты исходят из того, что общество, его нормы, мораль и законы несовершенны, а их, террористов, действия правомерны, могут быть разъяснены людям и должны быть оправданы ими, при этом сами они являются носителями некой высшей истины, которая и дает им право пренебрегать нормами «несовершенного» законодательства и поступать в соответствии со своими убеждениями [4].

Ведение организационной деятельности, как еще один составляющий элемент терроризма, включает в себя:

- создание алгоритма вовлечения новых членов террористической организации, обеспечение условий их идеологического обучения в духе организации, подготовку условий для этого обучения;
- создание и поддержание деятельности структуры самой организации с распределением функциональных обязанностей ее членов, сфер влияния и ответственности;

– планирование террористических акций, наиболее эффективных методов их исполнения;

– разработку документации организации с целью придания ей солидного статуса, призванной объединить единой целью, моралью, идеей ее членов (устав организации, программа деятельности, клятва, лозунг, декларация и т. д.);

– поиск источников и формирование механизмов финансирования террористической деятельности, а также решение других организационных вопросов.

Ведение террористической деятельности указано нами в качестве третьего составляющего элемента терроризма, представляющего его внешнюю сторону. Он выражен в осуществлении непосредственно террористических акций, являя собой результат взаимодействия и взаимосвязи первых двух элементов. Способы и формы реализации террористической деятельности разнообразны, масштаб ее распространения не ограничивается границами отдельно взятого государства.

Факторы возникновения и распространения терроризма на территории Российской Федерации разнообразны и обусловлены различными сферами общественной жизни (политической, социальной, экономической и т. д.).

Основными внутренними факторами, обуславливающими возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации либо способствующими ему причинами и условиями, являются:

– межэтнические, религиозные, иные социальные противоречия;

– отсутствие препятствий деятельности экстремистски настроенных лиц и объединений;

– недостаточная эффективность правоохранных, административно-правовых ресурсов противодействия терроризму;

– отсутствие надлежащего контроля распространения радикальных идей, пропаганды насилия и жестокости в едином информационном пространстве Российской Федерации;

– недостаточная эффективность мер противодействия организованной преступности, незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Основными внешними факторами, способствующими возникновению и распространению терроризма в Российской Федерации, являются:

– попытки проникновения международных террористических организаций в отдельные регионы России с целью дестабилизации обстановки в стране;

– нестабильность ситуации, наличие очагов напряженности возле государственных границ Российской Федерации и границ ее союзников;

– создание в международном пространстве лагерей подготовки боевиков для международных террористических и экстремистских организаций, в том числе антироссийской направленности, а также теологических учебных заведений, распространяющих идеологию религиозного экстремизма;

– финансовая, техническая, информационная поддержка террористических и экстремистских организаций, действующих на территории Российской Федерации, со стороны международных террористических и экстремистских организаций;

– стремление ряда иностранных государств, в том числе в рамках осуществления антитеррористической деятельности, ослабить Российскую Федерацию и ее позицию в мире, установить свое политическое, экономическое или иное влияние в отдельных субъектах Российской Федерации;

– распространение идей терроризма и экстремизма через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и средства массовой информации;

– заинтересованность субъектов террористической деятельности в широком освещении своей деятельности в средствах массовой информации в целях получения наибольшего общественного резонанса и устрашения населения;

– отсутствие в международном сообществе единого подхода к определению причин возникновения и распространения терроризма и его движущих сил, наличие двойных стандартов в правоприменительной практике в области борьбы с терроризмом;

– отсутствие единого антитеррористического информационного пространства на международном и национальном уровне.

Резюмируя изложенные доводы, отметим, что противодействие мировому распространению террористической угрозы возможно лишь на основе всеобщего международного сотрудничества, призванного нивелировать факторы влияния на распространение этой угрозы нормальному существованию общества.

1. Исаев А. А. Роль воспитания и образования в противодействии идеологии терроризма // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2015. № 1. С. 83.

2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 12.05.2009 // Рос. газ. 2009. Выпуск № 4912.

3. Игнатовский О. М., Игнатовский М. О. Некоторые причины трансформации «традиционных форм терроризма» и появления «новых форм терроризма» // Стратегическая стабильность. 2009. № 4. С. 2–8.

4. Шарипов У. З. Государственный терроризм и его активизация в современном международном терроризме // Национальная безопасность. 2012. № 8. С. 57–62.

Распопин Евгений Владимирович,
доцент кафедры психологии служебной
деятельности и педагогики Уральского
юридического института МВД России,
кандидат психологических наук

АКТИВНО-АГРЕССИВНЫЕ ФОРМЫ ВИКТИМНОСТИ КАК ИНДИКАТОР СКЛОННОСТИ К ПРОТИВОПРАВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

В современной психологической литературе виктимность рассматривается как совокупность физических, социальных и индивидуально-психологических особенностей личности, которые обуславливают ее предрасположенность при определенных обстоятельствах становиться жертвой (преступления, несчастного случая и т. п.) [2, с. 24]. Но виктимность не предполагает исключительно пассивную, «страдальческую» позицию личности, не способной ни на сопротивление преступным посягательствам, ни, тем более, на совершение противоправных действий. Как было показано в ряде исследований, лица, рискующие оказаться жертвами преступления, ведут себя по-разному:

- 1) агрессивно или иным провоцирующим образом;
- 2) пассивно уступают насилию;
- 3) проявляют полное непонимание уловок преступников или элементарную неосмотрительность [2, с. 27].

Таким образом, виктимная личность может быть не только пассивной жертвой, но и активным провокатором преступных действий.

В связи с этим, нами было проведено исследование, целью которого выступило изучение виктимности лиц, отбывающих наказание за совершенные преступления в исправительных учреждениях ФСИН России.

Исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе был проведен сравнительный анализ уровня виктимности между осужденными и представителями «нормативной» группы – сотрудниками правоохранительных органов. Сравнительный анализ проводился с помощью t-критерия Стьюдента.

На втором этапе был проведен корреляционный анализ, направленный на изучение взаимосвязей между характеристиками виктимности осужденных и их индивидуально-психологическими особенностями, такими, как уровень интеллектуального развития и черты характера. Корреля-

ционный анализ проводился при помощи коэффициента линейной корреляции Пирсона.

Выборку исследования составили:

- 1) сотрудники учреждений ФСИН России в количестве 198 человек;
- 2) осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях ФСИН России в количестве 209 человек.

Для измерения изучаемых переменных были использованы следующие психодиагностические методики.

1. Опросник «Склонность к виктимному поведению».

Методика предназначена для измерения предрасположенности испытуемых к реализации различных форм виктимного поведения. Включает в себя следующие шкалы:

- 1) шкала склонности к агрессивному виктимному поведению (модель агрессивного виктимного поведения);
- 2) шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушительному поведению (модель активного виктимного поведения);
- 3) шкала склонности к гиперсоциальному виктимному поведению (модель инициативного виктимного поведения);
- 4) шкала склонности к зависимому и беспомощному поведению (модель пассивного виктимного поведения);
- 5) шкала склонности к некритичному поведению (модель некритичного виктимного поведения);
- 6) шкала реализованной виктимности.

Чем больше баллов набирает испытуемый по шкалам опросника, тем выше выражена склонность к реализации соответствующих форм виктимного поведения [2].

2. Методика изучения мышления «Исключение слов».

Методика моделирует мыслительные процессы анализа и синтеза, обобщения и абстрагирования. Стимульный материал методики представлен наборами из пяти слов. Одно слово в наборе является отличным от других, его нужно «исключить», а оставшиеся четыре слова имеют определенные признаки сходства, их можно объединить на основе этих признаков. Задача испытуемого – назвать «лишнее» слово и объяснить свое решение. Чем больше заданий выполняет испытуемый правильно, тем выше уровень его интеллектуальных способностей [3].

3. Методика экспертной оценки социально-демографических и характерологических качеств личности.

Методика включает в себя вопросы о социально-демографических данных (пол, возраст и пр.) и особенностях характера и поведения испытуемого, например:

- 1) чувствительный, эмоциональный – нечувткий, неэмоциональный;
- 2) нервный, возбудимый – спокойный, уравновешенный;
- 3) независимый, самостоятельный – зависимый, несамостоятельный;

4) волевой – безвольный и т. п.

Всего в методике рассматривается 13 наборов качеств. Качества оцениваются по шкале от 1 до 7 баллов; направление оценки качеств может выбираться произвольно. Сбор данных об испытуемом осуществляется экспертом – психологом в ходе беседы с испытуемым и наблюдения за его поведением [1].

Перейдем к рассмотрению результатов исследования.

По итогам сравнительного анализа было обнаружено, что у осужденных наблюдается более высокий уровень склонности к агрессивному ($p \leq 0,01$), а также к самоповреждающему и саморазрушительному виктимному поведению ($p \leq 0,01$). Это означает, что осужденные склонны попадать в неприятные и опасные для жизни и здоровья ситуации по причине своего агрессивного поведения в форме нападения или иных провоцирующих действий. Им свойственно намеренное создание или провоцирование конфликтной ситуации. Также для них характерно провоцирующее поведение, когда для причинения вреда привлекается другое лицо, и самопричиняющее поведение, которые характеризуются склонностью к риску и необдуманным поступкам, зачастую опасным для самого человека и его окружения. Для сотрудников же, напротив, в большей степени характерен хороший самоконтроль, стремление придерживаться принятых норм и правил поведения. Также они в большей степени проявляют заботу о собственной безопасности, стремятся оградить себя от ошибок и неприятностей. Наконец, осужденные обнаружили более высокий уровень реализованной виктимности ($p \leq 0,01$). Это означает, что испытуемые данной группы достаточно часто попадают в неприятные или даже опасные ситуации.

Вместе с тем, сотрудники показали более высокие результаты по шкале склонности зависимому и беспомощному поведению ($p \leq 0,05$). Это означает, что осужденные проявляют большую склонность к независимости и обособленности, в то время как сотрудники проявляют большую склонность к уступчивости. Они не всегда оказывают активное противодействие, вероятно, по причине опасения ответственности за собственные противоправные действия. Также их зависимость может быть обусловлена фактором жесткой служебной иерархии и субординации, принятой в уголовно-исполнительной системе, необходимостью строгого соблюдения служебной дисциплины и т. п.

По результатам корреляционного анализа между характеристиками виктимности и индивидуально-психологическими особенностями осужденных были получены следующие результаты.

Склонность к самоповреждающему и саморазрушительному виктимному поведению связана у представителей этой группы с такими чертами характера, как: непоследовательность, безволие (низкий волевой контроль поведения), безрассудство ($r = 0,30$ при $p \leq 0,01$).

Реализованная виктимность у этих испытуемых обнаружила слабую, но статистически значимую связь со снижением умственных способностей ($r = -0,28$ при $p \leq 0,01$) и с непоследовательностью, безволием, безрассудством ($r = 0,28$ при $p \leq 0,01$).

Также на этом этапе была дополнительно обследована группа осужденных, отбывающих наказание за преступления экстремистской направленности в количестве 52 человек. В этой группе были выявлены следующие связи.

Склонность к агрессивному виктимному поведению у этих лиц коррелирует с такими чертами характера, как:

- 1) нервный, резкий, возбудимый ($r = 0,45$ при $p \leq 0,01$);
- 2) агрессивный, склочный ($r = 0,40$ при $p \leq 0,05$).
- 3) непоследовательный, безвольный, безрассудный ($r = 0,31$ при $p \leq 0,05$);
- 4) отчужденный, ограничивающий, нападающий ($r = 0,40$ при $p \leq 0,05$).

Склонность к самоповреждающему и саморазрушительному поведению у этой группы испытуемых коррелирует со снижением умственных способностей ($r = -0,31$ при $p \leq 0,05$).

Наконец, склонность к зависимому и беспомощному виктимному поведению положительно связана у этих лиц с такими характеристиками, как: несемейный, бездомный, бездетный ($r = 0,30$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, по результатам проведенного исследования могут быть сделаны следующие выводы.

1. В целом, осужденные обнаруживают более высокий уровень виктимности, чем представители «нормативной группы». Это касается склонности к агрессивному и саморазрушительному виктимному поведению, а также общего уровня реализованной виктимности.

Вместе с тем, сотрудники обнаруживают более выраженную склонность к зависимому виктимному поведению.

2. Виктимность у осужденных связана с такими индивидуально-психологическими особенностями, как:

- а) сниженный уровень интеллектуальных способностей;
- б) негативные эмоционально-волевые черты характера (непоследовательность, сниженный волевой контроль, безрассудство, агрессивность, возбудимость и пр.).

Основной вывод работы состоит в том, что активно-агрессивные формы виктимного поведения в сочетании со сниженным интеллектом и отрицательными чертами характера могут рассматриваться в качестве индикатора склонности к противоправному (криминальному) поведению.

1. Злоказов К. В. Психологический анализ деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов: монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2011. 182 с.
2. Малкина-Пых И. Г. Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2006. 1008 с.
3. Практикум по общей, прикладной и экспериментальной психологии / Под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. СПб.: Питер, 2000. 560 с.

Семенов Евгений Алексеевич,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса Орловского
юридического института МВД России
имени В. В. Лукьянова, кандидат
юридических наук;

Плетникова Мария Сергеевна,
заместитель начальника кафедры
уголовного процесса Уральского
юридического института МВД России.
кандидат юридических наук

СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК НАИБОЛЕЕ ОТКРЫТАЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ФОРМА ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Суд присяжных – особая форма судопроизводства, в которой правосудие вершат не только профессиональные судьи, но и представители общественности. Тем самым в суде присяжных взаимодействуют государственно-правовое и общественное начало. Этот суд, по сути, является представительным органом общества в сфере правосудия. Коллегия присяжных – это фактически некая модель общества в миниатюре, поэтому идеальная коллегия присяжных – это та, в которой пропорционально представлены все слои общества. Вердикты такой коллегии присяжных можно рассматривать как вынесенные от имени всего общества в целом.

Вопрос о важности суда присяжных поднял на совещании Председателей судов субъектов 16 февраля 2016 года и Президент РФ В. В. Путин. Президент РФ отметил, что главная задача – предоставить как можно большему числу граждан возможность избрать именно эту форму правосудия, однако пока тенденция прямо противоположная – количество дел, рассмотренных присяжными, в прошлом году сократилось в полтора раза. Это еще одно свидетельство неэффективности этого института в нынешнем его состоянии, – подчеркнул В. В. Путин [1].

Реформирование суда присяжных связано с тем, что суд присяжных способствует реализации многих положений Конституции РФ и наполняет

реальным содержанием нормы уголовного судопроизводства. В суде присяжных возвышается роль судьи, он с большей внимательностью и ответственностью изучает доказательства и исключает те, которые получены с нарушением конституционных и процессуальных прав обвиняемого, свидетелей и других участников процесса, с нарушением процессуального порядка расследования, собирания доказательств. Суд присяжных является стимулом для совершенствования работы правоохранительных органов. Многие процессуальные аспекты деятельности суда присяжных в настоящее время в России, как никогда ранее, являются предметом активных дискуссий, вызывают сложности в правоприменительной деятельности, в связи с чем представляют огромный научный интерес.

Статистические данные подтверждают слова В. В. Путина. Так, за 2010 г. судами с участием присяжных заседателей рассмотрено 576 дел, тогда как за 12 месяцев 2016 г. данный показатель не превысил 235 уголовных дел [2].

В последние годы список статей УК РФ, подсудных присяжным, которые рассматривают только тяжкие и особо тяжкие преступления (по большей части те, за которые предусмотрено пожизненное заключение), сокращался несколько раз. Из подсудности данного состава суда изъяли ст. 205 УК РФ «Террористический акт», ст. 206 УК РФ «Захват заложников», ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки», ст. 275 УК РФ «Госизмена», ст. 276 УК РФ «Шпионаж», ст. 281 УК РФ и т. д. Из 56 статей УК РФ, подсудных суду присяжных, осталось всего 19. Кроме того, анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что в среднем 25 % ходатайств о рассмотрении дел судом с участием присяжных заседателей отзываются, а также отклоняются [2]. Это говорит о том, что суды далеко не всегда предоставляют обвиняемым возможность рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей.

В этой связи, первым шагом на пути расширения компетенции суда присяжных в России стало Постановление КС РФ от 25 февраля 2016 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь» [3], предоставившее возможность женщинам, обвиняемым в совершении тяжких преступлениях, ходатайствовать о производстве в суде с участием присяжных заседателей.

23 июня 2016 года В. В. Путин подписал, а тем самым утвердил внесения изменений в Федеральный закон «О присяжных заседателях судов общей юрисдикции в РФ» [4]. После вступления в законную силу нового закона сократится количество присяжных заседателей в судах субъектов: с 12 до 8 человек, изменения затронут и институт присяжных заседателей на уровне районного суда, где будут созданы коллегии из шести человек. Сокращенные коллегии в областных судах появились уже с 1 июня 2017 г., в районных же – только с 1 января 2018 г.

С 6 по 8 декабря 2016 года состоялся IX Всероссийский съезд судей Российской Федерации, где в ходе выступлений Председателя совета судей РФ Д. А. Краснова [5], Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина были обсуждены вопросы, связанные с расширением сферы применения института присяжных заседателей за счет его распространения на районные и гарнизонные военные суды, на дальнейшее укрепление и развитие демократических основ уголовного судопроизводства, повышение открытости правосудия и доверия общества к суду. При этом съезд отметил, что для практической реализации этих законов необходимо обеспечение надлежащих материально-технических, финансовых, информационных и иных условий в районных судах и гарнизонных военных судах [7].

Многие ученые справедливо отмечают, что развитие и совершенствование деятельности суда присяжных является важной составляющей в защите прав и законных интересов личности, в установлении баланса интересов между личностью, государством и обществом. Отправляя правосудие, присяжные укрепляют правительство, усиливают его. Однако, в последнее время приходится констатировать следующий факт: «рейтинг» суда присяжных значительно упал. Об этом говорит отношение россиян к высказыванию «Суд присяжных не подходит для России»: 32 % участников опроса согласны с таким утверждением; 39 % с этим не согласны и 29 % затрудняются с ответом [8].

Действительно, реформирование суда присяжных является в настоящее время ключевым вопросом не только в юридической литературе. Одни уверены, что такой суд просто необходим, так как это не даст судье признать человека виновным потому, что он просто ему не понравился, другие, наоборот считают, что такой суд не нужен, потому что правосознание российского общества находится сегодня на довольно низком уровне, кроме того, на присяжных легче оказать давление [9].

Сколько бы ни было в итоге присяжных, важно, чтобы они сохранили автономность совещания, были полностью независимы.

-
1. Рос. газ. 2016. 17 февр.
 2. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 25.02.2017).
 3. Рос. газ. 2016. 11 марта.
 4. Рос. газ. 2016. 28 июня.
 5. Официальный сайт Совета судей России [Электронный ресурс]. URL: <http://ssrf.ru/page/22832/detail> (дата обращения: 22.12.2016).
 6. Официальный сайт Совета судей России [Электронный ресурс]. URL: <http://ssrf.ru/page/22581/detail> (дата обращения: 22.12.2016).
 7. Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном

этапе [Электронный ресурс]: Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. См. более подробно: Реформа суда присяжных: в России грядет «правовой переворот» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/social/2016/02/08/reforma-suda-prisyazhnykh-v-rossii-gryadet-pravovoy-perevorot.html> (дата обращения: 20.12.2016).

9. Ветрова О. А. Особенности современной российской модели ювенального уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования / редкол.: С. А. Синенко. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. С. 101; Грядунова А. В., Семенов Е. А. Особенности реформирования суда присяжных в современной России // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов международной научно-практической конференции. Воронежский институт МВД России, 2016. С. 46–47; Семенов Е. А., Столбина Л. В. Суд присяжных: на пути реформ // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 77–80.

Страунинг Юлия Анатольевна,
заместитель начальника кафедры
криминологии Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МЕГАПОЛИСЕ

Актуальность проблемы предупреждения преступности в мегаполисах обусловлена, тем, что в них, «во-первых, находят концентрированное выражение все существующие проблемы городской жизни, во-вторых, мегаполисы по своему статусу, значимости в общественной жизни во многом превосходят некоторые регионы; в-третьих, развитие мегаполисов интенсивное и динамичное» [1].

Правовое регулирование предупреждения преступлений в мегаполисе, несомненно, выполняет важную задачу. Так, например, в крупнейшем мегаполисе страны – г. Москве имеется значительный положительный опыт по созданию законодательной базы, направленный на предупреждение преступлений.

Конституцией Российской Федерации предусмотрено (ст. 72), что если федеральным законодательством не предусмотрены вопросы обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности, то они

«находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации». В связи с этим город Москва, реализует свои полномочия в правотворческой и распорядительной деятельности, осуществляя общественное и правовое регулирование пока не приняты федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации по предметам совместного ведения (ст. 13 Устава г. Москвы). Кроме того, Договор между Российской Федерацией и городом Москвой содержит разграничение предметов ведения и полномочий.

Современное правовое обеспечение деятельности по предупреждению преступлений в г. Москве представлено двумя крупными блоками: законодательные акты Думы и акты Правительства и мэрии.

Среди законов города важнейшим является Устав города Москвы, – своеобразная Конституция муниципального образования. В статье 3 Устава города провозглашено, что в Москве признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права в соответствии с Конституцией Российской Федерации и законодательством. Устав содержит специальную главу, предусматривающую компетенцию судебной власти и правоохранительных органов, полномочия которых определяются со ссылкой на федеральный закон. Так статья 53 Устава к ведению города относит охрану общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности.

Закон г. Москвы от 06.11.2002 № 56 (ред. от 12.07.2017 г.) «Об организации местного самоуправления в городе Москве» и Закон г. Москвы от 20.12.2006 № 65 (ред. от 28.12.2016) «О Правительстве Москвы» также содержат определенную нормативно-правовую базу предупреждения преступлений.

За последнее время правительством Москвы и городской Думой принято достаточно много нормативных актов по предупреждению преступности. В первую очередь, это законы – Кодекс города Москвы об административных правонарушениях, «О единой системе профилактики правонарушений в городе Москве», «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в городе Москве», «О профилактике наркомании и незаконного потребления наркотических средств, психотропных веществ в городе Москве», «Об участии жителей Москвы в охране общественного порядка». «О защите населения и территорий города от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей города Москвы»; «О пожарной безопасности в городе Москве» и др.

Кроме того, среди нормативных актов особое превентивное значение имеют Указ Президента РФ от 10.07.1996 № 1025 «О неотложных мерах по укреплению правопорядка и усилению борьбы с преступностью в г. Москве и Московской области» и Постановление Правительства РФ от

17.07.1995 № 713 (ред. от 25.05.2017) «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня должностных лиц, ответственных за регистрацию».

Значительную роль в правовом обеспечении деятельности по предупреждению преступлений также играют Постановление Правительства, «О мерах по реализации Закона города Москвы от 10 декабря 2003 г. № 77 «Об общественных пунктах охраны порядка в городе Москве» (вместе с «Положением об общественных пунктах охраны порядка в городе Москве», «Положением о Московском городском совете общественных пунктов охраны порядка», «Положением об удостоверении члена общественного пункта охраны порядка»), «О Концепции по повышению безопасности и антитеррористической защищенности гостиничных предприятий города Москвы» (вместе с «Требованиями по безопасности и антитеррористической защищенности к гостиничным предприятиям города Москвы»), «О координации действий органов государственной власти и организаций на территории города Москвы по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (вместе с «Положением о единой системе оперативно-диспетчерского управления Москвы по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций», «Порядком сбора и обмена в городе Москве информацией в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»), «Об организации оповещения населения города Москвы о чрезвычайных ситуациях» (вместе с «Положением о системах оповещения населения города Москвы о чрезвычайных ситуациях») и др.

Обеспечение комплексности в деятельности по предупреждению преступлений традиционно достигается разработкой и реализацией федеральных и региональных программ.

Комплексный подход к организации управления предупреждения преступлений в мегаполисе обусловлен структурой самого объекта управления – иерархической системой экономических, идеологических, правовых, социально-психологических, организационных и других отношений, складывающихся в сфере предупреждения преступлений.

Система комплексного планирования предупреждения преступлений в мегаполисе как важный управленческий процесс имеет несколько целей. Кроме того, развитое многоуровневое планирование позволит системе эффективно функционировать.

Качественное планирование и повышение его эффективности связано, во-первых, с поиском и активизацией форм и средств организационного характера (обеспечение ресурсами, наличие заинтересованных ведомств и др.); во-вторых, с созданием адаптированной к условиям мегаполиса методики научно обоснованной системы планов и плановых мероприятий.

В условиях устойчивой тенденции роста уровня преступности в мегаполисе приоритетными направлениями являются создание систем комплексного обеспечения безопасности населения, территории и объектов в мегаполисе, предупреждение преступлений в целом, которые, в свою очередь, требуют разработки и реализации долгосрочных мер правового и организационного характера [2; 3].

Начальным этапом комплексного подхода к вопросу обеспечения безопасности в мегаполисе является Программа «Безопасный город на 2012–2018 гг.», разработанная с учетом положительного опыта городских программ подобной направленности.

Целью Программы является – «комплексное обеспечение безопасности населения и объектов на территории города Москвы, в том числе, снижение уровня преступности до среднего показателя по Центральному федеральному округу; снижение рисков чрезвычайных ситуаций, повышение защиты населения и территорий города Москвы от угроз природного и техногенного характера, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах; повышение готовности органов исполнительной власти города Москвы по вопросам мобилизационной подготовки экономики; минимизация нарушений миграционного законодательства».

Для достижения поставленной цели потребуются решение следующих задач.

Во-первых, «предупреждение террористической деятельности повышение до 60-65 % доли объектов транспортной инфраструктуры, городского хозяйства, социальной сферы и спорта, уникальных, высотных и подземных сооружений, мест с массовым пребыванием людей, оборудованных инженерно-техническими средствами безопасности и антитеррористической защищенности, и до 100 % к 2018 году – строящихся и введенных в эксплуатацию».

Во-вторых, ежегодное снижение на 1-2 % общего количества преступлений, в том числе на улицах, в местах массового пребывания и отдыха граждан, тяжких и особо тяжких, на 2-3 % количества преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, экстремистской направленности, лицами, освободившимися из мест лишения свободы и состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

В-третьих, уменьшение на 10-15 % количества коррупционных правонарушений в органах исполнительной власти города Москвы по сравнению с 2010 годом и уровня коррупционных проявлений, определяемого на основе опросов населения и представителей бизнеса.

В-четвертых, снижение на 2-3 % количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, выявленных в местах массового досуга населения и в образовательной среде.

В-пятых, сокращение ежегодно на 2-3 % количества дорожно-транспортных происшествий, погибших в них, числа административных

правонарушений в сфере безопасности дорожного движения по сравнению с 2010 годом.

В-шестых, увеличение доли правонарушений, раскрытых с помощью камер видеонаблюдения (жилой сектор) с 4,5 % в 2010 году до 30 % в 2018 году.

В-седьмых, снижение на 7-9 % уровня незаконной миграции, формирование полной, достоверной, оперативной и актуальной информации о перемещениях иностранных граждан».

Параллельно принята подпрограмма «Обеспечение правопорядка и профилактика правонарушений» Государственной программы города Москвы «Безопасный город» на 2012–2018 годы предусматривающая решение следующих задач с учетом местных особенностей в каждом из двенадцати административных округов столицы.

Во-первых, обеспечение правопорядка и профилактика правонарушений; во-вторых, организация обеспечения общественного порядка на территории города Москвы; в-третьих, обеспечение участия г. Москвы в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности; в-четвертых, реализация комплекса мер, направленных на укрепление материально-технической базы правоохранительных органов; в-пятых, повышение антитеррористической защищенности населения, объектов транспортной инфраструктуры, городского хозяйства, жилищного фонда, социальной сферы, уникальных, высотных и подземных сооружений; в-шестых, проведение мероприятий по обеспечению безопасности на объектах: АО Мосводоканал, ОАО «Мослифт», ГУП «Мосводосток», ГУП ЭВАЖД, МГУП «Промотходы», ГУП «Экотехпром», ГУП МосгорЕИАЦ, ОАО «Мосгаз», ОАО «МОЭК», ГУП «Москоллектор», ГУП «Моссвет», ОАО «МОЭСК», ГУП «Мосгортранс».

Обобщая сказанное, необходимо сделать вывод о том, что преступность как динамичная система, обладает характеристиками различного уровня и детерминируется факторами социально-экономического характера, требующими для своего изучения использование комплексного подхода.

Применение программно-целевого метода обеспечения безопасности мегаполиса позволит осуществить:

- формирование и развитие приоритетных направлений предупреждения преступлений, снижение тяжести последствий преступлений;
- координацию деятельности территориальных органов правоохранительных органов Российской Федерации, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности города;
- реализацию комплекса мероприятий, в том числе профилактического характера, снижающих количество преступлений, чрезвычайных ситуаций и пожаров.

Для решения наиболее важных вопросов в сфере обеспечения комплексной безопасности мегаполиса, при реализации мероприятий по защите общественно значимых интересов жителей мегаполиса, общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций, в том числе профессиональных объединений предпринимателей, необходимо проводить постоянный мониторинг общественного мнения о поддержке мер по укреплению правопорядка и безопасности, обеспечения привлечения граждан и общественных объединений к реализации государственной политики в сфере предупреждения преступлений и обеспечения правопорядка в мегаполисе, участия в разработке и рассмотрении инициатив общественных объединений и граждан по наиболее актуальным вопросам.

1. Страунинг Ю. А. Криминологическая характеристика и предупреждение экологических преступлений в условиях мегаполиса (на материалах Москвы и Московской области): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 5.
2. Страунинг Ю. А. К вопросу об экологической виктимности в мегаполисе // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 179–180.
3. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник / ред.: В. Я. Кикоть, ред.: С. Я. Лебедев, ред.: Н. В. Румянцев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

Цветков Вячеслав Лазаревич,
начальник кафедры юридической
психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
доктор психологических наук, профессор;
Хрусталева Татьяна Александровна,
заместитель начальника кафедры
юридической психологии
учебно-научного комплекса психологии
служебной деятельности Московского
университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат психологических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ МАССОВОГО ПРОФАЙЛИНГА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Обеспечение безопасности граждан и общественного порядка при проведении спортивных мероприятий является важным направлением деятельности полиции, требующим принятия комплексных решений, привлечения дополнительных сил и средств, использования специалистов различного профиля, совместных согласованных действий правоохранительных органов, других органов исполнительной власти, организаторов соревнований и собственников (пользователей) объектов спорта.

К особенностям охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых спортивных мероприятий относятся: ограниченность территории места проведения соревнования, изменение повседневного уклада жизни в месте проведения соревнования и на прилегающей к нему территории, как правило, значительное число участников и зрителей, повышенная вероятность возникновения конфликтных ситуаций, при которых могут возникнуть обстоятельства, угрожающие жизни и здоровью граждан.

Кроме того, крупные международные мероприятия характеризуются рядом особенностей:

- стремлением террористов и иных преступников использовать массовые мероприятия для совершения террористических актов и других преступлений;
- большим количеством участников - представителей различных этнокультурных групп, отличающихся не только внешним обликом, но и стилевыми характеристиками поведения;
- массовым привлечением сотрудников силовых ведомств для обеспечения безопасности и правопорядка;
- ограничением средств и способов обеспечения безопасности участников, обусловленное международным статусом мероприятий, широким культурным разнообразием поведения участников и привлечением большого количества сотрудников силовых ведомств, в том числе, не являющихся специалистами в области выявления неблагоприятных тенденций в области безопасности и правопорядка [1].

Перечисленные особенности накладывают серьезный отпечаток на эффективность применения различных средств и технологий решения задач по обеспечению правопорядка и безопасности, в том числе и на эффективность такой технологии выявления признаков опасного поведения, как профайлинг.

Использование технологии профайлинга затруднительно при проведении крупных спортивных и культурно-массовых мероприятий. Затруднения связаны со следующими обстоятельствами.

Во-первых, эти мероприятия действительно массовые и динамичные, в ходе их проведения в большинстве случаев отсутствует возможность в продолжительном наблюдении за каждым участником мероприятия (в отличие, например, от ситуации регистрации и досмотра пассажиров в аэро-

порте). Поэтому «прокачать» каждого болельщика футбольного матча и отнести его к тому или иному поведенческому профилю практически невозможно.

Во-вторых, в ходе массовых мероприятий сложно использовать экспресс-психодиагностику и опрос.

В-третьих, в силу большого количества людей, действующих одновременно по законам поведения толпы, требуется большое количество высококвалифицированных специалистов.

В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно ввести понятие «массовый профайлинг», который основывается на «зеркальной», по отношению к традиционному профайлингу, схеме.

Массовый профайлинг – технология активного формализованного наблюдения за людьми с целью выявления в их поведении особенностей, отличающихся от визуально-поведенческого профиля людей, взаимодействующих в рамках общей социальной ситуации [2].

В основе массового профайлинга лежит психологическое описание визуально-поведенческих типов (профилей) ситуаций массовых мероприятий (в отличие от профилей потенциально опасных лиц). Это могут быть визуально-поведенческие профили болельщиков на спортивных мероприятиях, зрителей на культурно-массовых мероприятиях и т. д.

Применительно к ситуации охраны общественного порядка на объектах спорта, типовой визуально-поведенческий профиль – это совокупность внешних проявлений болельщика, адекватных содержанию, месту и времени исполняемой им социальной роли. Такой профиль включает описание преобладающего стиля одежды, доминирующего настроения, характера взаимодействия, динамики и амплитуды движений. В этом случае задачей сотрудников полиции является наблюдение за поведением людей с целью выявления лиц, не соответствующих визуально-поведенческому профилю ситуации («чужих», нетипичных, диссонирующих) или непрофильных. Такие лица должны выводиться из толпы в безопасное место, подлежать идентификации и углубленному изучению специалистами. Следовательно, полицейскому нет необходимости до тонкости разбираться в типологии потенциальных преступников и особенностях поведения террористов различных психологических типов. Ему достаточно четко представлять визуально-поведенческий профиль объектов наблюдения в той конкретной ситуации, в ходе которой он несет службу по охране общественного порядка.

Таким образом, для выявления потенциально опасных лиц основными диагностическими средствами в профайлинге являются наблюдение и беседа. Ведение визуального наблюдения нацелено на исследование внешности поведения человека при восприятии физического облика и содержания поведенческих реакций по наблюдаемым выразительным движениям.

Если полученная первичная информация при наблюдении не является исчерпывающей, то необходимые сведения можно получить в процессе общения с объектом профайлинга. При этом целью беседы является выявление нестандартных реакций на простые вопросы.

Полагаем, что психологическая подготовка сотрудников полиции к участию в мероприятиях по охране общественного порядка на объектах спорта направлена на актуализацию у них знаний, касающихся использования методов прикладной психологии. При этом особый акцент необходимо делать на процессы межличностного взаимодействия, на возможности человеческого восприятия к считыванию внешней и внутренней информации, на формирование и развитие наблюдательности, проницательности, коммуникабельности. Другими словами, обучение сотрудников полиции сводится к формированию и развитию двух основных навыков: навыков оценки эмоционального состояния проверяемых лиц и навыков проведения краткой опросной беседы с целью экспресс-диагностики намеренно скрываемой информации.

Способность «просчитывать» по внешним проявлениям человека его психические состояния и намерения, выявлять рассогласование в коммуникативных действиях является важнейшим условием достижения целей профессионального взаимодействия в условиях выполнения задач безопасности на объектах спорта при проведении официальных спортивных соревнований.

Вышеуказанное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Массовое поведение людей имеет свою динамику и атрибутику, составляющие визуально-поведенческий профиль ситуации. Изучение каждого участника крупных спортивных и культурно-массовых мероприятий практически невозможно.

2. Любое готовящееся преступление имеет свои признаки, часть из которых может быть доступна для обнаружения. Признаки подготовки преступления могут проявляться во внешности и характерных особенностях поведения преступников. Эти признаки проявляются как непрофильные, не соответствующие или даже противоречащие визуально-поведенческому профилю ситуации.

3. Для выявления непрофильного поведения преступников крупномасштабных мероприятий можно привлекать значительное число непрофессиональных профайлеров, обученных приемам его выявления. Их задачей будет исключительно выявление любых паттернов непрофильного поведения, вывод и передача субъектов этого поведения специалистам.

1. Статный В. М. Основы профайлинга в обеспечении безопасности на транспорте: технология и учебная дисциплина // Психология и право. 2013. № 2. С. 77–87.

2. Цветков В. Л., Караяни А. Г., Хрусталева Т. А., Красноштанова Н. Н., Статный В. М., Эриашвили Н. Д. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 256 с.

Черкашин Алексей Владимирович,
старший преподаватель кафедры ТСП
ДВЮИ МВД России;

Шановалов Сергей Владимирович,
доцент кафедры ТСП ДВЮИ МВД
России, кандидат юридических наук;

Олейник Александр Евгеньевич,
преподаватель кафедры ТСП
ДВЮИ МВД России

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СЕКСУАЛЬНЫМ НАСИЛИЕМ В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ

Насильственные сексуальные преступления (т. е. насильственные действия сексуального характера, изнасилование, принуждение к действиям сексуального характера), совершенные в отношении малолетних, являются одними из наиболее опасных преступных посягательств против личности. Повышенная степень общественной опасности данных посягательств объясняется их направленностью на наиболее уязвимую и незащищенную часть общества – детей.

Переходя к исследованию одного из важнейших элементов оперативно-розыскной характеристики насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних, указанного в названии статьи, рассмотрим динамику данных преступлений. Актуальность борьбы с насильственными преступлениями сексуального характера в отношении малолетних со всей очевидностью подтверждается статистическими данными по России [10]. По данным ГИАЦ МВД России в 2016 г. на территории Российской Федерации жертвами сексуального насилия стали около 12 тыс. человек.

Так, в период с 2011 г. по 2016 г. было зарегистрировано преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности: в 2011 г. – 10624, в 2012 г. – 8825, в 2013 г. – 8490, в 2014 г. – 9989, в 2015 г. – 12175, за 6 месяцев 2016 года – 6569). Динамика темпов прироста сексуальной преступности за период с 2011 по 2015 г. показала, что, снизившись в 2012 и 2013 г. почти в полтора раза по сравнению с 2011 г., уже в 2014 г. она достигла своего базисного значения. В 2015–2016г. наблюда-

ется – рост (увеличение на 14,5 % по сравнению с базисным 2011 г.). При этом на протяжении всего исследуемого периода наблюдается в 1,5 раза рост числа изнасилований малолетних.

Доля изнасилований потерпевших, не достигших 14-летнего возраста, в структуре всех преступлений в отношении малолетних, соответствовала: в 2011 г. – 0,1, в 2012 г. – 0,4, в 2013 г. – 0,5, в 2014 г. – 0,6, в 2015 г. – 0,8, за 2016 год 0,9). В анализируемый период в 1,98 раза возросло число насильственных действий сексуального характера в отношении малолетних. Так, если в 2011 году было зарегистрировано 1943 таких преступления, то в 2016 их число составило 3861 преступление.

Достижение цели уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу во многом зависит от профессиональных навыков и умений сотрудников уголовного розыска. В свою очередь, лишь постоянное совершенствование оперативными сотрудниками своих знаний, умений и навыков – залог успеха в достижении цели уголовного судопроизводства.

Важным источником профессиональных знаний являются частные методики выявления и раскрытия преступлений и их оперативно-розыскные характеристики. Любая характеристика представляет собой «описание характерных, отличительных качеств, свойств, черт кого-чего-нибудь» [4, с. 849].

Соответственно, одним из ключевых элементов характеристики насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних является характеристика личности преступника, совершающего данные преступления. Так, на вопрос, способно ли повысить эффективность по выявлению и раскрытию насильственных преступлений сексуального характера знание оперативными сотрудниками особенностей лиц, совершающих данные преступления, 96 % опрошенных оперуполномоченных ответили утвердительно. Лишь 4 % затруднились с ответом, причем в ходе проведенного нами анализа выяснилось, что это были опрошенные, имеющие небольшой стаж работы в органах внутренних дел (не более 2 лет). Отсюда следует, что практические работники сознают необходимость изучения личностных особенностей сексуальных преступников для успешной борьбы с преступлениями данной категории.

Личности преступника уделяется много внимания во всех науках антикриминального цикла. Как отмечает Ю. В. Чуфаровский, «... это многогранное понятие с ярко выраженным междисциплинарным характером» [9, с. 35]. В теории ОРД, изучая личность преступника, совершившего различные виды преступлений, ученые стремятся выявить и познать закономерности его преступной деятельности. А эти закономерности как раз проявляются в связи со способом совершения преступления, личностью преступника [3, с. 39].

По личностным и социальным характеристикам диапазон сексуальных преступников, достаточно широк.

Изучение статистических данных о сексуальных преступниках на территории РФ в период 2012–2016 гг., а также уголовных и оперативных дел по исследуемым фактам позволяет получить данные о личности преступников.

Лицами мужского пола было совершено 99 % насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних. Около 40 % преступников составляли лица в возрасте от 18 до 24 лет, 23 % рассматриваемых преступлений совершены несовершеннолетними. Почти столько же преступлений совершены лицами старше 30 лет, 17 % совершено лицами в возрасте 25–29 лет. Несовершеннолетние преступники чаще всего совершают насильственные преступления сексуального характера в отношении малолетних из числа своих связей, выбирают жертву из окружения. Действия взрослых преступников отличаются большей осмысленностью, подготовкой и планированием предстоящего преступления. Молодые преступники преимущественно совершают нападения недалеко от места своего проживания (преступники в возрасте до 26 лет совершали нападение в пределах 3 км от дома в 79 % случаев).

Характеристика лиц с точки зрения их социальной принадлежности выглядит следующим образом: лица без постоянного источника доходов и безработные – 31%; учащиеся – 27%; рабочие – 17%, служащие – 25 %.

Необходимо отметить, что практически каждое третье исследуемое преступление совершается в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения.

Данные проведенного исследования говорят, что удельный вес лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, составил 34,6 %. Указанное обстоятельство, с одной стороны, благоприятно сказывается на выявлении и раскрытии насильственных преступлений сексуального характера совершенных в отношении малолетних, потому что такие лица состоят на учетах в органах внутренних дел, что существенно облегчает их поиск. С другой стороны, тщательное планирование преступлений, связанных с совершением насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних, их осведомленность о методах, силах, средствах оперативно-розыскной деятельности существенно усложняют этот процесс.

По мнению 91 % опрошенных нами сотрудников уголовного розыска, основной особенностью характеристики сексуальных преступников, является то, что указанная категория лиц характеризуется дезадаптивной направленностью, проявляемой конфликтным взаимодействием в межличностной ситуации, определяющим методы оказания противодействия раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений путем сокрытия следов преступления, использованием беспомощного состояния потерпевшего, в силу малолетнего возраста, использованием зависимого положения, шантажа. В подавляющем большинстве случаев (96 % изученных уго-

ловных дел) насильственные преступления сексуального характера в отношении малолетних совершаются преступниками-одиночками, а данная категория преступлений очень трудна для раскрытия, так как лица, совершившие преступления, не посвящают в свои преступные замыслы посторонних лиц.

Насильственные преступления сексуального характера в отношении малолетних, совершенные в составе группы, имеют широкий спектр видовых отличий. Здесь можно выделить преступления, совершенные группой несовершеннолетних (35 %); преступления, совершенные совершеннолетними преступниками (9 %); преступления, совершенные смешанной группой лиц (56 %) [5].

Анализ уголовных дел о преступлениях указанных видов и результаты ранее проведенных исследований [7; 1; 8; 2] сексуальных преступников позволяет выделить следующие типы личности преступника:

- «охотник» – совершающий внезапные нападения на свою жертву, как правило, в подъезде, в парке, в отношении незнакомых ему малолетних;

- «конформный» – совершающий изнасилования в группе под ее влиянием;

- «отвергаемый» – «человек с умственной недостаточностью и другими физическими и психическими аномалиями. В силу этих недостатков он не может удовлетворить свои половые потребности обычным путем, а поэтому прибегает к насилию;

- «психопаты» – совершающие сексуальное посягательство через серию аморально-сексуальных поступков, которые являются стандартом их поведения и свидетельствуют о ненормальном, гиперболизированном интересе к сексуальной жизни.

- «виртуалы» – совершающие сексуальные преступления, ища своих жертв непосредственно через глобальную сеть «Интернет». Преступники данной группы манипулируют доверием жертвы, могут соблазнить её на совершение непристойных действий. Виртуальные преступники, совершающие сексуальные преступления, используют, прежде всего, коммуникативные технологии Интернета – социальные сети, форумы и другие [6, с. 73].

Представленный анализ типологии, сексуальных преступников указывает на мотивацию криминального поведения, механизм криминального поведения и его социально-психологическую характеристику. Знание типологии личности сексуального преступника, ориентирует оперативных сотрудников уголовного розыска на круг возможных потенциальных потерпевших от него, а также на обстановку и способ совершения преступления.

При этом, учитывая типологию и способ совершения преступлений, всех сексуальных преступников можно разделить на две группы: ситуативных и планирующих.

Для ситуативных характерны следующие черты: как правило, нападают недалеко от своего места жительства; образование и интеллект ниже среднего; семьи и детей нет; работы нередко тоже нет; происхождение – из неблагополучной семьи; склонны к алкоголизации; сексуально неполноценные; труд неквалифицированный; социально неблагополучны.

Планирующим сексуальным преступникам свойственно совершать преступление на удалении от места проживания, в случае последующего убийства жертвы. Они, как правило, имеют образование выше среднего, часто высшее; интеллект развитый; женатые, имеют детей; работают; труд обычно квалифицированный; из благополучных семей, часто – интеллигентной; умеренно употребляют алкоголь; сексуально достаточно полноценные; социально благополучные.

Таким образом, информация, полученная в результате анализа личности сексуальных преступников, ориентирует на возрастные и социальные группы, в которых необходимо проводить оперативную работу, осуществлять поиск, в том числе используя сеть Интернет, применять иные формы и методы ОРД. На основании результатов проведенного нами исследования установлено, что значительная часть насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних совершается лицами в возрасте от 18 до 24 лет, в основном мужского пола. Он имеет средне-специальное образование, но не имеет постоянной работы, и при этом злоупотребляет алкоголем или наркозависим. Сексуальный преступник, как правило, имеет определенные отклонения в эмоционально-волевой, ценностно-нормативной и психологической сферах личности.

-
1. Бегунова Л. А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
 2. Ковалева М. А. Сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация: криминологические и уголовно-правовые аспекты, предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
 3. Коллонтай В. А. Личность преступника как элемент оперативно-розыскной характеристики хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Оперативник (сыщик). 2012. № 3(32). С. 39.
 4. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М.: Изд-во Эксмо, 2006. С. 849.
 5. Преступления против личности // Обзор ГУУР МВД России, 2015.
 6. Сембекова Б. Р. Криминологическая характеристика насильственных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних //

Вестник Карагандинского государственного университета. Право. 2013. № 3 (71). С. 73.

7. Сембекова Б. Р. Криминалистическое исследование обстоятельств преступления, характеризующих субъективную направленность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Караганда, 2007.

8. Шувалова Т. Г. Насильственные преступления сексуального характера, совершаемые в отношении малолетних и несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М.: АЭБ МВД России, 2011.

9. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной деятельности. М., 2005. С. 35.

10. Ф. 455. Кн. 709 ФКУ ГИАЦ МВД России. Приведены данные указанных форм с 2011 по 2016 гг.

Шеметов Алексей Константинович,
доцент кафедры криминалистики
второго факультета повышения
квалификации института повышения
квалификации Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАСКРЫТИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ни для кого не является секретом, что информационно-телекоммуникационная сеть с каждым годом набирает все большую популярность, расширяя при этом круг пользователей. Возраст лиц, свободно имеющих доступ к Интернет-контенту, снижается год от года. Это, в свою очередь, влечет увеличение числа противоправных действий с использованием всемирного пространства сети, жертвами которых становятся дети.

В отношении несовершеннолетних, в том или ином качестве используя Интернет, совершаются различные посягательства. Широко число актов, направленных на половую свободу детей, их жизнь и здоровье.

Развитие высоких технологий, открытость страны мировому сообществу привели к незащищенности детей от противоправного контента в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», усугубили проблемы, связанные с торговлей детьми, детской порнографией и проституцией, повлекли к образованию сообществ, «групп смерти», преследующих страшные цели.

Отсутствие прямого контакта с субъектом преступления, ограниченные сведения о свойствах его личности, зачастую приводит к серьезной проблеме поиска лица, совершившего противоправный акт.

В ряде случаев в распоряжении следствия оказываются фрагменты видеозаписей, фотоизображения и текстовая информация, содержащие признаки преступлений подобного рода. Данные могут быть размещены в определенном контенте сети открытого или закрытого доступа.

В случаях наличия подобного рода сведений, могут быть проанализированы признаки внешности искомого субъекта, особенности его жестикуляции, манеры поведения, повадки, особенности общения. Не исключается из предмета исследования и обстановка, сопровождающая видеокادر или фотоизображение.

Не стоит забывать о том, что любая манипуляция пользователя сети: скачивание того или иного контента, посещение определенного узла, оставление комментария, находит свое отражение не только в памяти ЭВМ пользователя, но и на сервере поставщика интернет услуг.

Основной способ идентификации в сети – это определение его IP-адреса, который в свою очередь позволяет установить не только географическое расположение потребителя услуг, но и персонализировать его [1]. IP-адрес распределяется следующим образом: конкретный интервал адресов подобного рода предоставляется поставщику услуг, после этого он распределяется по маршрутизаторам, вышкам базовых станций, wi-fi-роутерам и другим средствам коммутации провайдера, в конечном счете попадая в единичном варианте к конкретному пользователю. Правда, стоит заметить, что в ряде случаев пользователь, посещая тот или иной ресурс через внутреннюю сеть юридического лица, определяется IP-адресом этой компьютерной сети (внешний IP-адрес). В данной ситуации выход видится в сопоставлении различных IP-адресов, с которых осуществлялся вход или авторизация одного и того же пользователя. Допустим, один и тот же человек посещает свой аккаунт в сети, пользуясь при этом компьютером, подключенным к внутренней сети предприятия. В этом случае он приобретает внешний адрес, который совпадает с IP-адресом других пользователей этой сети. Указанный субъект может в домашних условиях пользоваться услугами связи через персональный компьютер, подключенный напрямую, или через локальную сеть поставщика услуг доступа. Не стоит забывать при этом, что любой компьютер, подключившись к локальной сети, приобретает свой внутренний IP-адрес. Существует и ряд проблем, связанных с использованием динамического IP-адреса. При этом компьютер наделяется адресом, свободным во время подключения к сети. Использование подобного идентификатора в сети в целом не лишает возможности его персонализировать. Пользователь может обращаться к нескольким ресурсам, что позволяет анализировать его интересы в сети, а в ряде случаев полу-

чить данные о его авторизации в качестве конкретного лица, на том или ином ресурсе.

Судебно-следственная практика подтверждает, что далеко не во всех случаях злоумышленники оказываются специалистами в области компьютерных технологий, достаточно редко прибегают к утаиванию собственных IP-адресов. Все без исключения провайдеры имеют возможность и технические средства для отслеживания посещений конкретными пользователями (их IP-адресами) web-ресурсов сети.

Географическое определение пользователя осуществляется через сети, имеющие доступ к Интернет с одной стороны и предоставляющие доступ пользователям с другой. Все IP-адреса конкретных лиц связаны с MAC-адресами оборудования, которое оно использует для подключения (ноутбук, стационарный компьютер, планшет, смартфон и др.). Последние в свою очередь приобретают его от телеком-оборудования, которое соответственно имеет четкую привязку к конкретному месту на карте (вышка базовой станции поставщика услуг, коммуникатор, wi-fi – роутер и т. д.). В том случае, когда пользователь подключен к сети кабелем, цепочка должна привести к конкретному помещению или рабочему месту.

Следы посещения того или иного ресурса, манипуляций с контентом в сети остаются не только в памяти сервера телеком-поставщика, но и на ЭВМ или ином оборудовании, использованном конкретным лицом [2], как злоумышленника, так и его несовершеннолетней жертвы. Помимо конкретных материалов, содержащих признаки совершенных преступлений, в памяти компьютера сохраняются также данные о доступе лица к конкретным ресурсам сети. Речь в данном случае может идти о cookies-файлах. В них сохраняется информация о сеансах работы пользователя с конкретными ресурсами (операционная система, браузер, разрешение экрана, определенные региональные настройки в том числе часовой пояс пользователя сети и т. д.) [3]. Кроме того они могут содержать данные о логинах и паролях, использованных для входа на определенные серверы и web-узлы. При этом пользователь, загружающий определенный контент, исследуемый на стадии проверки сообщения о преступлении, может одновременно посещать web-узлы, регистрируясь и внося о себе подлинные данные о личности.

Нередки варианты использования для коммуникаций пространства социальных сетей, в которых осуществляется поиск несовершеннолетних жертв посягательств. При этом в большинстве случаев используются вымышленные персональные данные, маскируется возраст участников общения, их внешность, пол, и цель подобного контакта [4]. Субъекты указанного вида посягательств зачастую выражают пристрастие к увлечениям, схожим с интересами несовершеннолетнего.

Примером указанной ситуации может стать организация и деятельность на территории Российской Федерации так называемых «групп смер-

ти». Аудитория предполагаемых жертв их действий насчитывает десятки, а в реальной жизни, наверное, и сотни несовершеннолетних. При этом с каждым из них велось индивидуальное, персональное общение, воздействие. Этот фактор должен быть учтен. Так, выход на связь с определенным абонентом может быть сопоставлен с периодом коммуникаций с другими пользователями, условиями, в которых эта связь осуществлялась.

Иногда следствию удается установить место доступа к сети субъекта преступления, однако отсутствуют сведения о причастности конкретного лица. В этих ситуациях возможен поиск традиционных следов на месте происшествия. Подобные отображения могут быть обнаружены на отдельных частях ЭВМ, использованного в указанных целях, а также на гибких носителях информации, содержащих преступную информацию.

Поиск и исследование следов названных преступлений не возможно без помощи специалистов. В связи с этим взаимодействие со сведущими лицами должно быть организовано на самых ранних стадиях досудебного производства.

1. Савченко Я. И., Гаценко О. Ю. Аналитический обзор методов обеспечения анонимности в интернете // Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы. 2015. № 3. С. 58.

2. Васюков В. Ф. Некоторые вопросы назначения компьютерно-технической экспертизы мобильных телефонов при расследовании преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 46. № 2. С. 81–84.

3. Васюков В. Ф. Некоторые особенности изъятия электронных носителей при производстве обыска и выемки по уголовному делу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 2 (25). С. 35–42.

4. Шолохов С. В., Коргин А. В., Васюков В. Ф. К вопросу о роли использования технико-криминалистических средств в доказывании по уголовным делам // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Всероссийской конференции. 2015. С. 343–348.

Юсунов Тимур Ринатович,
старший преподаватель кафедры
административно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института
МВД России

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И ПРОВЕДЕНИЮ АЗАРТНЫХ ИГР**

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» с 1 июля 2009 года установлен запрет на деятельность по организации и проведению азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи (подвижной связи), за исключением отдельных случаев. В то же время при установлении запрета законодатель в порядке исключения предусмотрел возможность осуществления данного вида деятельности (специальные территории в ряде субъектов Российской Федерации) в так называемых «Игорных зонах». Однако, несмотря на существующие ограничения и запреты в части организации и проведения азартных игр на территории иных субъектов Российской Федерации, проблема ликвидации незаконных игорных заведений и их распространение на сегодняшний день остается актуальной.

Как показывает практика, в настоящее время основным инструментом противодействия незаконному игорному бизнесу являются нормы уголовного и административного законодательства, предусматривающие ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр. Так, ч. 1 ст. 14.1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность юридических лиц за незаконные организацию и (или) проведение азартных игр в размере от семисот тысяч до одного миллиона рублей с конфискацией игрового оборудования. Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) предусматривает уголовную ответственность по ч. 1 ст. 171.2 УК РФ за аналогичные деяния, по ч. 2 той же нормы – за деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору и сопряженные с извлечением дохода в крупном размере, по ч. 3 – за деяния, предусмотренные чч. 1–2, если они совершены организованной группой, сопряжены с извлечением дохода в особо крупном размере и совершены лицом с использованием своего служебного положения.

На начальном этапе особую сложность представляет законное проникновение в помещение, где организовано проведение азартных игр. Можно отметить, что необходимым условием для проникновения в объект недвижимости является установление его собственника. Проводя мероприятия по установлению собственников объекта недвижимости, можно значительно упростить решение поставленной задачи в части привлечения к ответственности виновных лиц (организаторов незаконной игорной деятельности). Однако бывает так, что используемые организаторами помещения являются предметом значительного количества договоров аренды и субаренды. При этом во всей цепочке арендаторов конечным звеном являются лица, ведущие аморальный образ жизни, злоупотребляющие алкоголем либо наркозависимые, которые являются собственниками лишь фор-

мально за определенное вознаграждение. Поэтому, исходя из сложившейся ситуации, мероприятия по противодействию незаконной организации азартных игр зачастую проводятся без установления собственников занимаемых помещений.

В связи с этим, в статье предлагается рассмотреть основные способы и методы проникновения в игорные залы и клубы.

Одним из таковых является проникновение в помещение при принятии заявления (сообщения). Как известно, любые сообщения о преступной деятельности, в том числе и сообщения о деятельности игорных заведений, принимаются и регистрируются в дежурной части органа внутренних дел по телефону, посредством сети Интернет (при наличии) либо непосредственно путем подачи заявления. Для проверки поступившего заявления сотрудниками полиции осуществляется выезд по адресу, указанному в заявлении (сообщении), в котором, по мнению заявителя, осуществляется организация азартных игр. В последующем, реагируя на поступивший сигнал и прибыв к месту совершения предполагаемого административного правонарушения, сотрудники полиции сталкиваются с проблемой проникновения в игорный клуб, так как вход в подобного рода заведения представляет собой укрепленные дверные группы, оборудованные камерами видеонаблюдения, дверными глазками, электронными замками.

Также определенную сложность представляют так называемые сотрудники охраны, основной функцией которых является не обеспечение безопасности посетителей, а провокация сотрудников органов внутренних дел на совершение неправомерных действий и воспрепятствование проникновению сотрудников внутрь помещения, для чего они обладают набором необходимых познаний в сфере юриспруденции.

Нередки случаи уведомления организаторов игорных заведений лицами, осуществляющими постоянное круглосуточное наблюдение за входом в помещение. Кроме того, организаторами игорных заведений изготавливаются и распространяются среди узкого круга лиц пластиковые карты с электронным чипом, содержащим информацию о владельце карты с его фотографией, без которых вход в игорное заведение чрезвычайно затруднителен.

Кроме того, есть ряд обстоятельств, которые подлежат доказыванию в процессе проверки. Например, факт проведения азартных игр, причастность того или иного лица к организации указанной деятельности, наличие азартности в проводимых играх, установление суммы дохода, полученного в результате организации азартных игр. Без проникновения в помещение и без выяснения всех указанных условий невозможно объективно квалифицировать содеянное.

Следующим методом проникновения в помещения при выявлении правонарушений, связанных с незаконной организацией и проведением азартных игр, представляется проведение оперативно-розыскных меропри-

ятий. Так, например, работники оперативных подразделений, располагают полномочиями в части проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. При этом, согласно Инструкции о порядке его проведения, оперативный работник, располагающий соответствующими данными, уполномочен провести указанное мероприятие на основании соответствующего распоряжения руководителя.

Однако в практических реалиях такой подход не всегда эффективен. Нередки случаи, когда при силовом проникновении сотрудниками органов внутренних дел в помещение организаторы незаконной игровой деятельности полностью обесточивают занимаемое помещение, что значительно усложняет процесс дальнейшего доказывания азартности и получения материальной выгоды. При прекращении подачи электропитания получить данные программного обеспечения, установленного на игровом оборудовании, иногда становится невозможным ввиду выхода его из строя. Фактически в нем аккумулирована информация о количестве внесенных денежных средств (кредитов) и размере выданных сумм и кредитов, по которым возможно проведение исследования и подсчета суммы полученного дохода.

Таким образом, несмотря на имеющуюся у сотрудников оперативных подразделений возможность урегулированного ведомственными нормативными актами проникновения в помещения, большинство вопросов в части доказывания ключевых позиций незаконной организации азартных игр остается нерешенными.

Очередным и, пожалуй, наиболее эффективным методом проникновения в помещение при пресечении исследуемых правонарушений, по мнению автора, является проведение так называемой проверочной закупки. В данном случае, оперативный работник под видом посетителя игорного заведения с целью удовлетворения своего азартного желания может беспрепятственно проникнуть в помещение, где проводятся азартные игры. При этом необходимым качеством, которым должен обладать оперуполномоченный, являются определенные познания в области азартных игр, а именно: способы и методы размещения ставок, выбор игрового оборудования, наименование игр и т. п. После того, как правоохранитель определился с выбором оборудования и игрой, администратор зала зачисляет в игровой аппарат денежные средства в виде кредитов, которыми можно распоряжаться в зависимости от условий игры. При этом, исходя из судебной практики, важным и принципиально необходимым условием является получение выигрыша, так как только в этом случае будет доказана азартность проведения подобного рода мероприятий.

В дальнейшем, уже после объявления проверочной закупки, оперативный сотрудник обеспечивает беспрепятственный вход остальным работникам полиции для оформления документов по факту незаконной организации игровой деятельности. В подобных условиях обеспечивается сво-

бодный доступ в помещение без спорных вопросов в части нанесения имущественных повреждений. Кроме того, таким способом сотрудникам предоставляется возможность реализовать свои права, касающиеся опроса лиц, находящихся в игорном заведении, установления организаторов незаконной игорной деятельности, получения необходимых документов и материалов, изъятия предметов административного правонарушения и проведения технического исследования для подсчета суммы полученного дохода, от которого в дальнейшем будет зависеть квалификация содеянного в рамках административного или уголовного законодательства.

Таким образом, все вышеперечисленные методы проникновения в игорные заведения с последующим документированием указанной деятельности могут использоваться при противодействии незаконной организации азартных игр. Кроме того, необходимо отметить, что оперативно-служебная работа в этом направлении должна проводиться постоянно и с использованием всех имеющихся у сотрудников полиции законных инструментов, учитывая общественную опасность рассматриваемых правонарушений и преступлений. При этом, принимая во внимание высокую степень латентности, на наш взгляд, наиболее эффективным методом противодействия является проведение полного комплекса оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных законодательством об оперативно-розыскной деятельности.

-
1. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2006 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1.
 2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.
 3. Уголовный кодекс Российской Федерации.
 4. Соловьев И. Н. О некоторых вопросах административно-правового противодействия незаконному игорному бизнесу // Административное право и процесс. 2011. № 5.
 5. Конин В. Н. Обеспечение общественной безопасности как направление деятельности Российской полиции // Административное право и процесс. 2013. № 1.

Якубина Юлия Павловна,
доцент кафедры уголовного
процесса Орловского юридического
института МВД России
имени В. В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА, ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Исполнение судебных решений – это показатель эффективности деятельности правосудия. Поскольку правосудие считается свершенным, когда выполнено решение суда.

Федеральная служба судебных приставов России (далее по тексту – ФССП РФ) является уполномоченным органом государственной исполнительной власти, осуществляющим принудительное исполнение судебного решения. Служба обеспечивает правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

По итогам работы за 2016 год Управлением Федеральной службы судебных приставов по Орловской области выполнено 6 из 9 показателей деятельности, установленных приказом ФССП России от 24.12.2015 № 606 «Об утверждении Перечня показателей деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов на 2016 год» (далее – приказ ФССП России от 24.12.2015 № 606).

За 12 месяцев 2016 года в структурных подразделениях УФССП России по Орловской области было возбуждено 239 212 исполнительных производств, что на 34 664 исполнительных производства или на 17,0 % больше, чем за аналогичный период 2015 года (204 548).

Всего на исполнении за 12 месяцев 2016 года находилось 345 183 исполнительных производства, что на 42 499 исполнительных производств или на 14,0 % больше, чем за аналогичный период 2015 года (302 684).

В результате проведенных исполнительных действий за 2016 год окончено и прекращено 227 054 исполнительных производства, что на 37 553 исполнительных производства или на 19,8 % больше, чем за аналогичный период 2015 года (189 501).

Фактическим исполнением в 2016 году окончено 151 499 исполнительных производств, что на 20 980 исполнительных производств или на 16,1 % больше, чем за аналогичный период 2015 года (130 519).

Основной показатель «Доля оконченных фактическим исполнением исполнительных производств» по итогам 2016 года составил 48,5 %, что больше, чем за АППГ (47,98 %) и соответствует прогнозируемому значению показателя на 2016 год (не менее 48,0 %).

В результате проведенных исполнительных действий (с учетом частично исполненных производств) фактически взысканная сумма составила 2 071 885 тыс. руб., что на 115 150 тыс. руб. или на 5,9 % больше, чем за АППГ (1 956 735 тыс. руб.).

В том числе в консолидированный бюджет взыскано 626 745 тыс. руб., что на 61 953 тыс. руб. или на 11,0% больше, чем за АППГ (564 792 тыс. руб.).

В 2016 году судебными приставами-исполнителями Орловской области в федеральный бюджет перечислено 51 825 тыс. руб. исполнительского сбора, что составляет 108,0 % от установленного планового задания на 2016 год (48 000 тыс. руб.).

За отчетный период взыскано 519 040 тыс. руб. фискальных платежей, что на 57 091 тыс. руб. или на 12,4 % больше, чем в АППГ (461 949 тыс. руб.) и составляет **104,2** % от годового индикаторного показателя (497 972 тыс. руб.).

По итогам 2016 года интенсивность исполнительных действий составила **100,3** %, что на 4,25 % больше, чем в АППГ (96,0 %).

Вместе с тем, несмотря на то, что в 2016 году возбуждено на 34 664 исполнительных производства или на 17,0 % больше, чем за аналогичный период 2015 года, неоконченный остаток удалось снизить.

Остаток составил 105 416 исполнительных производств, что, на 638 исполнительных производств или на 0,6 % меньше, чем в АППГ (106 054). Процент остатка оставил 31,7 % (АППГ — 35,9 %).

Объективная невозможность выполнить общую интенсивность обусловлена значительным увеличением динамики поступления исполнительных документов всех категорий и сокращением ресурсов Управления.

Управлением ФССП по Орловской области изданы приказы, распоряжения, указания, направленные на организацию системной работы и повышение эффективности исполнительных действий, по выполнению показателя фактического исполнения; интенсивности исполнительных действий; по сокращению остатка; по исполнению судебных актов, в том числе административных штрафов, наложенных судами; по исполнению судебных актов неимущественного характера; о взыскании денежных средств в пользу организаций ТЭК; о взыскании алиментных платежей, по ограничению выезда должников из РФ; о взыскании уголовных штрафов, назначенных в качестве наказаний за совершение преступлений и др. [1]

ФССП РФ осуществляет не только принудительное исполнение судебного решения, но и является специализированным государственным органом, осуществляющим надзор за отбыванием осужденными наказания в виде штрафа. Надзор осуществляет должностное лицо ФССП – судебный пристав-исполнитель.

По закону уголовный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания. Размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или ино-

го дохода. С учетом тех же обстоятельств суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет.

Штраф в качестве дополнительного вида наказания может назначаться только в случаях, предусмотренных законом (статьями Особенной части УК РФ).

Наказание в виде штрафа исполняется судебными приставами-исполнителями по месту жительства либо работы осужденного (ч. 1 ст. 16 УИК РФ).

Осужденный, не уплативший штраф либо часть штрафа в установленный срок, признается злостно уклоняющимся от уплаты штрафа (ст. 32 УИК РФ). В отношении такого осужденного, которому назначен штраф в качестве дополнительного наказания, судебный пристав-исполнитель производит взыскание штрафа в принудительном порядке, установленным законом.

В отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, судебный пристав-исполнитель не ранее 10, но не позднее 30 дней со дня истечения предельного срока уплаты, направляет в суд представление о замене наказания другим видом наказания в силу злостного уклонения.

Представление о замене штрафа другим видом наказания в соответствии с нормами УК РФ рассматривается судьей единолично в судебном заседании в порядке гл. 47 УПК РФ.

При рассмотрении представления суд должен учитывать, что в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, за исключением случаев назначения штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, штраф заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Замена штрафа на лишение свободы допустима за коммерческий подкуп или взяточничество. По остальным составам преступления замена штрафа на лишение свободы запрещена. Назначенное наказание не может быть условным.

Системный анализ норм уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства показывает, что судебный пристав-исполнитель вправе подать представление о замене штрафа другим видом наказания в суд. Однако правом обжалования судебного решения – постановления – судебный пристав-исполнитель не наделен.

Из вышеизложенного становится очевидным, что необходимо предусмотреть в уголовно-процессуальном законе основания и порядок участия судебного пристава-исполнителя на стадии исполнения приговора. С учетом тесной связи деятельности судебного пристава-исполнителя с судебным производством по разрешению вопросов при исполнении приговора представляется нормы, регламентирующие деятельность пристава-исполнителя, включить в уголовно-процессуальный кодекс. Представляется, нормы о праве судебного пристава-исполнителя на обжалование судебных решений, принятых в отношении осужденных, злостно уклоняющихся от исполнения приговора в виде штрафа, необходимо прописать в отдельной статье и включить её в гл. 47 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» разд. 14 «Исполнение приговора» УПК РФ.

1. Аналитическая справка УФССП России по Орловской области за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: [http://r57.fssprus.ru/ Reportsandreportsabout//analiticheskaja_spravka_ufssp_rossii_po_orlovskojj_oblasti_za_2016_goda](http://r57.fssprus.ru/Reportsandreportsabout//analiticheskaja_spravka_ufssp_rossii_po_orlovskojj_oblasti_za_2016_goda).

РАЗДЕЛ II

Алдохина Виктория Викторовна,
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии Краснодарского
университета МВД России

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Под объектом преступлений экстремистской направленности понимаются различные по своему характеру общественные блага, на которые посягает экстремистская деятельность.

Существует ряд проблем при определении рассматриваемого нами вида преступлений. Основная состоит в отсутствии единого родового и видового объектов преступлений экстремисткой направленности. Объясняется это тем, что в отечественном уголовном законодательстве многообразие видов преступлений, связанных с экстремистской деятельностью. Изучив Указание Генпрокуратуры РФ [1], которое перечисляет преступления экстремистской направленности, мы выделили три родовых объекта:

- личность человека – ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119 УК РФ;
- общественная безопасность и общественный порядок – ст. 213, 214 УК РФ;
- государственная власть – статьи 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ.

Это свидетельствует о том, что данные противоправные деяния посягают на три основных блага современного общества, которые ставят преступления экстремистской направленности на одно из самых приоритетных мест в системе уголовно-правового регулирования.

Основная часть преступлений экстремистской направленности дву-объектные. В основном это относится к тем уголовно-правовым деяниям, для которых экстремистский мотив является квалифицирующим признаком. Например, ч. 2 статья 105 УК РФ – жизнь человека, ч. 2 статьи 111 УК РФ – здоровье человека и другие, где данные объекты выступают основными. Но в силу специального мотива совершения преступлений экстремистской направленности, помимо основного объекта они посягают на равноправие людей, их личное и коллективное достоинство [2].

С помощью дополнительного объекта, представленного в виде равноправия людей независимо от их личных свойств можно объединить различные по своим характеристикам противоправные деяния в общее понятие «преступления экстремистской направленности»; назначать виновным

более жесткие виды наказания; отграничить менее тяжкие деяния от более тяжких.

Общим для всех преступлений, совершенных по экстремистским мотивам, является объект посягательства, который нашел свое закрепление и в Конституции РФ: равенство граждан независимо от разных личных свойств. Однако, сводить объект экстремистских преступлений исключительно к положениям Конституции неправильно, поскольку между последней и Уголовным кодексом РФ есть определенные несоответствия.

В Конституции РФ гарантии равенства содержатся в трех статьях, а именно в: ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 19 и ч. 2 ст. 29. В соответствии с указанными статьями в России:

- запрещается создание и деятельность общественных объединений, действия и цели которых направлены на разжигание расовой, национальной и религиозной розни;

- не допускается пропаганда и агитация, возбуждающая социальную, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства;

- закрепляется принцип равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения..., а также других обстоятельств.

Исходя из буквального толкования текста Конституции РФ видно, что в ней не содержится признака объекта разжигания розни по отношению к какой-либо социальной группе, отраженный в УК РФ. Однако, если понятия расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды давно устоялись и не требуют дополнительного разъяснения, то определение понятия социальных групп весьма проблемно, в первую очередь, потому, что оно весьма широко и включает много составляющих [3]. Это приводит к определенным трудностям при их квалификации. Сложилось такое положение вещей из-за ошибочного представления законодателей о том, что категория социально-групповой принадлежности столь же привычна и понятна участникам правоотношений, как и категории нации, расы, религии, традиционно фигурировавшие в законодательстве о противодействии экстремизму. Как показывает правоприменительная практика, казуистичность определения вражды или ненависти по отношению к социальной группе уже не вызывает сомнений [4]. Под социальными группами понимаются «устойчивые совокупности значительного количества людей, действующих совместно в социально значимых ситуациях и функционирующих в масштабах общества (страны) в целом... Принадлежность индивидов к данной социальной группе устанавливается на основе определенной совокупности социально значимых признаков – классовая принадлежность, со-

держание и характер совместной деятельности, социальный статус, национальность, пол, возраст, образование и др.» [5].

Ю. В. Николаева предложила закрепить в самостоятельной статье Уголовного кодекса РФ социальную группу в качестве потерпевшего [6]. Мы считаем, что это предложение имеет место для уголовного процесса, который занимается участниками уголовного судопроизводства, а в уголовном праве каждый участник персонифицирован. Даже в случае признания потерпевшим юридического лица участвовать в процессуальных действиях будет представитель от него, а не весь коллектив, а юридическое лицо все равно имеет конкретные реквизиты, которые позволяют его идентифицировать. У социальной группы подобных реквизитов, соответственно, нет. Решением этой проблемы является положение, предложенное нами в первой главе диссертационного исследования – узаконивание определения «социальной вражды».

Тем не менее, формулировка статьи 19 Конституции РФ, содержащая в себе «другие обстоятельства» позволяет говорить, что преступления экстремистской направленности имеют своим непосредственным объектом закрепленные Конституцией РФ положения. По этой причине, данная статья является единственной, которая хотя косвенно, но указывает на недопустимость совершения действий по мотиву ненависти и вражды в отношении социальной группы.

Следовательно, объектом преступлений экстремистской направленности является гарантированное Конституцией РФ равноправие людей независимо от политической, идеологической, расовой, религиозной принадлежности, а также подразумеваемое равноправие между социальными группами.

В настоящей работе нам бы хотелось подробно остановиться на статье 280 УК РФ ввиду ее уникальности, которая состоит в невозможности определения непосредственного объекта данного общественно-опасного деяния. Диспозиция рассматриваемой статьи носит отсылочный характер. Поэтому для определения понятия «экстремистской деятельности» необходимо обратиться к ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. На основании ст. 1 ФЗ публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности могут посягать одновременно на отличные друг от друга общественные, личные или государственные блага:

- единство государства и нормальное функционирование государственной власти;
- общественный порядок и общественная безопасность;
- законодательно закрепленные права граждан на равноправие, а также участие в управлении делами государства.

Отдать приоритет какому-то одному из них не представляется возможным. Следовательно, данный состав преступления является многообъектным, несмотря на то, что все вышеперечисленные блага не имеют меж-

ду собой ничего общего. Это приводит к проблемам при практическом применении рассматриваемой нормы, касаясь квалификации этого деяния.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что в настоящее время определение объекта преступлений экстремистской направленности представляет сложность. Объясняется это тем, что все рассматриваемые нами составы преступлений содержат в себе действия, которые посягают не на один вид защищаемых государством прав и законных интересов.

1. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генпрокуратуры России/МВД России от 15.02.2012 № 52-11/2.
2. Леньшин Д. И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 56.
3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А.И. Чучаева. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Контракт, 2009. С. 60.
4. Сысоев А. М. О сущности «экстремистских» мотивов в отечественном уголовном законодательстве // История государства и права. 2009. № 1. С. 15.
5. Кашепов В. П. Особенности квалификации преступлений экстремистской направленности // Комментарий судебной практики / Под ред. К. Б. Ярошенко. М.: Юридическая литература, 2007. Выпуск 13. С. 170–171.
6. Николаева Ю. В. Виктимологическая профилактика преступлений: объект, субъект, правоотношения // Административное и муниципальное право. 2008. № 6. С. 76.
7. Леньшин Д. И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 57.

Борисов Александр Сергеевич,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России

ТАЙНА КАК ПРАВОВОЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Отнесение того или иного вида информации к категории «тайна» является способом ограничения общего доступа к ней, нарушение которого может повлечь за собой определенные негативные последствия для от-

дельной личности, общества и государства в целом. Правовым способом защиты информации, отнесенной к категории «тайна» является установление государством санкций за ее противоправное получение, использование, разглашение либо передачу иным лицам.

В зависимости от степени тяжести последствий, которые может повлечь противоправное разглашение либо использование охраняемой информации, Законодателем ранжирована ответственность за такие действия.

Сведения, разглашение которых может нанести ущерб интересам государства в целом, отнесены Законодателем к государственной тайне. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ) [1].

Согласно перечню, содержащемуся в ст. 5 Закона от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне», государственной тайной признаются: сведения в военной области, в области экономики, науки, техники, внешней политики и экономики, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности [2]. За разглашение сведений, составляющих государственную тайну, предусмотрена уголовная ответственность, согласно ст. 283 УК РФ [3]. За незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну, либо утрату документов, содержащих государственную тайну, предусмотрена ответственность по ст. 283.1, 284 УК РФ [3]. Наряду с этим, Уголовным законом предусмотрена ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения), гарантированных ст. 23 Конституции РФ (ст. 155 УК РФ), незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ) [3].

Данные предварительного расследования, как и сведения о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, сведения о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, законодателем не отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну. При этом за их разглашение также предусмотрена уголовная ответственность по ст. 310, 311, 320 УК РФ [3].

В Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации понятие «тайна» встречается в разных статьях и выступает как:

1. Принцип уголовного процесса – тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ);

2. Условие, согласно которому в интересах предварительного расследования допускается возможность не уведомлять близких родственников о задержании совершеннолетнего подозреваемого с согласия прокурора (ч. 4 ст. 96 УПК РФ);

3. Условие, исключающее возможность передачи сведений о лице, сообщившем о преступлении в СМИ, в том случае если оно поставило такое условие при направлении информации (ч. 2 ст. 144 УПК РФ);

4. Условие, обеспечивающее безопасность участника уголовного дела, сведения о котором засекречиваются при составлении протоколов следственных действий (ч. 9 ст. 166, ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

5. Условие, исключающее разглашение сведений о семейной и личной жизни лица, в жилище которого производится обыск (ч. 7 ст. 182 УПК РФ);

6. Условие, обеспечивающее интересы государства в области защиты секретной информации, ограничивающее гласность судебного разбирательства (п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ);

7. Условие судебного разбирательства – тайна совещания судей (ст. 298 УПК РФ);

8. Условие судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей – тайна совещания присяжных заседателей (ст. 341 УПК РФ);

9. Условие, накладывающее особые обязательства на участников уголовного судопроизводства в связи с работой с секретными сведениями: ч. 5 ст. 49, ч. 3 ст. 183, ч. 2 ст. 217, ч. 3.1 ст. 227, ч. 5 ст. 301, ч. 24 ст. 328, ч. 5 ст. 333, ч. 8 ст. 389.17, ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ [4].

Проанализировав обстоятельства, при которых используется понятие «тайна» в уголовно-процессуальном законодательстве, необходимо резюмировать, что «тайна» в УПК РФ выступает как условие, обеспечивающее защиту законных прав, свобод, интересов личности, общества, государства и государственной деятельности в области уголовного судопроизводства, посредством установления ограничений в доступе к определенным сведениям и порядка действий, направленных на недопущения их необоснованного рассекречивания.

Но стоит отметить, рассмотрев категорию «тайна» с правовой точки зрения, мы приходим к выводу, что законодатель в различных отраслях Отечественного права бессистемно использует понятие «тайна», которая, как мы видим, применяется к абсолютно любой информации, независимо от того тяжкие влечет ли ее разглашение последствия, или нет.

Мы считаем, что информация, отнесенная к налоговой, банковской либо страховой тайне не может стоять в одном ряду по степени значимости с тайной усыновления или государственной тайной. В тоже время, данные предварительного расследования, сведения о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства, по неясным причинам законодателем тайной не называются. Однако этот факт не может быть положен в основу умозаключения о том, что эта информация не так важна, поэтому тайной не именуется. Напротив, именно за разглашение «тайны следствия» предусмотрена уголовная ответствен-

ность по ст. 310 УК РФ, а за разглашение тайны страхования уголовной ответственности нет.

Значит, следует вести речь о том, что при межотраслевом правовом анализе, нами не установлена система градации степени важности информации, посредством ее защиты и отнесения к категории «тайна».

В тоже время, нами установлена закономерность, согласно которой, нарушение порядка обращения со сведениями, отнесенных к категории «тайна» (государственная тайна, тайна усыновления (удочерения), банковская, коммерческая, налоговая тайна), либо иных сведений, носящих конфиденциальный характер (персональные данные, информация с ограниченным доступом) именуется «разглашением»: ст. 155, 283, 310, 311, 320 УК РФ, ст. 13.14, 17.13 КоАП РФ [5].

Таким образом, «разгласить» сведения, составляющие «тайну», либо иную, охраняемую законом информацию, значит незаконно предать такую информацию гласности в нарушение установленного порядка, сделать ее достоянием общественности, а, следовательно, подвергнуть угрозе те отношения, которые защищаются посредством установления ограниченного к ней доступа.

Предание гласности данных предварительного расследования без разрешения следователя, дознавателя, сверх того объема, который был им установлен, в том случае если такое разглашение противоречит интересам предварительного расследования, нарушает права и законные интересы участников уголовного судопроизводства является уголовно-наказуемым преступлением, за которое предусмотрена ответственность по ст. 310 УК РФ. То есть, чрезмерная «гласность» (сверх установленного должностным лицом объема) наносит ущерб предварительному расследованию, сказывается на его полноте, всесторонности и объективности, а также нарушает права и законные интересы участвующих в уголовном деле лиц.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 12.12.1993. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О государственной тайне [Электронный ресурс]: Закон Рос. Федерации от 21.07.1993 № 5485-1: в ред. от 08.03.2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в ред. от 03.04.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: от 30.12.2001 № 195-ФЗ: в ред. от 03.04.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Добренков Алексей Иванович,
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии Воронежского института
МВД России

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Противодействие дорожно-транспортным преступлениям несовершеннолетним с учетом наблюдаемых негативных тенденций последнего времени в этой сфере должно носить постоянный и системный характер. Выбор методов предупредительного воздействия должен быть основан на положениях Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и обусловлен спецификой личности виновного [1], в том числе несовершеннолетнего дорожно-транспортного преступника и характеристиками механизма детерминации. На практике возникает достаточно проблем, снижающих эффективность такого предупредительного воздействия, среди них:

1. Несовершенство системы профилактики безопасности дорожного движения. В настоящее время количество организаций, участвующих в реализации политики безопасного дорожного движения достаточно велико. К ним относятся структурные подразделения министерств внутренних дел, здравоохранения, транспорта, образования и науки, по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, однако, ни у одного из них, за исключением ГИБДД, обеспечение безопасности дорожного движения не является главной задачей. Из этого следует, что их деятельность в данном направлении носит в некоторой степени формальный характер и редко выходит за рамки необходимого минимума (отсутствует инициативность). Взаимодействие субъектов обеспечения безопасности дорожного движения далеко от идеала, необходима эффективная координация деятельности органов власти всех уровней, профильных ведомств и хозяйствующих субъектов [2]. Более того, отсутствует эффективная ежедневная координация деятельности, распределения полномочиями и ответственности [3] в системе органов обеспечения безопасности несовершеннолетних участников дорожного движения.

2. Несовершенство проводимых профилактических мероприятий в сфере безопасности дорожного движения (как федерального, так и регионального значения), которое заключается:

- в разрозненном проведении данных мероприятий различными субъектами профилактики безопасности дорожного движения. Зачастую каждая организация, которая задействована в профилактике безопасности дорожного движения, имеет свой план проведения таких мероприятий,

иногда даже согласованный с другими субъектами профилактики, однако, на деле крайне редко такие мероприятия проводятся совместно [4]. Причиной этого зачастую бывает занятость «первоочередными делами», а также нехватка работников;

- в недостаточном материально-техническом обеспечении проводимых мероприятий. В большинстве случаев хорошую методическую поддержку имеют профилактические мероприятия мирового и федерального масштаба, а касаясь регионально уровня существуют проблемы с материальной точки зрения. Это всё оказывает существенное влияние на проведение мероприятий, на их масштабы и их результат;

- в изъянах информационного обеспечения проводимых мероприятий.

Сегодняшняя проводимая деятельность по пропаганде безопасности дорожного движения не достигает необходимых показателей в популярности. В какой-то степени данная деятельность содержит в себе признаки рекламы, которая оказывает воздействие на стиль жизни, на индивидуальное и массовое сознание, на культурно-социальные связи между индивидами, и в итоге побуждает человека к выбору определенных поступков и действий [5]. Соответственно существуют определенные критерии, соблюдение которых позволяет достичь положительного результата при рекламе чего-либо, так и при освещении и проведении мероприятий по пропаганде безопасности дорожного движения, данная деятельность должна отвечать этим критериям, однако, так далеко не всегда бывает. Это приводит к значительному уменьшению интереса к данным мероприятиям со стороны участников дорожного движения, и как следствие к снижению их эффективности.

3. Несовершенство отдельных норм российского законодательства, регулирующего данную сферу общественных отношений. Данную позицию подтверждают результаты опроса экспертов (76 % которых назвали одной из причин, способствующих совершению дорожно-транспортных преступлений несовершенство законодательства). Эти недостатки, по нашему мнению, выражаются в различных формах:

- сложная многоотраслевая и многоуровневая система законодательства;

- нестабильность данного законодательства [6] (частые и несистемные поправки и изменения закона, которые приводят к снижению эффективности деятельности субъектов правоприменения);

- невозможность надлежащего обеспечения этого законодательства;

- отсутствие согласованности элементов системы законодательства.

Зачастую проведение тех или иных процедур в соответствии с требованиями закона бывают весьма сложными и продолжительными, и поэтому они либо производятся с ошибками, либо не используются вообще. Наглядным примером служит процедура реагирования сотрудников

ГИБДД на несовершеннолетнего, незаконно управляющего транспортным средством. С позиции буквы закона данные сотрудники должны соответствующим образом оформить судьбу транспортного средства (арест, передача другому лицу и т. п.) и доставить подростка в ближайшее отделение полиции, передать его сотрудникам подразделения по делам несовершеннолетних, при этом необходимо правильно составить не малый ряд процессуальных документов. Как результат, возникают определенные трудности: во-первых, вся эта процедура занимает достаточно много времени (а если несовершеннолетнего задержали к концу смены?), во-вторых, далеко не всегда сотрудники ПДН находятся на рабочем месте (они могут быть на спецмероприятиях, а также инцидент может произойти ночью, когда сотрудник ПДН находится дома и т. п.), в-третьих, оформление необходимой документации в данном случае является более сложным, нежели в классических случаях со взрослыми, а иногда сотрудники попросту, из-за отсутствия опыта работы с такими случаями, не знают алгоритма необходимых действий.

Решение обозначенных проблем будет способствовать повышению эффективности противодействия дорожно-транспортным преступлениям несовершеннолетним.

1. Баранчикова М. В. Обеспечение безопасности дорожного движения как криминологическая проблема // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: всероссийская научно-практическая конференция. Ставрополь, 2015. С. 308–310.
2. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседании президиума Госсовета по вопросам безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Рос. Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/4/events/51506>.
3. Польшиков А. В. Проблемы взаимодействия педагогов и сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в профилактике школьного насилия (на примере Воронежской области) / Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 10. С. 159–166 с.
4. Щеголева А. Н., Новикова Е. П. Особенности виктимности несовершеннолетних и пути ее снижения // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 191.
5. Кузнецова А. С. Визуальная реклама как эффективный и инновационный способ пробуждения интереса к чтению у современной молодежи // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, 30 апреля 2015 г. Белгород, 2015. Часть VI. С. 92.
6. Баранчикова М. В. Принцип справедливости уголовной ответственности в деятельности по противодействию дорожно-транспортной преступ-

ности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2016. № 1 (66). С. 20–22.

Донченко Анастасия Игоревна,
старший следователь СГ ОМВД
по Малоархангельскому району
Мальцева Ольга Алексеевна,
заместитель начальника кафедры
специальной подготовки
Орловского юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова,
кандидат педагогических наук

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ДОПРОСЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

В настоящее время проблема повышения качества расследования преступлений является наиболее актуальной в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Для того чтобы решить эту проблему стоит повысить результативность следственных действий, а прежде всего – допроса подозреваемого с применением, прежде всего психологических методов.

Допрос подозреваемого в психологической и юридической литературе рассматривается как определенный процесс получения показаний от лица, не только обладающего информацией, но и имеющего значение для расследуемого уголовного дела. Как и любой процесс, допрос подозреваемого имеет определенную специфику, которая обусловлена наличием сведений, которые в той или иной степени дают основание полагать, что этим лицом совершено какое-либо преступление. При допросе подозреваемого следует помнить, что в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ дача показаний является не обязанностью, а его правом [1].

Эффективный и качественный допрос имеет место быть лишь там, где следователь достаточно хорошо знает психологию человека, обладает высокой культурой общения, особенно профессиональной, помимо этого следователь должен владеть некими тактико-психологическими приемами предъявления доказательств. Также особую значимость и актуальность приобретает наличие у следователя знаний психологического уровня, которые необходимы при допросе подозреваемого, ведь зачастую от данного этапа зависит определенный результат всего последующего предварительного следствия.

Ниже представлены проблемы психологического характера, с которыми сталкиваются следователи при производстве допроса:

- подозреваемый может негативно относиться к следователю, как представителю органов внутренних дел, что может быть реализовано в конфликтном характере допроса, также подозреваемый может пренебрежительным образом относиться к следователю, как к представителю правоохранительного органа, которое выражается иногда на подсознательном уровне в допрашиваемом лице.

- могут возникнуть определенные трудности в установлении психологического контакта с подозреваемым, которые связаны с рядом определенных факторов: недоверием к следственным органам, стремлением избежать или смягчить наказание, индивидуально-психологические особенностями подозреваемого (темпераментом, характером, чувствами, эмоциями, способностями к общению, волевыми качествами);

- могут возникнуть трудности в получении подлинной информации в ходе допроса, которые могут быть обусловлены с одной стороны – отрицанием вины, а с другой – предоставлением слишком подробной, часто не соответствующей действительности информации, приводящей подозреваемого к самооговору.

В литературе юридического характера предлагается ряд приемов, которые не противоречат закону, направленных на установление психологического контакта с подозреваемым и на выявление информации, которую подозреваемый пытается скрыть:

1) приемы эмоционального характера:

- побуждение к раскаянию, которое прямым образом ведет к чистосердечному признанию;

- использование фактора внезапности путем постановки неожиданных вопросов в ситуации, когда подозреваемый таких вопросов не ждет;

- использование антипатии подозреваемого к кому-либо из его соучастников;

- прием стимулирования положительных качеств допрашиваемого;

2) приемы логического характера:

- предъявление доказательств, которые опровергают показания подозреваемого;

- предъявление доказательств, которые требуют от подозреваемого некой детализации показаний;

- анализ противоречий, имеющих в показаниях подозреваемого;

3) приемы тактического характера:

- создание искаженного представления об осведомленности следователя, выражающееся в уверенном тоне, умении выдержать паузу в разговоре, которая выражает сомнение о достоверности сказанного подозреваемым и прочее;

- преследующие цель сокрытия от подозреваемого осведомленности следователя об обстоятельствах дела;

- использование «слабых мест» подозреваемого, например, низкой или высокой самооценки, либо повышение уровня тревожности, низкого интеллектуального уровня и прочее;
- постановка вопросов, имеющих второстепенное значение, но ответы на которые требуют сообщения интересующих следователя сведений;
- повторная постановка вопросов в другом контексте с целью выявления противоречий в показаниях;
- направленные на создание ситуации, при которой подозреваемый указывает обстоятельства, известные только лицу, причастному к преступлению;
- прием предъявления подозреваемому изобличающих доказательств [2].

Помимо вышесказанного, необходимо отметить, что некая бесконфликтность определенной ситуации не дает гарантии подлинности показаний подозреваемого, ведь он может добросовестно заблуждаться или неверным способом понимать сущность тех или иных событий, более того - подозреваемый, признавая свою вину, может подсознательно стремиться к ее преуменьшению. Таким образом, мы видим, что подготовка к допросу даже в бесконфликтной ситуации должна включать определенные элементы знания психологии человека, а именно – подозреваемого, а также стоит обладать умением прогнозировать определенные ошибки. Завышенная самооценка подозреваемого, не критичность к себе и прочие факторы позволяют предугадать его стремление к смягчению своей вины.

Очень часто на практике бесконфликтность допроса подозреваемого возникает в том случае, если допрашиваемое лицо оговориться. Вероятность самооговора значительно повышается, если подозреваемый имеет специфику неумения отстаивать свою позицию, обладает податливостью, внушаемостью, недостаточную выносливость к психическому воздействию, в силу своих индивидуально-психологических особенностей.

Существуют различные факторы самооговора, наиболее распространенным является некое стремление избавиться от наказания виновное лицо, в силу испытываемых к нему чувств, либо же самооговор бывает обусловлен определенными групповыми интересами, например, угрозами и неким воздействием заинтересованных в этом лиц.

Ложное признание вины подозреваемого, которое в принципе допускается, может быть продиктовано его стремлением уклониться от определенной ответственности за более тяжкое преступление.

Именно этим путем подозреваемый рассчитывает «усыпить» бдительность следователя, определенным способом создать себе алиби, доказать наличие смягчающих или исключаящих его ответственность доказательств и т. д.

Лишь в ходе проведения всех необходимых следственных действий вымысел достаточно легко опровергается. К разоблачению лжи ведет по-

следующая проверка места, времени и способа совершения вымышленного преступления.

Все эффективные, доступные и главное – допустимые психологические приемы определенного воздействия следователя на подозреваемого перечислить невозможно, ведь их достаточно много. Важно отметить лишь то, что следователь не должен прибегать к запугиванию, необоснованным обещаниям, унижать подозреваемого и прочее.

-
1. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2016.
 2. Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2015.

Ковряков Евгений Юрьевич,
курсант 4 курса факультета подготовки
специалистов ГИБДД Орловского
юридического института МВД
России имени В. В. Лукьянова;
Кузнецова Ирина Ивановна,
преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и психологии Орловского
юридического института МВД России
имени В. В. Лукьянова

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ВЫБОР ВОДИТЕЛЕМ СТИЛЯ АГРЕССИВНОГО ВОЖДЕНИЯ

Актуальность проблемы безопасности на дорогах имеет большое значение, так как эта проблема касается здоровья и жизни многих тысяч людей. При этом на сегодняшний день существенная часть исследований посвящена изучению психологических факторов, которые отрицательно сказываются на вождении, а также личностных особенностей и индивидуально-психологических свойств водителей, которые влияют на качество и стиль управления транспортным средством.

Цель данной статьи на основе имеющихся научных данных выделить личностные качества и свойства водителей, определяющие выбор ими опасного или агрессивного стиля вождения.

Необходимо отметить, что в России 30.05.2016 Правительством Российской Федерации принято постановление № 477 «О внесении изменения в Правила дорожного движения», в нем впервые было введено понятие «опасное» вождение. Так, в п. 2.7 говорится о том, что «опасное» вождение

проявляется в неоднократном совершении одного или нескольких следующих друг за другом действий, заключающихся:

1. В невыполнении требования уступить дорогу другому транспортному средству при перестроении;
2. В перестроении при интенсивном движении;
3. В несоблюдении дистанции и бокового интервала;
4. В резком торможении;
5. В препятствовании обгону.

Таким образом, «опасным» признаются только многократные нарушения, но учитываются как нарушения одного вида, так и различных видов, причем нарушения должны совершаться в относительно непродолжительный, т. е. краткосрочный промежуток времени. «Опасное» вождение представляет угрозу для других людей тем, что остальные участники дорожного движения не имеют возможности предугадать дальнейшие действия водителя, в результате чего в разы повышается вероятность возникновения аварийной ситуации.

Агрессивность как черта личности является устойчивым явлением, следовательно, агрессивный стиль устойчиво проявляется в поведении водителя.

Так как, по мнению Р. Бэрона и Д. Ричардсона, сейчас большинство ученых принимают такое определение агрессии: «агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения», то агрессивное вождение наносит физический вред участникам движения и причиняет моральный ущерб [1].

Другими словами, понятие «агрессивного» вождения несколько шире, чем понятие «опасного» вождения, так как к «опасному вождению», исходя из принятого 8 июня 2016 года постановления, нельзя отнести, например, такие действия водителя, как:

1. Преследование кого-либо из участников движения;
2. Излишнее, беспричинное использование сигнальных средств;
3. Оказание осознанного давления на других участников дорожного движения с целью изменения ими скоростного режима, либо направления движения и т. д.;
4. Невербальное или вербальное выражение оскорблений, либо угроз;
5. Физическое (с использованием материальных предметов, орудий) влияние на участников движения;
6. Создание помех для участников движения.

В результате различных социологических опросов субъектами агрессивного вождения, как правило, являются мужчины в возрасте от 18 до 30 лет, преимущественно неженатые, со стажем вождения до 5 лет, с высоким и средним уровнем доходов [2].

Предлагая свою классификацию факторов, детерминирующих опасный стиль управления транспортным средством, В. Е. Петров выделяет в группе социально-психологических факторов следующие:

- общественное мнение в отношении границ правомерного поведения за рулём, порицание или одобрение водительских девиаций (отношение общества или отдельных, в первую очередь, референтных водителю, социальных групп к оценке опасности управления транспортным средством);

- демонстрация социально-ожидаемого поведения за рулем (например, поступки «на слабо», бравада умениями и навыками «ловкого» вождения, street-raising, игра, мода на агрессивный стиль вождения и т. п.).

В группе факторов, связанных с индивидуально-психологическими особенностями личности водителя В. Е. Петров отмечает агрессивность, склонность к риску, стремление к самоутверждению. Также автор отмечает взаимосвязь агрессивного вождения и состояния алкогольного или наркотического опьянения, аутодеструктивного поведения. Кроме того, отмечается и управление транспортным средством психически больным человеком [1].

Анализ психологии водителей, которые практикуют опасный стиль управления транспортным средством показывает, что опасный стиль в данном случае – это желание самоутвердиться, повысить самооценку при общей незрелости личности, дефекты которой в юношеском возрасте как раз проявляются завышенной самооценкой, потребностью выделиться и самоутвердиться любыми способами. Анализ новостных сюжетов, материалов имеющихся в интернет-ресурсах показывает, что в большинстве случаев агрессивное вождение демонстрируют молодые люди с достаточно высоким уровнем материального обеспечения, владельцы дорогих и мощных спортивных автомобилей, которые, практикуя опасную езду либо игнорируя правила дорожного движения либо сознательно и демонстративно их нарушая [3].

Важным в современных условиях является пропаганда безопасности дорожного движения, реализуемая как интерактивная форма обучения [4] в образовательных учреждениях, целью которой выступает профилактика агрессивного вождения среди подростков.

1. Петров В. Е. Психологический анализ проблемы опасного стиля управления транспортным средством [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 8. Р. 556–558. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/08/70377> (дата обращения: 09.09.2017).

2. Казаченок В. В. Агрессивное вождение как фактор, влияющий на безопасность дорожного движения // Вестник НЦ БЖД. 2016. № 1 (27). С. 40–45.

3. Баранчикова М. В., Кузнецова И. И. Виктимологическая профилактика нарушений правил дорожного движения: монография. Орёл: ОрЮОИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. 80 с.
4. Баранчикова М. В., Кузнецова И. И. Пропаганда безопасности дорожного движения как интерактивная форма обучения в преподавании уголовно-правовых и психологических дисциплин // Значение уголовного закона для подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие преступности: сборник научных статей по итогам межвузовского научно-методического семинара / редкол.: Н. Г. Кадников, И. М. Мацкевич. М., 2017. С. 154–158.

Козлова Анастасия Александровна,
курсант Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя;
Иванова Юлия Александровна,
доцент кафедры гражданского
и трудового права, гражданского
процесса

СПОСОБЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ РУБКОЙ ЛЕСОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Как известно, 5 января 2017 г. Владимир Путин подписал указ «О проведении Года экологии в России» с целью привлечения внимания граждан к основным проблемам, существующим в экологической сфере. Именно поэтому хотелось бы сегодня поговорить непосредственно об экологических преступлениях.

Одним из основных природных богатств в Российской Федерации является лес, который занимает 779 млн га. И 25 процентов древесных запасов мира также принадлежит нашей стране. Лес имеет большое экологическое значение, так как он участвует в формировании климата нашей планеты, является средой обитания для многих представителей животного и растительного мира, защищает почву от процессов эрозии, деревья защищают воздух от ядовитых газов, копоти и других загрязнений, выступают источником возобновляемых сырьевых и энергетических ресурсов [1]. Однако с каждым днём площади лесов сокращаются и прежде всего это связано с совершением большого количества экологических преступлений в лесной отрасли, ответственность за которые предусмотрена УК РФ. Именно поэтому охрана окружающей среды от преступных посягательств и предупреждение экологических преступлений входят в число основных задач УК РФ, который призван обеспечивать конституционное право каж-

дого на благоприятную окружающую среду и конституционную гарантию охраны природных ресурсов как основы жизни и деятельности людей.

В настоящее время проблема предотвращения экологических преступлений становится все актуальнее. Особая роль при этом отводится правоохранительным органам. Основным средством борьбы с преступностью остается осуществление уголовного преследования в отношении лиц, совершивших преступление, но, несмотря на это, предупреждение преступлений также остается одним из ключевых направлений деятельности ОВД.

Ежегодно увеличивается количество преступлений в сфере лесного хозяйства, они продолжают приобретать массовый характер. На мой взгляд, самой острой проблемой в лесном секторе является незаконная рубка лесов, которая причиняет большой вред экономике страны и представляет собой огромную угрозу для развития и сохранения лесного хозяйства. Ущерб, который причиняется незаконными вырубками, исчисляется миллионами. Но помимо проблем экономического характера, наносится большой вред экологической системе. Ведь лес, вырубленный таким способом, практически невозможно восстановить. Потребуется большое количество времени для восстановления и финансовых вложения для проведения восстановительных работ.

Таким образом, можно сказать, что преступления в сфере лесного хозяйства представляют собой угрозу для экономической и экологической безопасности России, поэтому необходимо вести разработку более эффективных мер, направленных на предупреждение совершения новых преступлений.

Предупреждение преступлений, связанных с незаконной рубкой лесов, следует осуществлять на трех уровнях: специальном, общесоциальном и индивидуальном.

Для того чтобы более подробно изучить данное преступление необходимо понять что представляет собой незаконная рубка.

Изначально определение незаконной рубки было дано в Постановлении Пленума Верховного суда от 5 ноября 1998 года, но с принятием в 2007 нового лесного кодекса прежнее определение перестало действовать, образовался пробел в законодательстве, которым пользовались «юридически подкованные» рубщики и уходили от ответственности, но с принятием нового постановления в 2012 году данный пробел был восполнен.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда под рубкой лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников и лиан применительно к статье 260 УК РФ следует понимать их спиливание, срубание или срезание, то есть отделение различным способом ствола дерева, стебля кустарника и лианы от корня.

Общесоциальное предупреждение – это совокупность мер социального, политического, культурного и иного характера, направленных на

улучшение качества жизни людей и повышения стабильности экономической систем [2].

На наш взгляд, основной причиной процветания незаконных рубок лесов является, прежде всего, бедность русского народа в отдаленных поселках и деревнях, где у людей низкие заработные платы, постоянная нехватка денежных средств и безработица. Население занимается лишь сельским хозяйством и на вырученные средства пытается обеспечить нормальную жизнедеятельность. В связи с этим приходится искать еще какой-либо дополнительный источник дохода, и одним из этих источников является рубка лесов. Данную картину я наблюдала самостоятельно в республике Хакасия, где в отдаленных населенных пунктах отсутствуют рабочие места, не развиты транспортные сети и инфраструктура, люди занимаются тем, что разводят коров и овец, продукцию поставляют на рынок, но их доход не соответствует уровню среднего прожиточного минимума в России.

Общесоциальное предупреждение направлено на выработку и проведение реформ, призванных повысить уровень жизни населения, создание новых рабочих мест, повышение заработной платы. Конечно же данные меры не будут оказывать прямого воздействия на предупреждение преступлений в сфере незаконных рубок, но все же есть основания полагать, что их будет меньше, если общество будет более развито и качество жизни населения будет выше.

Мер общесоциального предупреждения будет не достаточно, поэтому необходимо еще принимать и специальные.

Специальное предупреждение – комплекс мер, направленных на выявление и устранение причин преступности, а также способствующих ей условий.

К их числу необходимо, прежде всего, отнести совершенствование природоохранного и природно-ресурсного законодательства. В этом направлении проводится большая законодательная работа, предпринимаются меры по консолидации усилий законодательной и исполнительной власти, общественных объединений. В настоящее время в Государственную Думу внесен законопроект № 192442. Действующая мера наказания за незаконную вырубку и заготовку лесного массива предусматривается до 6 лет лишения свободы. Предложено увеличить срок лишения свободы до 10 лет и с лишением права занимать руководящие должности, имеющие отношение к сфере лесозаготовки на такой же срок или без такового.

Важнейшим условием предупреждения следует считать неотвратимость ответственности, так как чувство безнаказанности будет порождать совершение новых преступлений, и наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть соразмерно совершенному деянию.

Существует мнение, что суд старается вынести более строгое наказание, чтобы предотвратить или противодействовать данным преступлени-

ям. Как мне кажется это не совсем так. Нами был проведён анализ ряда уголовных дел за 2015–2016 годы, связанных с незаконной рубкой лесов, и практически в каждом деле суд приговаривает виновного к условному сроку лишения свободы либо накладывает штраф. Справедливы ли данные меры и могут ли они оказывать предупредительное воздействие?

Д. Е. Бахарев, О. А. Бахарева, С. М. Вишняков также произвели незаконную рубку лесных насаждений с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере, организованной группой, причинив ущерб на сумму 1 132 268 рублей. Гражданин Вишняков С. М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 Уголовного кодекса РФ и ему назначено наказание в виде двух лет лишения свободы условно с испытательным сроком два года, с лишением права занимать должности на государственной и муниципальной службе связанной с лесным фондом. Гражданка Бахарева и гражданин Бахарев признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 Уголовного кодекса РФ и им назначено наказание в виде двух лет лишения свободы условно с испытательным сроком два года без лишения права занимать должности на государственной и муниципальной службе, связанной с лесным фондом и без штрафа [3].

Следующей мерой специального характера является пропаганда законодательства, которая заключается в разъяснении гражданам норм действующего уголовного закона касательно ответственности за совершенное преступление, а также доведение информации с помощью СМИ о наиболее резонансных делах [4].

Разъяснительная работа в области охраны окружающей среды должна быть подчинена следующим основным целям:

1. Предостережение морально неустойчивых лиц от совершения преступлений и правонарушений экологической направленности;
2. Воспитательное воздействие на лиц, склонных к совершению преступлений и правонарушений экологической направленности;
3. Мобилизация общественности на противодействие преступлениям и правонарушениям экологической направленности, создание обстановки нетерпимости к правонарушителям.

Важнейшим направлением предупреждения незаконных рубок в настоящее время является дистанционный мониторинг, который позволяет в комплексе с другими мерами сдерживать рост незаконных рубок лесов, ответственность за которые предусмотрено ст. 260 УК РФ.

Так, на Дальнем Востоке по инициативе Всемирного фонда дикой природы начала активно внедряться передовая система космического мониторинга «КЕДР», которая позволяет выявить незаконные рубки в кедрово-широколиственных лесах. Первое тестирование еще состоялось в августе-сентябре 2015 года в полевых условиях в Приморском и Хабаровском крае. Суть работы заключается в фотографировании лесного массива из

космоса и постоянного обновления фотоархива. Затем фотографии накладываются друг на друга, и программа определяет расхождения. И если была произведена незаконная вырубка, то тогда на место преступления выезжает мобильная группа. Также данная система позволяет обнаружить не только массовое уничтожение лесов, но и небольшую выборочную рубку, даже исчезновение одного дерева.

За 3 месяца с помощью системы дистанционного мониторинга кедр была обнаружена 21 незаконная вырубка леса. Ущерб от уничтожения леса составил 500 млн рублей [5].

Также в целях оказания предупредительного воздействия на нарушителей следует создать в субъектах РФ специализированный орган, деятельность которого будет направлена на борьбу с незаконными рубками лесных насаждений. Это будет своеобразная лесная полиция, которая должна быть оснащена специальными техническими средствами (бинокли, приборы ночного видения, микрофоны, транспорт).

Таким образом, в борьбе с экологической преступностью важно постоянно помнить, что она создает реальную угрозу самим биологическим основам жизни, здоровья и развития человека. В связи с этим необходимо усилить воздействие на нее правоохранительной системы. Правоохранительные органы играют значительную роль в борьбе с экологическими преступлениями, они вырабатывают целый комплекс мер, направленных на предупреждение и пресечение преступлений в сфере лесного хозяйства, занимаются проведением профилактических работ. Большую роль в повышении профилактического воздействия на экологические правонарушения могло бы сыграть усиление координации и взаимодействия всех правоохранительных и контролирующих органов в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

-
1. Качина Н. В., Мирончик А. С. Незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ): ошибки применения и пути их преодоления, 2015.
 2. Калашников О. Д., Меркулов Д. А. Криминология в схемах и определениях. Нижний Новгород, 2013. С. 118.
 3. Решение № 2-739/2016 от 23 ноября 2016 г. по делу № 2-739/2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc>.
 4. Устинов В. С. Система предупредительного воздействия на преступность и уголовно-правовая профилактика. М., 1983. С. 54.
 5. Система мониторинга лесов «КЕДР» получила поддержку в Рослесхозе [Электронный ресурс]. URL: <https://new.www.wwf.ru> (дата обращения: 27.09.2017).

Корень Алена Игоревна,
курсант 339 учебного взвода
Института психологии служебной
деятельности органов внутренних дел

Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя;
Печенкова Елена Анатольевна,
преподаватель кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии
служебной деятельности
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат психологических наук

ПРОБЛЕМАТИКА ЭТНИЧЕСКОГО ПРОФАЙЛИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Проблема стремительного распространения расизма и ксенофобии в российском обществе в последние годы привлекает все большее внимание специалистов разного круга: представителей правозащитного сообщества, ученых, политиков, государственных служащих к поиску путей ее решения. В контексте обсуждения этой проблематики в последнее время все чаще стал упоминаться относительно новый для России термин «этнический профайлинг», известный также как «этнически избирательный подход». Не вдаваясь в этимологии данного слова, отметим, что в рамках этой статьи мы будем понимать под профайлингом «практику полиции, согласно которой определен набор характеристик (профилей) используется для поиска и задержания лица, совершившего преступление (криминальный профайлинг), или для выявления лиц, которые достоверно имеют отношение к преступной деятельности (поведенческий профайлинг)» [8, с. 8]. Уголовный и поведенческий профайлинг являются допустимыми и законными инструментами, которые позволяют наиболее эффективным способом распределять ограниченные ресурсы правоохранительных органов [8, с. 8].

Таким образом, под профайлингом понимается абсолютно приемлемая и вполне законная форма работы полиции, направленная на эффективную борьбу с преступностью и обеспечения общественного порядка. В связи с этим, позиция ряда авторов, рассматривающих профайлинг как априори незаконную практику, является, по нашему мнению, не совсем верной. До тех пор, пока полиция использует в своей работе профили, основанные на информации об индивиде, или факторы, которые являются объективными и статистически обоснованными в качестве существенных индикаторов преступной деятельности, профайлинг законно [2; 8, с. 8].

Профайлинг, основанный на какой-либо отдельной платформе, может вызвать вполне обоснованные скрытые опасения. В широком смысле было бы достаточно неразумно делать вывод о том, что профайлинг как таковой является нежелательным и слишком дискриминационным, в част-

ности профайлинг в аэропортах, имеющий в целом включать определенный учет критериев, основанных на установленном стереотипе поведения правонарушителей. Надлежащий процесс профайлинга должен осуществляться на основании статистически установленных показателей преступности, которые определяются по системе группирования достоверных факторов [9].

Совсем иначе обстоит дело в ситуации этнического профайлинга. В самом широком смысле под этническим профайлингом понимается любое действие, совершенное представителем власти в отношении лица или группы лиц с целью обеспечения безопасности или общественного порядка, основанная на ее фактическом или воображаемом членстве в группе, определенной по расовому признаку, цвету кожи, этническим или национальным происхождением, или религией без фактических оснований или обоснованного подозрения, что привело к неравному обращению с этим лицом или группой [7, с. 13].

В своей 11-й общеполитической рекомендации Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРН) определяет расовый (этнический) профайлинг как использование правоохранными органами, без объективных и разумных оснований, таких признаков как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство, национальное или этническое происхождение при контроле, слежении или проведении расследования [4, с. 4].

Фактически, этнический профайлинг базируется на предположении о наличии связи между склонностью к совершению правонарушений и этническим происхождением. Указанный подход описывает практику использования работниками правоохранных органов обобщений, основанных на национальности, этническом происхождении, религии, а не на объективных поведенческих условиях, в качестве оснований для подозрения в причастности к преступной деятельности.

На практике этнический профайлинг проявляется в более придирчивой виду сотрудников правоохранных органов к лицам, которые отличаются своей внешностью от представителей так называемой «титульной» нации, более частой проверке документов, уличных обзорах, задержаны и доставлены в подразделения полиции без достаточных на то оснований.

В связи с вышеизложенным, уместно будет вспомнить, что любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанные на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, целью или следствием которых является уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни понимается как расовая дискриминация соответствии с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации

По нашему мнению, определение прямой расовой дискриминации приводится и в 7-й общеполитической рекомендации ЕКРН в соответствии с которым термин «прямая расовая дискриминация» означает любое неодинаковое поведение на таких основаниях, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство, национальное или этническое происхождение, не имеет объективного и разумного оправдания. После террористических атак 11 сентября 2001 в США практика использования этнического профайлинга резко увеличилось. Многочисленные проверки документов у мусульман, обыски в их домах, массовые рейды в места их компактного проживания стали довольно распространенной практикой как в США, так и в странах Европейского союза [8, с. 9].

Следует отличать этнический профайлинг от сбора этнических данных. Хотя эти понятия и могут быть очень связаны. Так, например, статистические данные миграционной службы о странах происхождения и этнической принадлежности нелегальных мигрантов могут быть использованы полицией для уделения большего внимания именно указанным категориям лиц при проверке документов и уличных обысках.

С другой стороны, некорректное использование этнических данных не должен ставить под сомнение сам факт необходимости сбора такой информации. Так, ЕКРН в своей 1-й общеполитической рекомендации отмечает: «исходя из того, что без качественной базы данных трудно разрабатывать и эффективно осуществлять политику в вышеупомянутых сферах (в сферах противодействия расизму и нетерпимости), согласно европейским законам, нормам и рекомендациями по защите баз данных и права на частную жизнь собрать, если это необходимо, данные, которые позволят оценить положение и опыт групп, находящихся в особо критическом положении» [6, с. 6].

По мнению экспертов ЕКРН, сбор этнических данных является важным инструментом для определения адекватной политики борьбы с расизмом и расовой дискриминацией, и для обеспечения равных возможностей. Такие данные могут предоставить базовую информацию о ситуации с меньшинствами, быть использованы при формировании социальной политики, а затем помочь осуществить оценку ее эффективности. Сбор этнических данных помогает осуществлять мониторинг дискриминации и использования антидискриминационных мер, которые реализуют правительство. Это также помогает оценивать эффективность указанных мер для своевременного обеспечения необходимых изменений и дополнений [9, с. 3].

Следует также отметить, что существование этнического профайлинга во многих случаях обусловлено и исполнением полицией функций по борьбе с нелегальной миграцией. В данном случае остановка и проверка документов у лиц, за своей внешностью отличаются от «обычного» является самым простым способом убедиться в законности их пребывания в

России. Незаконность проверки документов в этой ситуации обусловлена не только ее избирательностью, которая может рассматриваться в качестве дискриминационной практики, но и тем фактом, что проверять документы полиция может только при наличии подозрения в совершении правонарушения.

Для эффективного противодействия этнической профайлинга в деятельности органов внутренних дел России необходимо принять целый ряд мер, как общего, так и специального характера. По общим представлениям: этнический (расовый) профайлинг – это разновидность дискриминации, а следовательно, меры должны быть направлены на преодоление дискриминации и расизма [1].

Что же касается специальных мероприятий по противодействию этнической профайлинга, то, во-первых, эта проблема требует глубокого изучения с привлечением специалистов различных отраслей науки. Кроме того, при разработке соответствующих мероприятий необходимо учитывать и зарубежный опыт в этой сфере.

Таким образом, хотим отметить рекомендации, которые предоставляются ЕКРП государствам-участникам Совета Европы относительно использования оперативных ориентировок, указывающих на расовую принадлежность (*racial profiling*):

- четко определить и запретить законодательным путем использования оперативных ориентировок, указывающих на расовую принадлежность;

- проводить исследования в области использования оперативных ориентировок, указывающих на расовую принадлежность, осуществлять контроль за деятельностью правоохранительных органов для выявления подобного рода практики, включая сбор данных, классифицированных по таким признакам как национальное или этническое происхождение, язык, религия и гражданство в соответствующей деятельности правоохранительных органов;

- ввести разумные нормы относительно подозрений, на основании которых полномочия, связанные с контролем, слежкой или проведением расследований могут осуществляться только на основе таких подозрений, которые определяются объективными критериями;

- обеспечивать подготовку сотрудников правоохранительных органов по вопросам использования оперативных ориентировок, указывающих на расовую принадлежность, а также в области использования нормы о разумных подозрениях;

- принимать меры с тем, чтобы сотрудники полиции осознавали, что акты расовой дискриминации и неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов на почве расизму будут терпимы;

- обеспечивать эффективное расследование заявлений о расовой дискриминации или неправомерных действиях полиции на почве расизма, а

также обеспечивать должным образом соответствующее наказание лиц, совершивших такие деяния.

1. Бикеева Е. С. Понятие расового профилирования и проблемы его использования в правоохранительной деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2011. № 40 (257). С. 42–43.
2. Костина Л. Н. Визуальная психодиагностика как метод познания и предварительной оценки личности в профессиональной деятельности психолога // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 195–196.
3. Николаева Ю. В., Эриашвили Н. Д., Цветков В. Л. Профайлинг. технологии предотвращения противоправных действий. М.: Юнити-Дана, 2015.
4. Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью. Общеполитическая рекомендация № 11: О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов: принята 29 июня 2007 г. Страсбург, 4 октября 2007 года.
5. Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью. Общеполитическая рекомендация № 7: О национальном законодательстве по борьбе с расизмом и расовой дискриминацией: принята 13 декабря 2002 г. Страсбург, 17 февраля 2003 года.
6. Европейская комиссия против расизма и нетерпимости. Общеполитической рекомендация № 1: Борьба с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и нетерпимостью. Страсбург, 4 октября 1996 года.
7. Туренн Мишель. Расовое профилирование: контекст и определения. Документ, принятый на 505-м заседании Комиссии, состоявшемся 10 июня 2005 года в соответствии с резолюцией Com-504-5.1.4.
8. Этническое профилирование в Европейском Союзе: всепроникающее, неэффективное и дискриминирующее. Нью-Йорк: Институт «Открытое общество», 2009.
9. Patrick Simon. "Ethnic" statistics and data protection in the Council of Europe countries: study report. Strasbourg, 2007.

Лазарев Александр Сергеевич,
курсант 401 учебной группы факультета
подготовки следователей Орловского
юридического института МВД России
имени В. В. Лукьянова;

Пимакова Ольга Геннадьевна,
преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и психологии Орловского
юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова,
кандидат юридических наук

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХАЛАТНОСТИ

Криминологические аспекты халатности являются достаточно актуальной темой для изучения в настоящее время. Ввиду того, что предметом изучения криминологии является деятельность конкретного индивидуума, то важным является изучение в этом аспекте преступлений, состав которых охватывается халатностью. Кроме того, значимость данного исследования заключается в том, что этот вопрос недостаточно проработан криминологической или уголовно-правовой наукой, тогда как такие исследования необходимы, потому что на их основе возможно выделение особенностей, прогнозов и тенденций развития халатности, а также предотвращения их совершений. Данная научная статья анализирует доктрину права, отечественное законодательство и судебную практику для составления полной картины криминологического состояния халатности на сей день.

Криминологические аспекты халатности составляют важную часть изучения и прогнозирования преступлений в данной области. Криминология дает возможность действительное состояние преступности, уяснить те процессы и явления, которые в ней действительно происходят. Преступление, предусмотренное ст. 293 УК РФ, совершается с неосторожной формой вины, поэтому, ему характерны именно криминологические признаки неосторожных преступлений.

С другой стороны, халатность совершается должностным лицом, таким образом, ему присущи криминологические черты «беловоротничковой» преступности, анализ которой очень важен в современном обществе и экономической обстановке.

По нравственно-психологическим признакам лиц, совершающих преступление, предусмотренное ст. 293 УК РФ можно подразделить на следующие типы:

1. Должностные лица. Данный тип характеризуется высокими деловыми качествами, в качестве мотивации преступного поведения выступает искаженное понятие интереса службы;

2. Лица, совершающие халатность пытаются создать или укрепить личный авторитет, поэтому своим поведением они способствуют созданию условий, вследствие которых наступают общественно опасные последствия. Главной целью здесь выступает продвижение по карьерной лестнице;

3. Лица с отсутствием навыков достаточной квалификации. Вследствие чего он не может на высоком уровне организовать работу, побороть возникающие трудности и поэтому идет на правонарушения;

4. Должностные лица, которые изначально выражают самоуверенность и приступают к выполнению служебных обязанностей, при этом необходимая компетенция у них отсутствует.

Характер любой криминологической структуры обусловлен формами пространственно-временных связей или взаимодействий между элементами системы. При этом система не может состоять из элементов, лишенных индивидуальности. Структура чаще всего рассматривается как упорядочение элементов системы, результат процесса организации.

Следовательно, под структурой понимают строение системы, при помощи которой выполняется функционирование. Лишняя структурированность является важнейшей чертой криминологического подхода к халатности.

В то же время свойства системы невозможно постичь лишь на основании свойств ее частей. Как писал Блез Паскаль, «... познать части без знания целого так же невозможно, как познать целое без знания его частей» [1].

Следует отметить, что структура постоянно меняется, усложняется, появляются новые связи, меняется пространственное расположение. При нарушении, связи уменьшаются или исчезают, свойства элементов нарушаются, единство системы снижается.

Следующим аспектом халатности в криминологическом понимании является саморегуляция, которая обеспечивает функционирование механизмов включения в сложившуюся систему. Это своего рода фильтры, подчиняющиеся своим правилам. Система не пускает в себя «инородные тела», поэтому новому элементу необходимо будет либо приспособиться к системе и начать существовать по ее правилам, либо система его отторгнет. Таким образом, у структурных элементов идет процесс адаптации к системе.

Способность системы к самовоспроизводству и самосохранению – это признаки, заключающиеся в воссоздании структур и связей между ними; постоянный процесс поддержания равновесия системы с окружающей средой. Эти свойства системы являются базовыми, так как без них она прекратила бы свое существование. Особо следует отметить, что система располагает именно внутренними ресурсами, позволяющими воспроизводить себя» [2].

Отдельно хотелось бы остановиться на обратных связях, которые проявляются в специфической реакции при воздействии на элементы системы. Как уже отмечалось, любая система обладает признаком целостности и состоит не из простой суммы не связанных между собой элементов, а из совокупности взаимодействующих между собой подсистем. Они зависят друг от друга, и если одна из таких составляющих подвергается воздействию, то и всем остальным, как по цепи сообщающихся сосудов, передается такое воздействие. Таким образом, составные части системы существуют не сами по себе, а характеризуются наличием обратных связей» [3].

Одним из условий, предъявляемых к системе – это наличие большой системы, объемлющей данную. По отношению к криминальной сфере системой признается общество в целом. Таким образом, не может вызывать затруднение и то, что криминальная сфера в целом, равно как и отдельные ее элементы взаимосвязаны между собой.

Таким образом, обоснование системного характера криминальной сферы халатности строится:

- на признании ее в качестве специфической подсистемы общества, как элемента более общей системы – общества в целом;
- на определенной целостности криминальной сферы, отдельных ее элементах, выделяемых на основе единого критерия качества;
- на выделении конкретных элементов (подструктур) криминальной сферы, находящихся между собой во взаимосвязи, взаимообусловленности, которые и задают новые качественные характеристики всей системе в целом, отличающие ее от отдельных элементов.

Системная сущность криминосферы означает и то, что она сама является системой, способной влиять на общество, обеспечивать свое воспроизводство.

В зависимости от того, в какой мере они поддаются целенаправленным воздействиям, системы делятся на управляемые и неуправляемые. В контексте сказанного криминальную сферу условно можно рассматривать как в какой-то степени управляемую систему, а государство – как управляющую, что отнюдь не означает того, что криминальную сферу можно поставить под полный контроль. Это иллюзия, что достаточно обосновать то или иное явления с точки зрения системного подхода – и вопрос с управлением и подконтрольностью такого явления будет решен. Как справедливо отмечает В. В. Макаров, «если бы это было возможно, то этот вопрос, скорее всего, был бы уже решен» [4]. Мы полностью разделяем вышеприведенное суждение о невозможности в полной мере управлять системой «преступность» (что, на наш взгляд, в полной мере применимо к системе «криминальная сфера»). Однако и недооценивать современные методы также не стоит. Автор придерживается той точки зрения, в соответствии с которой криминальная сфера, как сложная изменяющаяся система, бывает, управляема в той степени, в какой общество станет оказы-

вать влияние на себя, т. е. на состояние комплекса социально-экономических факторов, образующих причинный комплекс криминальной сферы. С позиций общей теории управления здесь нет ничего невозможного, и в контексте сказанного речь может идти не о том, нужно или нет оказывать управляющее воздействие на криминальную сферу общества, а лишь о том, чтобы делать это наиболее эффективно.

Халатность, как продукт ненужного администрирования, в частности является формированием самого государства. Любое государство получает надлежащие меры в пределах своих возможностей и в соответствии с основополагающими принципами внутреннего законодательства для содействия активному участию отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора для искоренения халатности, таких как гражданское общество.

Активации такого участия способствуют усиление прозрачности и содействие вовлечению населения в процессы принятия управленческих решений, обеспечение для населения эффективного доступа к управленческой информации, проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении халатности, а также осуществление программ публичного образования, включая учебные программы в школах и высших учебных заведениях [5];

Взаимодействие государства с гражданским обществом в целях уменьшения халатного отношения должно быть направлено: на преодоление сознания халатности и поведения (действий и бездействия) граждан, государственных и муниципальных служащих; своевременное выявление халатных практик и доведение информации о них до правоохранительных органов; борьбу с халатными проявлениями в нормативных правовых актах.

К числу основных принципов взаимодействия государственных и общественных институтов следует отнести системность, объективность, беспристрастность, ответственность, безопасность и сотрудничество. Названные принципы необходимо реализовать на разных уровнях управления (федеральном, региональном, муниципальном, локальном) и распространить на всех участников взаимодействия государства с гражданским обществом в сфере противодействия халатности[6]:

а) структуры государственной и муниципальной власти, обеспечивающие реализацию выработанных на государственном уровне мер противодействия халатности.

б) средства массовой информации, играющие важную роль в правовом воспитании граждан, в формировании антихалатного сознания. Они призваны получать и распространять информацию о фактах коррупционности во всех сферах общественной жизни, осуществляя тем самым контроль за деятельностью органов публичной власти. Разумеется, чтобы эффективно выполнять указанные функции, обеспечивать широкое обсуждение различных социальных проблем, средства массовой информации

должны быть независимыми и неподконтрольными органам государственной власти;

с) общественные организации (ассоциации, объединения, фонды, союзы), которые во взаимодействии с органами государственной власти могут осуществлять разработку и реализацию программ против халатности, обеспечивать общественный контроль за разработкой законопроектов, проводить совместные мероприятия, направленные на выработку рекомендаций по борьбе с халатностью [7].

Важным показателем взаимодействия государства и гражданского общества в сфере противостояния халатности является включение представителей общественности в те или иные советы предотвращения халатной деятельности, комиссии, функционирующие в органах государственной власти.

Актуальным направлением предупреждения выступает исследование халатности применительно к разным сферам правоохранительной [8] и иных видов деятельности государственных органов.

В заключение хотелось бы отметить, что изучение халатности именно в криминологическом аспекте и выявление конкретных тенденций развития преступлений в данной сфере и прогнозов очень важны в смысле предотвращения и борьбы с халатностью. Данная научная статья предоставила ряд мер, выявленных на основе криминологического анализа, которые способствуют искоренению преступлений в данной сфере.

-
1. Блез Паскаль Б. Мысли. Малые сочинения. Письма. М.: АСТ, Пушкинская библиотека, 2003. С. 536.
 2. Нагаева А. И. Возможности и пределы использования системного подхода в криминологических исследованиях // Наука и современность. 2015. № 36. С. 266–270.
 3. Спектор Е. И., Севальнев В. В., Матулис С. Н. Запреты и ограничения в праве, и коррупция // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 158–167.
 4. Макаров В. В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 45.
 5. Якупов А. Г., Муратова Н. Г. Представительство несовершеннолетних // Юридические и социально-педагогические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 80–81.
 6. Цирин А. М. Противодействие коррупции в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2012. № 12 (192). С. 47–52.
 7. Хабриева Т. Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 5–17.
 8. Баранчикова М. В., Рубцова Ю. С. Халатность сотрудников ГИБДД при реализации функции по розыску угнанных и похищенных автотранспорт-

ных средств // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования): сборник материалов XI международной научно-практической конференции. Орел, 2017. С. 48–51.

Мальцева Виктория Руслановна,
курсант 2 курса факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова;
Перков Артем Александрович,
преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

СОЦИАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ КАК ФАКТОР ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В настоящее время, в связи с нарастающей детской преступностью и увеличением числа людей, склонных к агрессивным формам поведения, особенно актуально изучение психологических условий и механизмов возникновения подобных явлений.

Противодействию агрессии в разных сферах общественных отношений может выступать пропаганда безопасности как своей, так и чужой. Это может быть реализовано в обучении, воспитании как в семье, так и образовательных учреждениях [1].

Существующие на сегодняшний день теории агрессии по-разному объясняют причины и механизмы агрессивного поведения человека.

Одно из ранних и наиболее известных теоретических положений, описанных З. Фрейдом в рамках психоаналитического направления, рассматривает агрессию как инстинктивное проявление поведения. В данном контексте агрессия определяется как действие генетически «запрограммированное», источником агрессивного поведения в психоаналитической трактовке выступает инстинктивное влечение к смерти и разрушению. Благодаря трудам З. Фрейда агрессия и агрессивность были превращены в объект научного анализа.

Э. Фромм, в рамках антропологического анализа, выделяет два вида агрессии: *доброкачественную и злокачественную*. Доброкачественная является биологически адаптивной реакцией организма на угрозу витальным интересам и способствует поддержанию жизни. Злокачественная агрессия не является биологически адаптивной и не связана с сохранением жизни.

Классификация Э. Фромма не уровневая, так как иерархия этих видов агрессии не задается. В ее основе лежит функциональный подход. Злокачественная агрессия рассматривается как вредная, а ее синонимом является деструктивность и жестокость.

Р. Бэрон и Д. Ричардсон рассматривают агрессию как форму поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, нежелающего такого обращения с собой.

Из отечественных психологов эту точку зрения разделяют Т. Г. Румянцева и И. Б. Бойко. Они рассматривают агрессию как форму социального поведения, которое реализуется в контексте социального взаимодействия, но поведение будет агрессивным при двух условиях: когда имеют место губительные для жертвы последствия и когда нарушаются нормы поведения.

Возможной причиной агрессии является тревожность. Это свойство формируется в глубоком детстве как следствие нарушение эмоциональных связей с матерью, т. е. депривации.

Тревожность создает охранительное поведение. Тревожность порождает пониженную самооценку, у индивида резко снижается порог восприятия конфликтной ситуации как угрожающей, расширяется диапазон ситуаций, повышает интенсивность и экстенсивность ответной на мнимую угрозу реакцию индивида.

В большинстве случаев агрессивные действия имеют инструментальный или реактивный характер. В то же время у отдельных людей наблюдались проявления агрессии, не имеющие какой-либо цели и направленные на причинение вреда другому.

Главной отличительной чертой агрессивных людей является их отношение к окружающим. Другой человек выступает для них как конкурент, как противник, как препятствие, которое нужно устранить.

Такое отношение нельзя свести к недостатку коммуникативных навыков. Многие агрессивные люди демонстрировали вполне адекватные навыки общения, но при этом проявляли незаурядную изобретательность, придумывая разнообразные формы нанесения ущерба окружающим. Агрессивные люди различаются по своим внешним поведенческим проявлениям агрессивности, по психологическим характеристикам, по социальному статусу в группе.

Всех агрессивных людей объединяет, несмотря на различия, одно важное свойство – невнимание к другим, неспособность видеть и понимать другого. Подобный тип отношения не связан ни с уровнем развития, ни с самооценкой, ни с реальным положением среди окружающих.

В основе такого отношения к другим детям лежит особое строение самосознания человека, фиксированность на себе и внутренняя изолированность от других.

К агрессивности близко подходит состояние враждебности. Враждебность – более узкое по направленности состояние, всегда имеющее определённый объект. Часто враждебность и агрессивность сочетаются, но нередко люди могут находиться во враждебных отношениях, однако никакой агрессивности не проявляют. Бывает и агрессивность без враждебности, когда обижают людей, к которым никаких враждебных чувств не питают.

Психологи определяют агрессию как поведение; вызванное намерением причинить боль; уничтожить или установить господство. В отличие от агрессии; ассертивное поведение не включает в себе намерения нанести вред другим. Это прямое открытое поведение.

Многие исследователи справедливо считают, что об агрессивности нельзя судить лишь по ее внешним проявлениям, необходимо знать ее мотивы и сопутствующие ей переживания.

Вместе с тем в большинстве исследований выявляется и описывается лишь уровень агрессивного поведения и влияющие на него факторы. Среди этих факторов обычно выделяются особенности семейного воспитания, модели агрессивного поведения на телеэкране или со стороны окружающих, уровень фрустрации, другое.

Однако очевидно, что все эти факторы вызывают агрессивное поведение далеко не у всех людей, а только у определенной части. В сходных условиях существования живут разные по уровню агрессивности люди.

Агрессивность в общих чертах понимается как целенаправленное нанесение физического или психического ущерба другому лицу. Под агрессивностью понимается свойство личности, выражающееся в готовности к проявлению агрессии.

Таким образом, при всем многообразии трактовок этого явления, агрессивность в общих чертах понимается как «целенаправленное нанесение физического или психического ущерба другому лицу». Под агрессивностью понимается свойство личности, выражающееся в готовности к проявлению агрессии.

Одни из них связывают агрессию с инстинктивными влечениями (З. Фрейд, К. Лоренц), в других агрессивное поведение трактуется как непосредственная реакция на фрустрацию (Д. Доллард, Л. Берковитц), в третьих, агрессия рассматривается как результат социального научения (А. Бандура).

1. Баранчикова М. В., Кузнецова И. И. Пропаганда безопасности дорожного движения как интерактивная форма обучения в преподавании уголовно-правовых и психологических дисциплин // Значение уголовного закона для подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие преступности: сборник научных статей по итогам межвузовского научно-методического семинара / редколл.: Н. Г. Кадников, И. М. Мацкевич. М., 2017. С. 154–158.

Москвичев Алексей Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии Краснодарского
университета МВД России

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В Особенной части УК РФ имеются статьи, нормы которых содержат указание на действия, идентичные пособничеству или сходные с ним, но при этом получившие самостоятельную уголовно-правовую оценку. Встает вопрос, какие из них действительно являются пособническими и насколько оправдано такое законодательное отнесение тех или иных действий к способам пособничества и их соподчиненность между собой.

Ярким примером дифференцированного подхода к ответственности соучастников преступления в Особенной части УК РФ является статья 205.1. С момента вступления в силу указанная норма получила неоднозначную оценку со стороны специалистов, поскольку ее содержание фактически дублировало положения части 5 статьи 33 УК РФ, что порождало проблемы в правоприменительной практике. Дискуссии об уместности возникновения новой нормы возникли потому, что в отечественном уголовном законодательстве пособник традиционно рассматривался как один из видов соучастников, и его понятие, как правило, содержалось в Общей части уголовного права. Сравнительный анализ рассматриваемых норм позволяет утверждать, что понятие пособничества, закрепленное в примечании 1.1 к статье 205.1 УК РФ, шире традиционного понятия пособника, содержащегося в части 5 статьи 33 УК РФ, поскольку в примечании 1.1 к статье 205.1 УК РФ законодатель объединил уголовную ответственность за соучастие (заранее обещанное пособничество) и за прикосновенность к преступлению (заранее не обещанное укрывательство преступления). Последующие изменения и дополнения, внесенные в рассматриваемую статью, породили новые дискуссионные вопросы о ее соотношении с институтом соучастия [1].

Как известно, пособничество как вид соучастия, по своей природе не предполагает проявления инициативы либо иных, побуждающих исполнителя к совершению преступления действий. Основная роль пособника заключается в оказании помощи другим в их деятельности. То есть лицо должно осуществить определенные действия в интересах действий других лиц («содействие») с целью облегчить другим выполнение их роли: а) исполнителю преступления (содействие непосредственному совершению преступления); б) иным соучастникам (способствование достижению или реализации соглашения между соучастниками на совместное совершение преступления).

Помимо ответственности за пособничество в преступлении, статья 205.1 УК РФ предусматривает более широкий круг деяний, позволяя квалифицировать целый ряд проявлений «содействия» террористической деятельности, которые могут быть оценены не только как действия пособника, но также организатора и подстрекателя, что свидетельствует о неудачной конструкции действующей редакции статьи 205.1. Именно по этой причине разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию дифференциации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности приобретает особое значение [2].

Объективная сторона содействия террористической деятельности характеризуется альтернативно любым из следующих действий: а) склонение лица к совершению хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ; б) вербовка лица для совершения хотя бы одного из перечисленных преступлений; в) иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из перечисленных преступлений; г) вооружение лица для совершения хотя бы одного из перечисленных преступлений; д) подготовка лица для совершения хотя бы одного из указанных преступлений; е) финансирование терроризма; ж) пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 205, частью 3 статьи 206, частью 1 статьи 208 УК РФ.

В самой уголовно-правовой норме понятия «склонение», «вербовка» и «вовлечение» отсутствуют. Вместе с тем, согласно пункту 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 «под склонением, вербовкой или иным вовлечением определенного лица (группы лиц) в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205.1 УК РФ, следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений» [3]. Таким образом, Верховный Суд РФ дает обобщенную характеристику трем альтернативным действиям: «склонение», «вербовка» и «иное вовлечение лица», за каждое из которых наступает уголовная ответственность [4].

По нашему мнению, под «склонением» определенного лица к совершению хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, следует понимать умышленные действия в виде уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные

посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического или психического воздействия на лицо с целью возбудить у него желание совершить хотя бы одно из указанных преступлений. Упомянутое «склонение к совершению преступления» в полной мере соответствует понятию «подстрекателя», сформулированному в части 4 статьи 33 УК РФ, в связи с чем нахождение указанного термина в диспозиции части 1 статьи 205.1 УК РФ является не совсем корректным, поскольку статья посвящена «содействию террористической деятельности». Как известно через «содействие» раскрываются функции «пособника», перечисленные в части 5 статьи 33 УК РФ.

Термин «вербовка» произошел от немецкого глагола «werben» – вербовать, набирать: привлекать к какому либо делу, агитировать за что-либо [5]. В соответствии со статьей 6 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 года под вербовкой террористов понимается привлечение другого лица к совершению или участию в совершении террористических преступлений или к присоединению к какому-либо соединению или группе с целью содействия совершения этим объединением или группой одного или нескольких террористических преступлений. На страницах юридических изданий указывается, что вербовка по своей сути представляет собой сделку между нанимателем и нанимающимся. По мнению Е. П. Коровина, применительно к преступлению, предусмотренному статьей 205.1 УК РФ содержанием такой сделки является с одной стороны, обязательство нанимающегося лица участвовать в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, в обмен на получение материального вознаграждения, а с другой – обязательство нанимающего лица предоставить определенные выгоды материального характера в обмен на участие нанимающегося лица совершить хотя бы одного из указанных преступлений [6]. Вряд ли можно согласиться с подобным содержанием термина «вербовка», поскольку отсутствует основной, на наш взгляд, признак – систематический характер указанных действий.

Представляется, что под «вербовкой» для совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ следует понимать систематический поиск и последующее склонение двух и более к совершению указанных преступлений.

Проведенный сравнительно-семантический анализ позволяет утверждать, что «вербовка» характеризуется большей степенью общественной опасности. Важным конструктивным признаком «вербовки» является систематичность (совершение двух и более взаимосвязанных и тождественных действий) в отношении двух и более лиц. Изложенное в полной мере

подтверждает, что указанный термин является разновидностью подстрекательства, в связи с чем ее закрепление в качестве самостоятельного вида альтернативного пособничества в статье 205.1 УК РФ недопустимо.

По своему содержанию термин «вовлечение» шире терминов «склонение» и «вербовка». Об этом свидетельствует конструкция части 1 статьи 205 УК РФ, которая предусматривает склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. Тем самым законодатель дает понять, что склонение и вербовка являются разновидностями вовлечения. В то же время использование в приведенной уголовно-правовой норме фразы «иное вовлечение» делает ее идентичной части 4 статьи 33 УК РФ, в которой не указываются конкретные способы подстрекательства. Указанные моменты свидетельствуют об отсутствии системности в криминализации деяний, связанных с вовлечением в совершение преступления и необоснованной аналогией с преступным «содействием», которое характерно пособничеству.

Следующую группу альтернативных деяний, образующих признаки объективной стороны преступления, предусмотренного статье 205.1 УК РФ, составляют вооружения или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ.

Под вооружением в части 1 статьи 205.1 УК РФ, согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда от 09 февраля 2012 г. № 1, понимается снабжение лиц, участвующих в террористической деятельности, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой и т. п. в целях совершения хотя бы одного из преступлений, перечисленных в этой статье. По мнению В. П. Степалина, предметами вооружения могут выступать любые виды оружия, предусмотренные Федеральным законом от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» [7], боевые виды вооружения, боевые припасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, оружие массового уничтожения [8]. Е. Н. Федик и А. В. Бриллиантов считают, что вооружение в целях совершения указанных выше преступлений, могут осуществляться как на возмездной, так и на безвозмездной основе. Таким образом «вооружение лица», сформулированное в диспозиции части 1 статьи 205.1 УК РФ, однозначно можно рассматривать как альтернативное пособничество в совершении преступлений, перечисленных в этой норме. Связано это с тем, что законодатель в части 5 статьи 33 УК РФ ограничился закрытым перечнем возможных форм пособничества, не расширив понятие пособника формулировкой «а равно иным образом содействовавшее совершению преступления», поэтому вооружение кого-либо

для совершения преступления является, по сути, содействием совершению преступления в виде предоставления средств или орудий [9].

Подготовка лиц в целях совершения преступлений, указанных в части 1 статьи 205 УК РФ, в соответствии с п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1, заключается в обучении правилам обращения с оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой, средствами связи, правилам ведения боевых действий, а также в проведении соответствующих инструктажей, тренировок, стрельб, учений и т. п. По мнению Е. П. Коровина, сюда же можно отнести идеологическую обработку лица, его физическую тренировку, огневую подготовку, привитие ему конкретных знаний, навыков, приемов, способов, тактики, методики совершения преступлений террористической направленности, разработка планов осуществления террористической деятельности, правил конспирации. Например, при физических тренировках исполнителя преступления, если тренер осознает, для чего он готовит лицо, то совет, допустим, преимущественно развивать ту или иную группу мышц, нужных для соответствующей преступной деятельности, означает содействие совершению преступления советами, указаниями, т. е. пособничество. Таким образом «подготовка лица» в целях совершения любого из преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 205.1 УК РФ, также является альтернативным пособничеством.

Следующим признаком объективной стороны преступления, предусмотренного статье 205.1 УК РФ является финансирование терроризма, которое является одной из основных причин его существования. С. А. Селиверстов справедливо отмечает, что финансирование террористов активизирует их деятельность, способствует притоку в нее новых членов из числа молодежи [10].

Согласно примечанию 1 к статье 205.1 УК РФ под финансированием терроризма понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

Несмотря на законодательное закрепление понятия «финансирование терроризма» в примечание 1 к статье 205.1 УК РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 в пункте 16 дает расширительное толкование указанной дефиниции и понимает под ним, «наряду

с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи, лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений (например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц)».

Таким образом, содержание термина «финансирование терроризма» можно условно разделить на три группы альтернативных действий: 1) предоставление средств; 2) сбор таких средств; 3) предоставление финансовых услуг. Соответственно «финансирование» может выражаться в предоставлении или сборе как денежных средств (в наличной или безналичной форме), так и иных материальных средств. Обусловлено это тем, что с позиции оценки общественной опасности и влияния на организацию, подготовку и совершение преступлений террористической направленности не имеет значения, передает, например, лицо компьютерную или радиотехнику для совершения таких преступлений или денежные средства на их приобретение. Поэтому сводить финансирование к действиям исключительно с денежными средствами было бы неоправданным сужением сферы применения статей 205.1 УК РФ, хотя в самом общем смысле финансирование означает снабжение именно денежными средствами, финансами.

Изложенное дает основание утверждать, что финансирование является одной из форм альтернативного пособничества, поскольку при расширительном толковании отдельных терминов, включенных законодателем в часть 5 статьи 33 УК РФ, финансирование может рассматриваться как содействие преступлению путем предоставления средств.

С принятием Федерального закона от 09.12.2010 № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [11] и Федерального закона от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [12] нормотворец, по существу, ввел новое понятие «специальное (общепаспортное)» пособничество, дополнив статью 205.1 УК РФ частью 3 (пособниче-

ство в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьёй 205, частью 3 статьи 206, частью 1 статьи 208 УК РФ). Это уникальный законодательный прецедент конструирования особо квалифицированного состава на базе института соучастия в преступлении, направленный на усиление уголовной ответственности пособников в совершении перечисленных преступлений, позволяющий привлекать последних к уголовной ответственности без использования положений части 5 статьи 33 УК РФ.

В соответствии с примечанием 1.1 под пособничеством понимается умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы.

Анализ примечания 1.1 к статье 205.1 УК РФ позволяет сделать вывод, что в указанной норме законодатель объединил уголовную ответственность за соучастие в виде заранее обещанного пособничества и прикосновенность в виде заранее не обещанного укрывательства преступления. При этом три самостоятельных вида пособнических действий, перечисленные в части 1 статьи 205.1 УК РФ (вооружение, подготовка и финансирование) по непонятным причинам выведены за рамки специального (общепасного) пособничества, содержащегося в части 3 указанной статьи. Не ясна также логика законодателя, установившего повышенную, по сравнению с частью 1 статьи 205.1 УК РФ, уголовную ответственность за пособничество, содержащееся в части 3 указанной нормы.

Помимо этого не выдерживает критики Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13], который дополнил статью 205.1 УК РФ частью 4, предусматривающей ответственность за организацию или руководство совершением хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.3, частями 3 и 4 статьи 206, частью 4 статьи 211 УК РФ, а равно организацию финансирования терроризма. Подобные недостаточно продуманные законодательные новеллы существенным образом колеблют научные основы некоторых уголовно-правовых институтов, в частности института пособничества в преступлении, на который ориентирована статья 205.1 УК РФ.

Подводя итог исследованию видов преступной деятельности, сформулированных в статье 205.1 УК РФ можно отметить несколько парадоксов.

Парадокс первый заключается в том, что существующая конструкция частей 1 и 3 статьи 205.1 УК РФ противоречит провозглашенному в Уголовном законе принципу справедливости, поскольку пособник представля-

ет собой единую фигуру, наделенную законодателем множеством функций, в связи с чем выделение некоторых из них в качестве особых обстоятельств несправедливо и некорректно с точки зрения обеспечения системности законотворческой деятельности. В качестве примера можно привести предоставление вооружения террористам. Очевидно, что он должен подлежать уголовной ответственности по части 1 статьи 205.1 УК РФ, хотя, по сути, он одновременно выполнял функции пособника в виде предоставления орудий совершения преступления и в таком качестве претендует на ответственность по части 3 указанной статьи. Учитывая аксиому уголовного права о соотношении общей и специальной нормы, часть 1 статьи 205.1 УК РФ, как норма специальная, будет применяться в ситуациях конкуренции с частью 3 той же статьи как нормой общей. Но в таком случае непонятно, почему законодатель вооружение террористов счел менее опасным, чем пособничество в виде предоставления орудий для совершения террористического акта. Кроме этого в части 3 статьи 205.1 УК РФ речь идет о пособничестве в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 205, частью 3 статьи 206, частью 1 статьи 208 УК РФ, в то время как диспозиция части 1 статьи 205.1 УК РФ предусматривает ответственность за совершение и других преступлений.

Наконец парадокс второй заключается в том, что одновременное использование в диспозиции части 1 статьи 205.1 УК РФ терминов «склонение», «вербовка», «вовлечение», является излишним, поскольку два первых являются составной частью третьего, а все вместе образуют самостоятельные виды подстрекательских действий.

Резюмируя изложенное можно сделать вывод, что действующая редакция статьи 205.1 УК РФ объединила разные виды соучастия в преступлении в форме пособничества, подстрекательства, организаторства, качественно отличающихся между собой по характеру преступных действий, что по нашему мнению недопустимо с точки зрения композиционного построения законодательного сборника.

1. Агапов П. В., Михайлов К. В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики: монография. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. С. 29.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. С. 647; Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. С. 557; Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. С. 214.

3. Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 4. С. 2.

4. Кудравцев В. Л. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. 2012. № 5. С. 21.
5. Большой немецко-русский словарь. В 2 томах. Т. 2 L-Z / Авт.-сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева и др.; под рук. О. И. Москальской. 3-е изд. перераб. и доп. М., 1997. С. 588.
6. Коровин Е. П. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: учебное пособие. М.: Илекса, 2014. С. 23–24.
7. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 51, ст. 5681.
8. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. С. 558.
9. Молчанов Д. Содействие террористической деятельности // Уголовное право. 2011. № 4. С. 35.
10. Селиверстов С. А. Предупреждение и пресечение финансирования терроризма // Рос. следователь. 2012. № 3. С. 37.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 50, ст. 6610.
12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федер. закон Рос. Федерации от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 28, ст. 4559.
13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 19, ст. 2335.

Мукажанов Азамат Еркенович,
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета
МВД России

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ХУЛИГАНСТВА, СОВЕРШЕННОГО МОЛОДЕЖНЫМИ ГРУППИРОВКАМИ

Статья 213 Уголовного кодекса Российской Федерации – хулиганство, претерпевала многократные изменения с 1996 по 2014 гг., что повлияло на криминалистическую характеристику и на практику расследования данного преступления. Уже в июне 2016 г. Генеральный прокурор Ю. Чай-

ка призвал изменить нормы статьи 213 УК РФ, ссылаясь о сложностях правоприменения в нынешней ее редакции (в контексте ситуации с участниками гонки на Mercedes-Benz Gelandewagen сына вице-президента «Лукойла», которые отказались выполнить требования сотрудников дорожно-патрульной службы и пытались скрыться от них) [1].

В новых условиях важное значение приобретает активная борьба с наиболее опасной разновидностью преступности – групповой, так как в структуре преступности доля групповых преступлений еще довольно велика.

Если криминологов интересуют причины образования молодежных группировок, совершения ими преступлений и разработка мер, направленных на их профилактику, то специалистов в области уголовного права – вопросы уголовной ответственности за преступления, совершенные молодежной группировкой, более четкой правовой дифференциации вины соучастников групповых преступлений [2]. Криминалистическое изучение молодежных группировок имеет конечной целью разработать рекомендации по раскрытию и расследованию.

В криминалистической характеристике хулиганства, совершаемого группой лиц, преобладают смешанные преступные группы – 51,5 %, группы несовершеннолетних – 43,5 %, взрослых – 5 % [3].

Как известно на ход расследования преступлений влияет совокупность определенных условий, определяемых местом, временем и обстановкой его осуществления. Указанное, в свою очередь предопределяет принятие процессуальных решений, имеющих практическое значение в следственной практике.

Не учитывается то, что следствию противостоит сила, способная к самоорганизации и направленная на воспрепятствование проводимому расследованию. Это создает неблагоприятные условия для расследования, которые можно преодолеть лишь благодаря организованности и планомерности деятельности всех лиц, вовлеченных в процесс выявления, раскрытия и расследования названных преступлений. То есть наличие хорошо продуманного и проработанного плана – это залог успешного расследования названного вида преступлений [4].

Применительно к молодежным асоциальным группировкам, наблюдается особое, на сегодняшний день, явление перехода индивидуальных инстинктивных побуждений в социальные инстинктивные побуждения. Индивидуальное бессознательное чувство у представителей молодежных групп антисоциальной направленности трансформируется в коллективное бессознательное. Отсутствие признаков проявления элементов сознательности, свидетельствуют о том, что развитие членов таких группировок ущербно, так как в его ход не включено сознание.

Возможно, по этой причине среди членов асоциальных молодёжных группировок, как правило, не встречается ярких, в положительном смысле

этого слова, личностей. На данный контингент, конечно, в настоящее время, как правило, оказывают влияние различные социальные сети и круг его общения.

Анализ практики расследования преступлений, позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствуют единые подходы и какие либо конкретные методические рекомендации для расследования данной категории преступлений, которые нуждаются в своей оптимизации.

Неэффективное и неоптимальное предварительное расследование, дает карты в руки лидерам молодежных группировок, которые чувствуя свое интеллектуальное превосходство, и дальше продолжают совершать хулиганства. В конечном итоге, вышеуказанная категория лиц остается недостижимым для органов предварительного расследования. Им удается уйти от уголовного преследования, прощупать слабые места расследования, в дальнейшем совершенствовать хулиганства на более высоком уровне и консолидироваться.

Одной из причин, проблемы расследования, является рассогласованность в деятельности органов, на которые было поручено расследование. Необходимо продемонстрировать слаженность работы, для повышения эффективности расследования, нужно чтобы следователь поставил себя психологически на место преступника и оценил всю сложившуюся ситуацию, узнал особенности мировосприятия и прогнозировал дальнейшие действия.

Особо следует обратить внимание на ту информацию, которая собирается в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела. Эту информацию можно классифицировать по такому основанию, как ее назначение, на две группы: 1) информация о преступлении и 2) информация, которая может быть использована для успешности проведения действий по получению доказательств о совершенном преступлении.

-
1. РИА-Новости. 2016. 8 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20160608/1444447885.html> (дата обращения: 25.11.2016).
 2. Быков С. В. Криминалистическая характеристика преступных групп. – Ташкент: Высшая школа МВД СССР, 1986. 70 с.
 3. По данным МВД России [Электронный ресурс]. URL: www.mvd.ru.
 4. Лисин Н. С. Планирование как форма взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений, составляющих молодежную организованную преступность // Рос. следователь. 2013. № 2. С. 9.

Пучнина Маргарита Юрьевна,
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии Воронежского института
МВД России

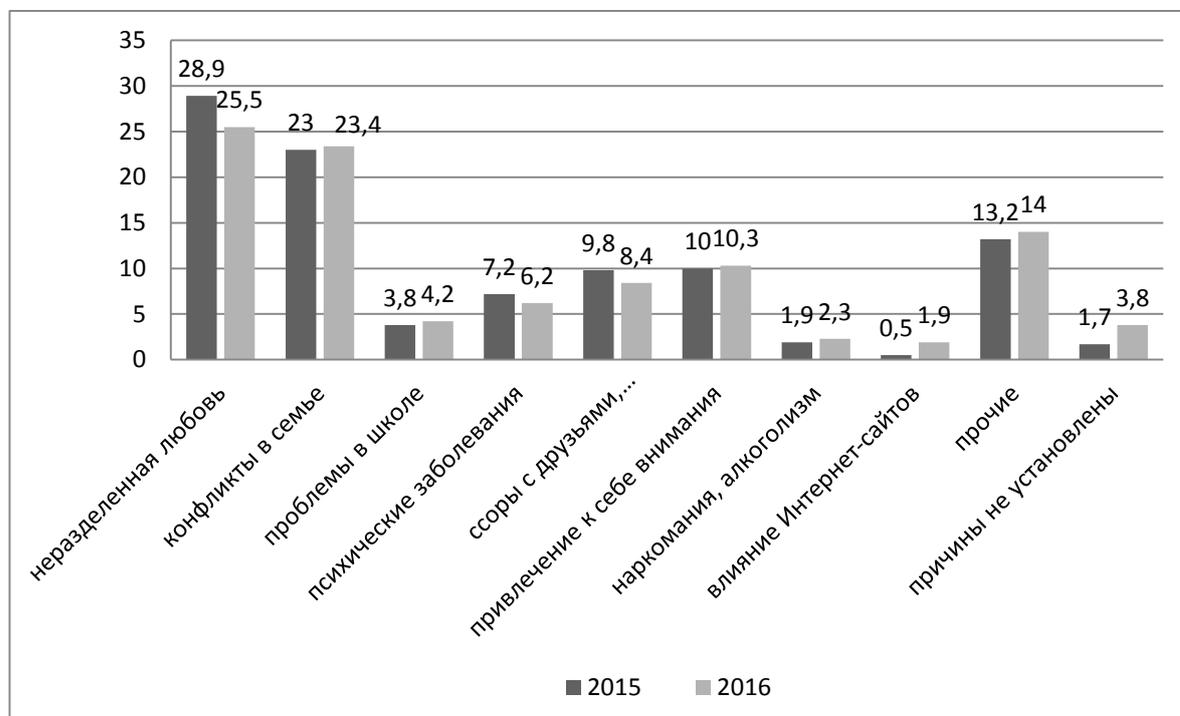
КРИМИНОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЮ СУИЦИДАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Подростковый суицид является наиболее острой и социально значимой проблемой современного общества. В последнее время сводки о самоубийствах несовершеннолетних не сходят с первых полос новостных лент информационных изданий. При этом практически каждый второй случай СМИ пытаются связать с деятельностью так называемых «групп смерти», которые пропагандируют культ смерти, оправдывают суицид и предлагают его в качестве выхода из сложной жизненной ситуации.

Подросток – это личность, которая еще окончательно не сформирована, чтобы считаться взрослой, но в то же время настолько развита, что в состоянии сознательно вступать в отношения с окружающими и следовать в своих поступках и действиях требованиям общественных норм и правил. Так как в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ, начиная с 14 лет, несовершеннолетний способен нести уголовную ответственность за некоторые умышленные преступления, то можно сделать вывод, что с этого возраста подросток способен адекватно оценивать и общественную опасность, и социальную значимость, а также последствия лишения жизни как другого человека, так и себя самого. Однако не стоит забывать, что психика подростка окончательно не сформирована, ему свойственны импульсивность, желание подражать другим, интерес ко всему необычному и т. д., хотя последствия совершения указанных действий ему понятны.

Анализ факторов суицидального поведения несовершеннолетних в представленной статье основывается на обобщении сведений по информационным справкам о суицидальных происшествиях среди несовершеннолетних за 2015–2016 гг. ГУОООП МВД России, которые приведены ниже в гистограмме.

Причины подросткового суицида и попыток его совершения на территории Российской Федерации в 2015–2016 гг.



Как видно из гистограммы, влияние суицидальных Интернет-сообществ и сайтов не так велико, как это освещается СМИ. Тем не менее, проблема «групп смерти» действительно существует. На наш взгляд, деятельность такого рода сообществ криминальной направленности должна рассматриваться не как причина, способствующая появлению суицидальных настроений, а как условие активизации вышеперечисленных в гистограмме основных факторов. В реальной жизни ребенок, состоящий в группе суицидальной тематики, в большей степени подвержен совершению суицида в случае наличия у него какой-либо проблемы: неразделенная любовь, конфликт в семье, одиночество и пр.

Невозможно дать однозначный ответ на вопрос: почему при одних и тех же обстоятельствах один человек решает на самоубийство, а другой – нет; тем более, если речь идет о несовершеннолетних [5]. Однако ряд авторов выделяет некоторые общие факторы суицидального риска:

1) Социально-демографические: семейно-бытовые конфликты, проблемы в школе/колледже (буллинг, недопонимание); утрата значимых отношений (распад пары, ссора, смерть близкого человека); переживания по поводу сексуальной ориентации; социально-экономическое расслоение общества и пр. [4]

Стоит подробнее остановиться на таком факторе, как отношение общества к самоубийцам (как постоянное, так и временное), при этом достаточно мнения какой-либо одной социальной группы (например, подростков) [2]. Так, в настоящее время прослеживается следующая тенденция: «группы смерти» привлекают внимание несовершеннолетних, а, вступая в них, зачастую у подростков меняется мнение о суицидальном акте. Сюда же можно отнести и эффект Вертера (одобрительное отношение к суицидентам в дальнейшем порождает цепочку подражающих самоубийств несовершеннолетних).

Большинство ученых-социологов считают, что социальная структура и жизненные ценности могут оказывать существенное влияние на уровень опасности совершения суицида. Французский социолог Э. Дюркгейм доказал, что этот уровень напрямую связан с социальной интеграцией человека – то есть степенью, согласно которой индивид чувствует себя частью большой группы. Он считал, что самоубийство более вероятно, когда человек испытывает недостаток социальных отношений, особенно, когда такая проблема встает перед ним внезапно. Причем у подростков социальными причинами могут стать изоляция в школьном классе, в референтной группе, дезадаптация в новом коллективе и т. д. Метафорически это можно обозначить как «чужой среди своих».

2) Личностные факторы: повышенная напряжённость потребностей, выражающаяся в необходимости неуклонного достижения поставленной цели; самооценка, несоответствующая личностным возможностям (заниженная, лабильная или завышенная); отсутствие жизненного опыта; эксплозивность (взрывная реакция), эмоциональная неустойчивость, повышенная внушаемость; несформированное понимание смерти и т. д. [4]

3) Медицинские факторы: телесные и психические заболевания.

Соматические болезни, как причина суицида, более характерны для лиц пожилого возраста, а уродство – для лиц молодого возраста.

Большинство ученых считает, что отождествлять психическую болезнь и суицид неправильно, так как суицидальный акт не является исключительно клиническим феноменом, а представляет собой вариант поведенческой реакции по всему континууму «норма – патология». Совокупность суицидентов представлена тремя диагностическими категориями: психическими расстройствами, пограничными нервно-психическими расстройствами и здоровыми в психическом отношении людьми. Так, например, А. Г. Амбрумова с соавторами в своем исследовании приходят к выводу, что суицидальное поведение может наблюдаться и у психически здоровых лиц [3]. Тем не менее, наличие психических расстройств существенно повышает риск суицидальных действий. Аффективные, и в особенности депрессивные, расстройства наиболее суицидоопасны. Даже лёгкие формы депрессии могут обуславливать повышенный риск самоубийства [1].

Как правило, самоубийство не совершается при наличии лишь одной причины либо при одном единственном условии, чаще всего присутствует их сочетание, а это, в свою очередь, увеличивает вероятность завершенной попытки. На наш взгляд, необходимо различать первопричины (истинные) от минутной слабости («последней капли») и от условий, создающихся извне.

Исходя из специфики факторов, обуславливающих криминальные суициды несовершеннолетних, предлагаем разделять объекты и направления профилактического воздействия (например, помощь подростку в разрешении конфликтов различного рода посредством усиления психолого-педагогической работы с семьей и в школе, противодействие деструктивным Интернет-сообществам со стороны органов и учреждений системы профилактики, проведение ранней профилактики в общеобразовательных организациях с привлечением представителей заинтересованных субъектов профилактики, комплексная поддержка на государственном уровне деятельности общественных объединений и правозащитных организаций в борьбе с подростковыми суицидами). Такое построение работы по профилактике подросткового суицида считаем более эффективным, поскольку значимая информация будет доводиться ребенку и родителям дозированно специалистами соответствующего профиля деятельности.

1. Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии: практическое руководство. СПб.: Издательский дом «Питер» (Золотой фонд психотерапии). 2003. С. 128.
2. Пелипас В. Е., Стрельникова И. Р. Депрессия и суицид в практике общесоматических лечебных учреждений // Лечащий врач. 1998. № 6. С. 32.
3. Руженкова В. В., Руженков В. А. Проблема стигмы в психиатрии и суицидологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2012. Т. 17. № 4 (123). С. 5–13.
4. Юрьева Л. Н. Клиническая суицидология: монография. Днепропетровск. 2006. С. 470–472.
5. МВД: с «группами смерти» связан только 1 % подростковых самоубийств. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.miloserdie.ru/news/mvd-s-gruppami-smerti-svyazan-tolko-1-samoubijstv-podrostkov> (дата обращения: 01.10.2017).

Пыжкова Анастасия Владимировна,
курсант Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя;
Цветков Вячеслав Лазаревич,
начальник кафедры юридической
психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
доктор психологических наук, профессор

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВЕРБОВКИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ

В настоящее время проблема вербовки в террористические группировки стоит достаточно остро, потому что никто не знает, на ком остановится выбор вербовщиков завтра. Вербуемым лицом может стать абсолютно любой человек вызвавший интерес у террористической группировки [1].

Объективно проблема психологии терроризма является важным направлением современной психологии и профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Терракты совершают как женщины, так и мужчины. Могут ли психологи дать чёткий психологический портрет террориста, ведь его формирование происходит под воздействием многих политических, социальных, культурных и религиозных факторов. В связи с этим для разных наций, культур он будет различным. Судить однозначно, что одна категория граждан больше подвержена вербовки, а другая нет, опираясь только на социальный уровень жизни нельзя, так как террористом может быть лицо, которое пользуется уважением, имеет постоянный достаток и наравне с ним безработный, не выделяющийся из общей массы человек, студент, получающий высшее образование или обычный безграмотный. Например, в 2015 г. в газетах новостях появились заголовки «Успешный Российский актер погиб в Сирии, сражаясь за ИГИЛ». Владимир Дорофеев бросил жену с двумя детьми (пять лет и семь месяцев), чтобы уехать на границу Сирии и воевать за радикальный ислам. Из интервью жены актера: «Муж шантажировал меня и заставлял увезти детей в Сирию. Цель его была – война за Бога» [2].

Чаще всего жертвами вербовщиков становятся одинокие люди, лица которые переживают трагические события (потеря близких и др.), подростки, религиозные фанаты. Среди женщин, которые совершили террористический акт, известный криминолог Я. И. Гишинский заметил ряд характерных черт. Во-первых, женщины, в отличие от мужчин в большинстве своём при совершении террористического акта не стремятся к обогащению

и повышению своего социального статуса. Во-вторых, лица женского пола менее интересуются политическими и идеологическими мотивами, чаще всего в совершении преступления лежит мотив мести за родных или любимого человека [3]. Например, террористка-смертница, совершившая теракт в Московском метрополитене, по данным Национального антитеррористического комитета – семнадцатилетняя Джанет Абдулаева – вдова Умалата Магомедова, который был убит 31 декабря 2009 г. в ходе спецоперации правоохранительных органов. Смерть дорогого человека является, несомненно, сильнейшей душевной травмой, но надо также учитывать, что женщиной после потрясения гораздо легче манипулировать и внушить необходимость мести. Человек в таком состоянии не может полноценно и объективно оценивать окружающую действительность. Он будет искать, где его защитят и проявят сострадание. В мусульманском мире, женщина полностью должна подчиняться мужчине. Совершая террористический акт, мусульманка может получить бессмертие, так как рай в исламе только для мужчин. Террористы для совершения терактов в большинстве случаев используют женщин. Для манипуляции используются тайны частной переписки из социальных сетей, грехи, навязанные страхи. Человеку внушают страх, шантажируют выставлением на показ частной информации, утверждают, что семья отвергнет, угрожают наказанием. Примером распространённой вербовки женщин исповедующих ислам, является подталкивание к измене умершему мужу, затем происходит шантаж и внушаются мысли об искуплении такого греха только смертью через совершение террористического акта [4].

Что нужно знать, чтобы распознать вербовщика и не попасть под влияние. Метод вербования зависит от обстоятельств касающихся конкретного человека. Рассмотрим категорию подростков. Как известно в подростковом возрасте только формируется психика. Девушки, летающие в облаках, мечтают о прекрасном принце. Выкладывают в социальных сетях фотографии, посты, посещают группы и всё это находится в свободном доступе. Страницы в Вконтакте, Instagram несут большую информационную нагрузку. Так профессиональные психологи собирают нужную им информацию и проводят мониторинг страницы в виртуальном пространстве, узнают о проблемах, страхах, желаниях конкретного лица. Затем собранный материал используют для того чтобы войти в доверие. На первом этапе общение происходит в интернете, затем может перерасти и в реальную встречу, во время переписки, разговоров вербовщик ищет «нити управления» за которые будет дергать, и манипулировать человеком, затем создаёт иллюзию удовлетворения потребности в любви, дергает за уже найденную нить. Делает комплименты, ухаживает за жертвой и после нескольких повторов у человека создаётся психологическая зависимость (любовная зависимость), что делает вербуемое лицо марионеткой в руках террористов.

Родители подростков со своей стороны должны проявлять особое внимание, следить за кругом общения, по возможности посещать страницы в социальных сетях, интересоваться кругом лиц, с которыми общается ребёнок, обращать внимание на его психическое состояние. Необходимо заниматься воспитанием своих детей с самого раннего возраста, знать про них все, чтобы потом не пришлось искать решения проблемы. Хороший контакт родителей с подростками крайне необходим.

Кроме того, нельзя не учитывать, что вербовщик будет проявлять заботу, показывать жертве общность интересов, взаимопонимание друг друга с полуслова, демонстрировать острый интерес к мнению и идеям вербуемого. Обычно человеку не оставляют свободного времени, чтобы остаться с самим собой и критически оценить ситуацию. Отделяют от близких людей или тех, кто смог бы оказать влияние. Знакомят с религиозной литературой, к прослушиванию даются специальные мелодии, например, это может делаться посредством религиозной песни. Постоянно повторяя одни и те же слова как мантры, человек, во-первых, теряет над собой волевой контроль, во-вторых, слова песни постепенно проникают в подсознание и заменяют собственные мысли. С потоком информации осуществляется регулирование внутригруппового общения. Начинается манипулирование сознанием человека с использованием различных психотехнологий, в частности может использоваться НЛП (нейролингвистическое программирование), через которые происходит подмена понятий, искажений истин, смыслов фраз.

Надо помнить, что такой важнейший социальный институт как семья может противостоять многим проблемам. Основная задача государства это поддержка семьи, материнства и детства. Доверительные взаимоотношения родителей и детей помогут предотвратить вербовку подростков. Ребёнку не придётся искать любовь, взаимопонимание, интерес к его проблемам, он будет знать, что дома его ждут и всегда поймут, а вмешательство в личную жизнь извне будет восприниматься негативно.

Стоит внимательнее относиться к окружающим нас людям, ведь может именно сейчас кто-то из знакомых нуждается в психологической помощи и, не дождавшись внимания родных или друзей, попадёт на уловки вербовщиков.

Особую роль в предотвращении таких преступлений играют правоохранительные органы, которые постоянно осуществляют выявление, преследование, задержание лиц, примкнувших к террористическим группировкам. Закрываются группы в социальных сетях, ведётся оперативная работа.

В рамках предупреждения преступлений необходимо освещать проблему вербования и терроризма в целом. Систематически выступать в школах, показывать ролики, повышать уровень осведомлённости в данной области. Ребёнок большую часть своего времени проводит в учебном заве-

дении, где не составит большого труда учителю заметить меняющееся настроение ученика. Если он всегда был весёлый, жизнерадостный, а стал потерянным и грустным, то конечно это должно вызывать тревогу. Родственники жертвы должны знать, куда обратиться и как действовать в складывающейся ситуации.

Таким образом, в борьбе с терроризмом важно постоянно помнить, что она создает реальную угрозу обществу, миру, поэтому усиление взаимодействия правоохранительных органов и граждан – одна их актуальнейших задач. Надо помнить, что значительную роль играет семья и поддерживать её. Работа психологов должна быть направлена на пресечение и предупреждение преступлений террористической направленности.

-
1. Аккаева Х. А. Основные проблемы борьбы с терроризмом на современном этапе // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9.
 2. URL: <https://ria.ru>.
 3. Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 520 с.
 4. Нестеренко И. С., Белановская А. С. Проблема участия женщины в террористических актах в контексте психологии терроризма // Материалы второй Всероссийской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов (17 апреля 2014 г.). С. 47.

Радькова Любовь Сергеевна,
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии Воронежского института
МВД России

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НАРКОТИЗМА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Значительный рост наркомании и наркотизма среди несовершеннолетних и обострение связанных с ним проблем актуализируют постановку задачи противодействия этому явлению.

Так, в литературе выделяются основные факторы, ведущие к наркотизации несовершеннолетних: любопытство подростков, влияние друзей, товарищеская солидарность, незанятость несовершеннолетних, проблемы в школе, а также недостаток или отсутствие внимания со стороны родителей. Социологи отмечают, что до 80 % наркозависимых несовершеннолетних лиц указывают именно эти причины своего заболевания как первопричину [5].

Следует отметить, что распространение наркомании в значительной мере способствует вовлечению подростков в противоправную, преступную деятельность, прежде всего торговлю наркотиками, занятие проституцией, бродяжничество, различные формы девиантного поведения.

Не вызывает сомнения тот факт, что эффективное осуществление противодействия распространения наркомании, в том числе подростковой, требует скоординированного участия всех заинтересованных ведомств, различных общественных организаций, а также средств массовой информации.

Несмотря на активную целенаправленную работу в сфере профилактики наркомании среди несовершеннолетних, приходится констатировать, что в этой сфере имеется ряд проблем, требующих скорейшего решения. Перейдем к рассмотрению основных из них.

В настоящее время в стране имеется нехватка лечебных и реабилитационных учреждений для оказания помощи несовершеннолетним наркозависимым больным.

Так, число детей, поступивших на реабилитацию в центры психолого-педагогической реабилитации и коррекции несовершеннолетних, злоупотребляющих наркотиками, за январь–декабрь 2015 года составило 1 057 человек, из них до 15 лет – 586 и с 15 до 18 лет – 471 [1]. Мировой опыт лечения наркомании показывает, что наиболее эффективным является направление больных после стационарного лечения в реабилитационные центры, рассчитанные на длительное проживание, где проводится воспитательная, психокоррекционная работа, направленная на постепенное изменение сложившихся противоправных стереотипов у подростков, адаптацию к жизни в обществе без наркотиков. Конечная эффективность лечения наркозависимых в таких центрах по сравнению с лечением в условиях стационара повышается в 2-3 раза.

В настоящее время 86 % всех реабилитационных центров, созданных в России, относятся к системе бюджетного здравоохранения. Вместе с тем, в большинстве субъектов, дефицит реабилитационного звена наркологической помощи несовершеннолетним обуславливается отсутствием финансовых средств и материальной базы. Поэтому одной из проблем борьбы с профилактикой наркомании среди подростков является дефицит учреждений, занимающихся ее лечением, которое доступно далеко не каждому [3].

Решением данной проблемы является создание центров медико-социальной реабилитации несовершеннолетних наркозависимых больных в системе учреждений здравоохранения на бюджетной основе, а также широкой сети кабинетов профилактики оказания помощи желающим прекратить употребление наркотиков и других одурманивающих веществ; следует расширить сеть лечебных и реабилитационных учреждений для детей, подростков и молодежи, нуждающихся в специализированной помощи, специальных детских наркологических кабинетов и стационаров, а также

амбулаторную и специализированную помощь подросткам-наркоманам на льготной основе, в том числе анонимные кабинеты для несовершеннолетних и членов их семей. Соответственно обеспечить обучение и подготовку квалифицированных специалистов в данной области.

Профилактика наркотизма среди несовершеннолетних представляет собой стратегию, направленную на снижение риска заболевания наркоманией, с одной стороны, и усиление роли позитивных факторов, снижающих восприимчивость к этой болезни – с другой.

Однако формирование эффективной стратегии предупреждения наркотизма сопряжено с большими трудностями, и прежде всего с отсутствием адаптированных к современным условиям методик, недостаточной ясностью в определении объекта предупредительного воздействия и т. д.

На наш взгляд, существенного прогресса в области профилактики наркотизма можно добиться посредством активизации научной разработки новых подходов к решению данной проблемы, исходя из понимания профилактики как превентивного воздействия с учетом, прежде всего, психосоциальных и личностных свойств, препятствующих возникновению и развитию наркозависимости у подростков.

В этой связи особое значение имеют правильно сформулированные задачи профилактической деятельности, важнейшими из которых, на наш взгляд, являются:

- формирование мотивации на эффективное социально-психологическое и физическое развитие подростка. Многочисленными исследованиями установлено, что формирование у несовершеннолетнего позитивного отношения к окружающему миру, желания вести здоровый образ жизни более эффективно, чем запугивание последствиями употребления наркотиков [2];

- формирование мотивации на социально поддерживающее поведение несовершеннолетнего. Важно обучить несовершеннолетних социально поддерживающему поведению, мотивировать их на оказание помощи нуждающимся в ней людям. Дети, у которых сформирована сеть социальной поддержки (семья, друзья и т. п.), легче справляются с проблемами, они могут более эффективно преодолевать стрессы без употребления наркотиков;

- развитие здорового и социально-эффективного поведения, поведенческих стратегий. Несовершеннолетние, обладающими развитыми физическими, психическими, личностными ресурсами и поддерживающим окружением, оказываются более защищенными от воздействия стрессовых факторов, у них уменьшается вероятность формирования зависимости от наркотиков;

- формирование знаний и навыков в области противодействия употреблению наркотиков. Информирование подростков о последствиях употребления наркотических средств, психотропных веществ, о формах про-

тивоедействия либо отказа от их применения, вариантах поиска помощи в случае возникновения проблем, связанных с ними, в сочетании с развитием навыков адаптивного поведения помогает формированию активной жизненной позиции [4];

- формирование и развитие поддерживающих связей сверстников и взрослых. Любой человек должен иметь возможность получить помощь от общества. Если подросток одинок, замкнут или у него существуют проблемы в общении, необходимо создавать структуры, которые могут оказать ему поддержку.

Подводя итоги, можно отметить, что, опираясь на накопленный позитивный опыт в этой области, совершенствование современного антинаркотического законодательства [6] и используя наши отдельные рекомендации, есть возможность повысить эффективность применения профилактических мер воздействия в борьбе с наркотизмом среди несовершеннолетних.

1. Данные официальной статистики МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports> (дата обращения: 01.04.2017).

2. Гульдэн В. В., Романова О. Л., Сидоренко О. К. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / под редакцией С. В. Березина, К. С. Лисецкого. М.: Изд-во института психотерапии, 2003. 251 с.

3. Плешаков А. А. Наркомания в молодежной среде и ее взаимосвязь с иными девиантными проявлениями среди молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4. С. 53–58.

4. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / под редакцией С. В. Березина, К. С. Лисецкого. М.: Изд-во института психотерапии, 2003. 286 с.

5. Соболев В. А., Рущенко И. П. Молодёжь и наркотики (социология наркотизма). Харьков: Торсинг, 2000. 302 с.

6. Баранчикова М. В., Савостикова М. Д. Тенденции развития современного антинаркотического законодательства // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 1 (2). С. 48–52.

Силецкая Анна Валерьевна,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Психологическая поддержка оперативно-служебной деятельности ОВД предусматривает углубленное использования психологических знаний при проведении различных оперативно-служебных мероприятий. Она наиболее эффективна со специалистом-психологом, профессиональные знания которого можно применять в разработке и участии в оперативно-розыскных и следственных действиях.

Мы ставим цель в данной статье определить понятие психологического портрета в системе психолого-юридических понятий. Через общее рассмотрение проблемы психологического портрета в научных исследованиях, сузить ее до использования в правоохранительной практике.

Важно, также, указать на следующий аспект. Психологический портрет, как таковой, может состоять в отношении различных категорий лиц, а именно: подозреваемых в совершении преступления (преступников), очевидцев, жертв (потерпевших), лиц, привлекаемых к негласному сотрудничеству и др. Как показывает правоохранительная практика и оценки специалистов, на сегодня наиболее актуальной и важной является разработка психологического портрета преступника и отдельных его типов. Именно данной категории будет посвящено наше исследование.

Психологический портрет преступника – это целостный, в разной степени формализованный, структурированный способ представления совокупности юридически важной психологической и другой (медико-биографической, антропологической и т. д.) информации о личности или группы лиц в интересах решения оперативно-служебных задач. Наиболее актуальным разновидностью психологического портрета является портрет преступника, в том числе: а) розыскной, или портрет неизвестного преступника, б) портрет подозреваемого или предполагаемого преступника; в) портрет конкретного преступника.

Процесс портретирования содержит в себе четыре этапа:

- 1) составление психологического портрета. Сужения круга подозреваемых – первая задача, которую решает психологический портрет;
- 2) разработка стратегии задержания – вторая задача психологического портрета;

3) разработка тактики допроса или составление рекомендаций к проведению обыска – третья задача психологического портрета преступника;

4) привлечение психолога-профайлера к организации и проведению перекрестного допроса является четвертым заданием.

Современный уровень развития науки предполагает появление междисциплинарных подходов к решению проблем. Так, на стыке криминологии, социологии, медицины и психологии зародился криминальный профайлинг (*criminal profiling*) как совокупность действий специалистов, занимающихся расследованием преступления, направленная на выявление личностных особенностей преступников и их жертв, отношений между ними, их мотивации и действий во время совершения преступления. Методология криминального профайлинга предполагает работу с материалами уголовного дела и интерпретацию доказательств. Результатом работы профайлера является *криминальный профиль* – юридически значимый документ, в котором описаны личность и поведение преступника и жертвы в ключе совершенного преступления или серии преступлений.

Существующая на сегодняшний день парадигма криминального профайлинга с ее теоретическими основами и методологией прошла долгий путь становления и развития. Выделяют несколько источников происхождения профайлинга: исследования криминологов, специалистов из области судебной медицины, психиатров и криминальных психологов [3].

Общей теоретико-методологической основой психологического портрета выступает положение о том, что преступник в разной степени, но неизбежно объективирует свою личность, отдельные ее характеристики в преступлении и его основных составляющих. Непосредственной теоретической основой разработки психологического портрета является представление о структуре личности, особенности формирования и развития подструктур личности.

Использование зарубежного опыта в психологическом портретировании должно учитывать как общее, так и различное в личности преступников, связано с целым рядом обстоятельств социально-экономического, национально-этнического и иного характера.

Широкий спектр взглядов на эту проблему представлен в зарубежных и отечественных исследованиях. Их анализ будет осуществляться в историко-содержательной, юридически психологической и криминалистической плоскостях.

Проблема психологического портретирования была затронута в работах древних великих философов и родоначальников учение «О душе», а в дальнейшем – психологию личности в более узком смысле. В этом аспекте следует назвать Августина и его «Понятие о внутреннем опыте», Алкмеон и его «Мозг – орган души», Анаксагор и «Разум «как начало вещей»», Аристотель и его идея о том, что «Душа – средство организации тела», Гален, Филон и их «Пневма как дыхание», Гераклит «Душа как

«Искра Логоса»», Гиппократ «Учение о темпераменте», Демокрит «Душа – поток огненных атомов», Платон «Душа и царство идей», Плотин «Понятие о рефлексии» [7].

Исследование личности преступника в зарубежной науке, берут начало от работ Ломброзо (Lombroso), Месседаглия (Messedaglia), Хутон (Hooton), Марро (Marro), Оттоленги (Ottolenghi), Гримальди (Grimaldi) и других авторов, которые пытались на основе исследований Кречмера (Kretschmer), Шелдона (Sheldon) и Глюка (Glueck), установить тесную взаимосвязь между конституцией человека, его темпераментом и преступным поведением. Однако следует отметить, что исследования, которые проводились в конце XIX–начале XX века, базировались исключительно на умозрительных данных, поскольку теоретические исследования в генетике (а тем более психогенетике) в то время еще не проводились. Недостаточно убедительная аргументация этой группы ученых не была принята научным миром того времени. Первая попытка научного исследования личности преступника, таким образом, стала неудачной [1].

В дальнейшем, на постсоветском пространстве, развитие человеческой личности изучался известными психологами – Ш. А. Амонашвили, Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, А. В. Вегнером, Л. С. Выготским, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдова, Д. Б. Эльконина, О. В. Запорожцем, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровским, С. Л. Рубинштейн и многими другими.

Среди классиков отечественной психологии следует в первую очередь назвать Костюка [6] с его принципом развития в психологии, является центральным в понимании природы психического развития личности. В дальнейшем этот принцип получил плодотворное развитие в исследованиях С. Д. Максименко [8].

Одной из причин временного отказа от исследований личности в зарубежной научной литературе была неразвитость методологии исследований. Так, в большинстве университетских центров ученые-юристы не признавали самостоятельности криминалистической науки, и, соответственно, отказывались принимать идею о необходимости научных исследований в этой области, сводя их к запросам уголовно-процессуальной науки. Но собственно юридическая психология, в контексте которой проводится изучение психологии преступника, и, соответственно, составление психологического портрета преступника тесно связана именно с криминалистикой. Основная же причина временной потери интереса к личности преступника объяснялась также уровнем развития психологии как науки в то время. Действительно, до середины XX века не существовало психологической теории, на основе которой можно было бы сконструировать методику расследования преступлений, имела ориентацию на личность преступника. Причина в том, что психоанализ, который получил развитие в то время, на наш взгляд, не мог быть положенным в основу подобной методики, в силу своих незначительных для нее возможностей.

Важным теоретико-прикладным вопросам является учет и представление в психологическом портрете сугубо индивидуальных характеристик личности. Имеем в виду факт отражения в преступлении собственных фантазий, ситуация, в которой «фантазия становится поводом». С некоторым допущением можно сказать, что портрет используется в случае, когда есть основание подозревать наличие у преступника одной из форм социопатии (форма МКБ-10 по американской классификации психических болезней). Такое же мнение высказывал в своих трудах профессор Буржесс, указывая на специфический набор жизненных ценностей в таких преступников [2], который является малопонятным для неспециалистов. На постсоветском пространстве учеными принято к использованию понятия психопатии, носящий то же нагрузку, что и понятие социопатия.

Следует отметить, что преступления, в которых нет проявления фантазии преступника, существенно ограничивают возможность использования метода составления психологического портрета, в силу отсутствия отражение в преступной события ярких индивидуализирующих психических параметров. Но в научных кругах существует также мнение о том, что психологический портрет преступника можно эффективно составлять и в тех случаях, когда кроме сексуальных мотивов существуют полезные, террористические и др.

Российские специалисты в области психологического профилирования считают, что в зависимости от содержания и характера имеющейся информации поисковый психологический портрет возможного преступника может содержать следующие данные:

- общая характеристика личности и преобладающая мотивация в поведении человека;
- возрастная группа;
- привычки, наклонности, навыки и другие индивидуальные признаки личности;
- район проживания;
- уровень образования и профессиональная деятельность;
- район места работы, учебы, службы;
- семейное положение и наличие детей;
- особенности происхождения (родительская семья) и история личной жизни;
- наличие в прошлом судимости;
- отношение к службе в армии, спорта, работы с людьми и др.;
- наличие психической и другой патологии;
- антропологическая и функциональная характеристика (тип внешности, телосложения, пантомимики и др.) [4; 5].

Теоретическая идея метода психологического профиля неизвестного преступника (в США и Великобритании используется термин профайлинг, на постсоветском пространстве – чаще термин «психологический порт-

рет») базируется на утверждении, что лично преступника проявляется в его поведении. В каждом конкретном случае психологический портрет является результатом комплексного междисциплинарного анализа, отраженного в материалах уголовного дела.

Как в случае западного профайлинга, направление анализа данных, полученных в ходе осмотра места происшествия, что подтверждается в показаниях свидетелей, различных экспертных выводах помогает получить свидетельство о личности преступника. Он указывает не фамилию и адрес, а информацию, позволяющую составить психологический портрет преступника с характерными чертами его психического и внешнего конституционального лица, профессиональной ориентации, стиля жизни.

Кроме накопления внутреннего научного и практического опыта, Россия поддерживает отношения со странами, где также применяется этот метод. Чаще всего метод составления психологических портретов использовался при расследовании умышленных убийств, нанесений тяжких телесных повреждений, разбойных нападений, грабежей, краж, вымогательств изнасилований, сексуальных домогательств и тому подобное.

Целесообразность и эффективность использования психологов в качестве экспертов при составлении психологических портретов преступников и осуществлении судебно-психологических экспертиз подтверждается отзывами заказчиков.

При сравнении работниками уголовного розыска и следствия индивидуально-психологических черт, мотивов совершения преступлений после задержания преступников с информацией, предоставляемой психологами, было отмечено совпадение по ряду параметров. Прогнозируемость предоставленной информации составляла до 80 %.

Определенным недостатком на сегодняшний день в нашей стране является то, что в распоряжении отечественных правоохранителей нет организации типа Национального центра США по исследованию проблем насильственных преступлений (NCAVC), в котором осуществляется работа по реализации программы диагностики насильственных преступлений (VICAP) [9]. В США, например, специалисты широко используют банк данных VICAP, который позволяет проводить идентификацию насильственных преступлений по сходным признакам, помогает быстрому нахождению преступника и его задержанию.

В банке данных VICAP хранится информация следующего характера:

- сведения о раскрытых и нераскрытых убийства или попытки убийств, отдельных преступных актах без видимой мотивации или совершенных с целью изнасилования, а также о преступлениях, которые повторяются;

- зарегистрированные факты исчезновения лиц в результате действий насильственного характера;

- данные по опознания погибших, причина смерти которых известна или есть подозрение о совершении насилия.

По нашему мнению, следует также отметить проблемные аспекты относительно психологического портрета преступника. На них обращают внимание российские ученые и практики, активно обсуждая вопрос о признании составленного психологического портрета доказательством, или отвода только места заключения специалиста.

Таким образом, проведенный нами историко-содержательный анализ проблемы психологического портрета свидетельствует следующее:

Общей теоретико-методологической основой метода психологического портрета выступает идея о том, что преступник в разной степени, но неизбежно объективирует свою личность, отдельные ее характеристики в преступлении и его основных составляющих.

Непосредственной теоретической основой разработки психологического портрета служат представления о структуре личности, особенности формирования и развития подструктур личности.

Использование зарубежного опыта психологического портретирования должно учитывать как общее, так и различное в личности преступников, связано с целым рядом обстоятельств социально-экономического, национально-этнического и иного характера.

Использование опыта криминального профилирования, техник «западного» профайлинга позволит специалистам служб системы правоохранительной деятельности применять не только при расследовании уголовных дел, но и при осуществлении профессионального кадрового отбора и подбора кадров для органов внутренних дел. Таким образом, мы рассматриваем такое междисциплинарное использование знаний как одно из перспективных направлений развития психологической науки.

-
1. Ахмедшин Р. Л. Изучение личности преступника в методике расследования преступлений. Томск, Издательство Томского университета, 2000. 138 с.
 2. Баронин А. С. Психологический профиль убийц. Пособие по криминальной психологии и криминалистике. К., 2001. 176 с. С. 251–272.
 3. Ениколопов С. Н., Ли Н. А. Психологические особенности криминального профайлинга // Психологическая наука и образование. 2007. № 5. С. 295–299.
 4. Ищук Я. Г. Характеристика личности условно осужденного, совершившего преступление // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 2. С. 37–40.
 5. Костина Л. Н., Реуцкая И. Е. Проблемы и перспективы использования психологических знаний при расследовании преступлений подразделениями следствия и дознания // Юридическая психология. 2016. № 3. С. 3–6.

6. Костюк Г. С. Физиология центральной нервной системы. К.: Высшая школа, 1977. 319 с.
7. Лебедев И. Б., Полозова Т. Ю., Печенкова Е. А. История психологии: курс лекций в схемах / АО «Т8 Издательские технологии». М., 2017. 222 с.
8. Максименко С. Д. Общая психология. М.: «Рефл.-бук», К.: «Ваклер», 1999. 528 с.
9. Национальный центр США по исследованию проблем насильственной преступности: научно-практическое пособие. М.: Градарика, Смысл, 1998. 51 с. С. 38–39.

Сумина Н. А.,
студент Юго-Западного
государственного университета, 3 курс,
группа Юр-54б;
Худо В. Д.,
студент Юго-Западного
государственного университета, 3 курс,
группа Юр-54б

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОРТРЕТЕ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

Ушедшее столетие подарило человечеству множество изобретений и открытий в различных сферах науки и техники, но в то же время оно принесло большое количество жесточайших войн, локальных конфликтов и глобальных проблем.

Наряду с этим развивались и новые виды преступлений, такие как мошенничество, терроризм, различные виды преступлений против личности. Одним из относительно новых видов преступлений становятся серийные убийства. Да, данные преступления существовали и раньше, но именно развитие общества, а также различные социально-экономические потрясения повлияли на увеличение количества данных противоправных действий и возрастание их жестокости.

Во-первых, Ю. М. Антонян в одной из своих работ дает следующие определение понятию «серийные убийства»: совершение 3 и более убийств, совершённых в период, составляющий более, чем 30 дней, имеющих одинаковый почерк и одинаковую обстановку на месте преступления [1, с. 118].

Следующим важным понятием является психологический портрет неизвестного субъекта, это комплексная психолого-физическая характеристика лица, совершившего серийное, в том числе сексуальное, убийство, основанная на следах, оставленных на месте преступления, обстановке места преступления, периоде совершения убийств, почерке, орудии (орудиях)

убийства, показаниях свидетелей, результатах экспертиз и т. п. [2, с. 21]. Психологический портрет является одной из важнейших частей расследования, с помощью которой, возможно не только начать розыск субъекта, но и понять мотивы и цели совершения убийства, а также возможные психологические и психические проблемы, которые могут ускорить изобличение преступника.

Необходимо отметить то, что психологический портрет можно использовать для поимки лишь лица, не являющегося психически больным, то есть либо полностью здорового, либо имеющего незначительные обратимые расстройства по типу невротозов, а также психопатов, которые намного чаще становятся серийными, в том числе сексуальными, убийцами.

Психолог Роберт Ресслер выделяет 2 типа серийных убийц:

1. Организованный несоциальный (является обладателем высокого интеллекта и хорошо развитыми коммуникативными способностями; контролирует себя, выдержан, способен «залечь на дно»; имеет определённый внешний образ жертвы; преступление планирует заранее; предпринимает меры по устранению улик, может перемещать труп; может оставлять своеобразный «автограф»; может вступать в контакт с правоохранительными органами, вплоть до того, что участвовать в поисках убийцы).

2. Дезорганизованный асоциальный (обладает средним, ниже среднего или низким уровнем интеллекта, имеет плохо развитые коммуникативные способности; возможно, пережил тяжёлое детство; мог подвергаться насилию, в том числе и сексуальному, в детстве и (или) юношестве; плохо следит за собой, неопрятен; преступления, зачастую, совершает спонтанно; не продумывает детали, оружие, место, время и способ убийства; жертва деперсонализирована; при нападении может использовать подручные средства; старается сохранить воспоминания о преступлении, может вести дневник, а также сохранять фотографии и (или) видеозаписи процесса убийства) [3, с. 235].

По мнению авторов необходимо выделить ещё один, так называемый «средний» тип, который совместит в себе различные черты от обоих типов. Ярким представителем так называемого «среднего» типа является Андрей Чикатило.

Наряду с определением типа убийцы необходимо определение предположительного мотива, который в будущем поможет работать с субъектом после задержания. Мотивы также выделили психологи, данная квалификация выглядит следующим образом:

1. Сексуальные (убивают для получения сексуального удовлетворения, так как в нормальных сексуальных связях они его не получают);

2. Дестроеры (основным мотивом для данного типа убийц является причинение жертве страданий);

3. Меркантильные (основной мотив данного типа убийц – получение материальной, либо иной личной выгоды);

4. Властолюбцы (главным мотивом данного типа убийц является получение контроля над жертвой);

5. Миссионеры (мотив данного вида убийств – достижение определённой цели, связанной с отчисткой общества от тех или иных элементов (стариков, инвалидов, гомосексуалистов, лиц иной религии));

6. Визионеры (совершают посягательства «по воли» бога или сатаны. Зачастую они слышат голоса, которые говорят им о необходимости убивать, то есть страдают слуховыми галлюцинациями. Психологический портрет в отношении данного вида убийц составить очень сложно, так как они являются психически больными и их действия не имеют какой-либо структурированности и, соответственно, психологический портрет не поможет в поиске субъекта, так как каждый новый эпизод следствие будет обнаруживать кардинальные изменения в почерке. Однако нельзя забывать и об оккультных/сатанинских/религиозных убийствах, где определение «оккультного почерка» поможет определить приверженность субъекта тем или иным взглядам и, соответственно, сузит круг поисков) [4, с. 106].

Психологический портрет является одним из важнейших средств при расследовании серийных убийц, так как он помогает сузить круг подозреваемых.

Составлением портрета должен заниматься психолог в тесном взаимодействии со следователем и оперативными сотрудниками, но, на наш взгляд, логичнее было бы ввести психолога в состав следственно-оперативной группы, задействованной при расследовании. Также можно говорить о возможности составления профайла несколькими следователями (следователями-криминалистами) и оперуполномоченными, имеющими обширные знания в области психологии, в особенности, криминальной.

Психологический портрет включает в себя не только информацию психологического характера, но и информацию о физических особенностях субъекта, а также, практически любую информацию, интересующую следствие, именно поэтому некоторые авторы называют его «поисковым» портретом [5, с. 74].

Построение психологического портрета очень важно для поиска преступника, поскольку в нем отражаются все характеристики серийного убийцы известные следователю на момент составления портрета.

К составным частям психологического портрета авторы относят:

1. Сведения о физических особенностях субъекта: телосложение, рост, общий словесный портрет (при наличии свидетелей), возможные аномалии.

2. Сведения о месте, времени, способе убийства и орудие.

3. Сведения о жертве (жертвах) с точным описанием как внешних, так и внутренних (психологических) признаков.

4. Сведения из актов судебно-медицинского исследования, с детальным описанием травм, нанесённых жертве.

5. Предположения о мотиве убийства.

6. Аргументированное отнесение к тому или иному типу убийц.

7. Аналитическая часть (собственно портрет): предположительная информация о возможных психологических травмах, отклонениях, о детстве и юношестве, о предположительном месте жительства и работы, о трудовой деятельности субъекта, о семье субъекта (при наличии), взаимоотношения в ней, об уровне образования и интеллектуального развития, о взаимоотношениях жертвы и посягателя, общая характеристика личности субъекта.

Хотелось бы сказать, что данный перечень не является полным, и, специалисты могут дополнить в связи с розыском того, или иного субъекта, но на наш взгляд данные позиции обязательны для составления профиля.

Самым проблематичным этапом в расследовании серийных убийств является работа непосредственно с субъектом. Здесь необходимо проявление выдержки и профессионализма со стороны следователей и оперативных сотрудников, так как многие из убийц изначально не идут на контакт со следствием. Применение мер физического давления на посягателя недопустимо, так как он может ещё больше «закрыться» [6, с. 160]. При проведении допроса лица, подозреваемого в совершении серии убийств необходимо присутствие психолога, который может предъявить субъекту составленный психологический портрет, что продемонстрирует подследственному то, что следствию о нём известно многое. Практика показывает, что предъявление психологического портрета субъекту заставляет его начать говорить, также об этом свидетельствует и расследование дела Андрея Чикатило.

Если следователь имеет дело с организованным несоциальным или «средним» типом убийц, то ему необходимо быть готовым к мощной линии защиты, выстроенной самим субъектом, он может «заигрывать» со следствием, и даже симпатизировать следователю-профессионалу. Чтобы сломить данную линию следователь должен профессионально предъявлять улики посягателю, что покажет ему то, что и без его показаний у следствия есть информация, указывающая на то, что именно он является убийцей.

Самое главное о чём хотелось бы сказать – это то, что этап составления психологического портрета предполагаемого преступника очень важен для раскрытия серии убийств, поскольку именно всестороннее изучение личности помогает следователю найти единственно правильное решение в поиске такого опасного преступника, как серийный убийца.

1. Антонян Ю. М. Криминология: учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012. 253 с.

2. Дуглас Д., Олшейкер М. Психологический портрет убийцы. М.: Алгоритм, 2016. 432 с.

3. Романов В. В. Юридическая психология: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 588 с.

4. Лавров Н. Н. Маньяки: охотники на людей. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 252 с.
5. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учеб. пособие. М.: Изд-во Проспект, ТК Велби, 2006. 208 с.
6. Бертовский Л. В. Допрос: тактика и технология. М.: Издательство «Эк-замен», 2015. 303 с.

Таракина Кристина Эдуардовна,
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии Краснодарского
университета МВД России

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ С МОШЕННИЧЕСТВОМ В СТРАНАХ АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

В ходе исследования и анализа действующего законодательства многие специалисты высказывают мнения о необходимости заимствования зарубежного опыта в вопросах совершенствования отечественного уголовного кодекса. Однако необходимо принимать во внимание, что нельзя судить о содержании уголовно-правовой нормы по тексту закона только по ее переводу на русский язык, поскольку она наполняется содержанием с учетом ее понимания правоприменительными органами и национальной правовой наукой. Безусловно, при разработке действующего УК РФ, изучение зарубежного опыта борьбы с экономической преступностью – это важная составляющая. При этом необходимо учитывать многочисленные факторы, характерные для той или иной правовой системы и целесообразность ее использования в УК РФ.

Ярким примером для анализа уголовного законодательства стран англо-саксонской правовой семьи, выступает Англия, где уголовная ответственность за мошенничество (имущественный обман) возникла из судебных прецедентов и в дальнейшем была регламентирована Законом о мошенничестве 2006 г., вступившего в силу в 2008 г. Данный нормативно-правовой акт предусматривает три вида мошенничества:

- мошенничество путем ложного заявления, под которым понимается ложное заявление лица, намеревающегося получить выгоду, или причинить убыток, или подвергнуть риску убытков;
- мошенничество путем сокрытия информации, имеющей важное юридическое значение, предусматривает собой сокрытие информации лицом, обязанным ее раскрыть, с намерением получить выгоду, или причинить убыток, или подвергнуть риску убытков [1];

- мошенничество путем злоупотребления своим служебным положением, то есть злоупотребление своим положением лицом, обязанным обеспечивать финансовые интересы другого лица, с намерением получить выгоду, или причинить убыток, или подвергнуть риску убытков (толкование понятий «злоупотребление» и «положение» оставлено на усмотрение суда) [2].

Закон о мошенничестве предусматривает ответственность за обладание, изготовление и поставку любых изделий в целях совершения мошенничества. В нем закрепляются такие составы преступлений, как мошенническое предпринимательство, которое может быть совершено любым лицом, вне зависимости от наличия статуса индивидуального предпринимателя [3, с. 45].

Помимо этого в данном законе регламентирована уголовная ответственность за недобросовестное приобретение услуг при помощи обмана. Примечательно то, что в этом случае у Суда Короны нет необходимости устанавливать факт, введения потерпевшего в заблуждение действиями виновного.

Кроме Закона о мошенничестве в Англии существуют иные нормативно-правовые акты, которые регламентируют уголовную ответственность за специальные виды мошенничества, именно:

1) оформление ложных отчетов (раздел 17 Закона о хищении 1968 г.) [4];

2) недобросовестное уничтожение документов (ч. 1 раздела 20 Закона о хищении 1968 г.) [5];

3) ложные заявления, которые сделали директора компаний (раздел 19 Закон о хищении 1968 г.) [6];

4) случаи совершения недобросовестных действий самим юридическим лицом, за которые несут ответственность директора (раздел 18 Закон о хищении 1968 г.) [7];

5) отмывание денег (раздел 45 «Закона об отмывании денег» 2007 г.) [8];

6) налоговые составы мошенничества (раздел 32 Закон о хищении 1968 г.) [9];

7) фальшивомонетничество («Закон о фальшивомонетчестве и подлоге» 1981 г.) [10];

8) подлог (раздел 1 «Закон о подлоге» 1913 г.) [11];

9) недобросовестное сохранение незаконно полученного кредита (раздел 24А Закон о хищении 1968 г.) [12];

10) мошенничество в сфере найма социального жилья (раздел 1 «Закона о профилактике мошенничества в сфере социального жилища» 2014 г.) [13].

Таким образом, мы видим, что такая дифференциация уголовной ответственности за мошенничество в уголовном законодательстве Англии

объясняется с возникающими судебными прецедентами и охватывает многочисленные сферы общественных отношений.

Социальное обеспечение отражается только в Законе «О профилактике мошенничества в сфере социального жилища» 2014 г. Однако, мы считаем, общественно опасные деяния, совершенные в данной сфере, могут квалифицироваться по нормам, предусмотренным Законом о мошенничестве 2006 г., в зависимости от способа совершения. Безусловно, законодательство Англии, касающееся мошенничества, охватывает многочисленные сферы общественных отношений, в том числе и социальное обеспечение, в связи с чем мы полагаем, что ст. 159.2 УК РФ обладает определенной аналогией с законодательством Англии в части касающейся уголовно-правовой охраны социальных выплат.

Соединенные Штаты Америки являются типичным представителем англо-саксонской правовой семьи, уголовное право которого складывалось под влиянием английской системы общего права. Законодательство США включает в себя федеральные законы и законы штатов. В каждом штате существует свое уголовное законодательство, отличное от других штатов в части структурного строения, и вопросов отнесения конкретных деяний к преступлениям в зависимости от особенностей развития отношений в конкретном регионе [14, с. 56].

В Примерном уголовном кодексе США в ст. 223.3 раскрывается понятие хищения, совершенного путем обмана:

1. Создание или укрепление ошибочного представления, включающее ошибочное представление о законе, ценности, намерении или ином психическом состоянии. Однако, в данном случае обман в намерении исполнить что-либо, не будет основываться на одном том факте, что лицо впоследствии не исполнило обещание;

2. Препятствие другому лицу в получении сведений, которые повлияли бы на его суждение о характере сделки;

3. Не исправление ошибочного представления, которое ранее было создано или укреплено совершившим обман лицом или которое заведомо для совершившего обман лица влияет на другое лицо, с которым обманщик находится в фидуциарных или конфиденциальных отношениях

4. Не сообщение об известном лицу нахождении имущества в залоге, существовании правовой претензии на него или ином правовом препятствии к пользованию имуществом, которое оно передает или обременяет обязательствами в порядке встречного удовлетворения за полученное имущество, независимо от того, является ли означенное препятствие действительным и зафиксировано ли оно в официальном документе.

Однако термин «совершить обман» не распространяется на ложь в отношении обстоятельств, не имеющих имущественного значения, а равно на выхваливание предмета посредством заявлений, которые не должны

ввести в заблуждение людей обычного уровня развития в группе лиц, к которой адресуется деятель [15].

В качестве способа совершения преступления ст. 223.7 (хищение услуг), также предусматривает обман. Диспозиция данной статьи гласит, что лицо виновно в хищении, если оно путем обмана, угрозы или предъявления фальшивых знаков и иных средств, освобождающих от платежа за полученную услугу, намеренно пользуется услугами, которые могут быть предоставлены только за плату. Под услугами здесь понимаются: труд, профессиональные услуги, перевозки, услуги по телефонной связи или иной публичной службе, обслуживание в гостиницах, ресторанах или иных местах, пропуск на выставки, пользование автотранспортом или иным движимым имуществом.

Помимо этого формулировка мошенничества встречается в многочисленных уголовных кодексах субъектов США. Аналогично Примерному УК, регламентации мошенничества зачастую охватываются понятием «обманная практика» и, как, например, по УК штата Пенсильвания, включают выдачу недействительного чека или неправомерное использование кредитной карточки, обманные приемы коммерческой деятельности, обман, касающийся кошерной пищи, сертификации малого или женского бизнеса, жульничество на публичных состязаниях, обман кредиторов по обеспеченному долгу, обман в случае неплатежеспособности, прием депозитов в неплатежеспособное финансовое учреждение, обеспечение исполнения документа путем обмана и др.

Несмотря на всю безграничную вариативность видов мошенничества, можно обозначить наиболее типичные из них: выдача недействительного (необеспеченного) чека, неправомерное использование кредитной карточки, [16] мошенничество при банкротстве или фиктивное банкротство; налоговое мошенничество, оно же уклонение от уплаты налогов; хищение сведений о личности; страховое мошенничество; почтовое мошенничество; телемаркетинговое мошенничество, или мошенничество при продаже товаров по телефону; мошенничество с использованием электронных средств коммуникации [17, с. 56].

Своеобразием обладает уголовное законодательство о мошенничестве Австралии. Не смотря на то, что эта страна является представителем англо-саксонской правовой системы, и ее уголовное законодательство формировалось под влиянием английских прецедентов и правовых обычаев, закон здесь имеет особую силу, обуславливающейся федеральной природой Австралии. Пройдя долгий исторический путь формирования права, в 1995 г. был принят Уголовный Кодекс Австралийского союза, в котором в ч. 7.3 Мошенническое поведение содержится понятие обмана.

Обман означает умышленный или неосторожный обман с помощью ли слов или другого поведения, относительно ли факта или относительно права, и включает также:

(a) обман по поводу намерений лица, применяющего обман, или любого другого лица; и

(b) поведение лица, который заставляет компьютер, машинное или электронное устройство давать сведения, которые данное лицо не уполномочено выдавать [18].

Все обманные действия, предусмотренные УК Австралии предметом преступления обозначают собственность, деньги и финансовую выгоду. А квалифицирующими признаками выступают действия направленные на собственность юридического лица Австралийского Союза и совершенные в сговоре с другим лицом.

Мошеннические действия, а также понятие обмана, по УК Австралии, наряду с выше проанализированными нормативно-правовыми актами стран с англо-саксонской системой права, принципиально отличаются от законодательства Российской Федерации, где в отдельную статью выделено мошенничество при получении выплат [19].

Однако нельзя отрицать тот факт, что изучение опыта законодательного закрепления уголовной ответственности за мошеннические действия некоторых представителей англо-саксонской правовой системы представляет определенный интерес в части существования различных подходов к криминализации мошенничества при получении выплат. К особенности уголовного законодательства этих стран можно отнести подробное закрепление всех необходимых элементов состава мошенничества. Объективная сторона выражается в совершении определенных действий, ввиду которых у другого лица формируются ложные представления о реальных событиях или вещах. Другими словами в законодательстве рассматриваемых стран на первый план выступает не столько само теоретическое закрепление понятия обмана, сколько наступившие последствия, т. е. установление подавление воли путем введения в заблуждение. Интересным также представляется тот факт, что наличие огромного количества судебных прецедентов и возможность их использования в качестве источника права, позволяет быстро устранять возникающие пробелы в правоприменении.

1. Fraud Act 2006 // The National Archives URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 05.09.16).

2. Голованова Н. А., Еремин В. Н., Игнатова М. А. и др. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части / под ред. Н. Е. Крыловой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013 С. 525, 983, 999, 1002–1003.

3. Южин А. А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

4. Theft Act 1968 [Электронный ресурс] // The National Archives. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60/section/17> (дата обращения: 05.09.16).

5. Theft Act 1968 [Электронный ресурс] // The National Archives. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60/section/20> (дата обращения: 05.09.16).
6. Theft Act 1968 [Электронный ресурс] // The National Archives. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60/section/19> (дата обращения: 05.09.16).
7. Theft Act 1968 [Электронный ресурс] // The National Archives. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60/section/18> (дата обращения: 05.09.16).
8. The Money Laundering Regulations 2007 [Электронный ресурс] // The National Archives. URL: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2007/2157/regulation/45/made> (дата обращения: 05.09.16).
9. Theft Act 1968 [Электронный ресурс] // The National Archives. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60/section/32> (дата обращения: 05.09.16).
10. Forgery and Counterfeiting Act 1981 [Электронный ресурс] // The National Archives. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/45/contents> (дата обращения: 05.09.16).
11. Forgery Act 1913 [Электронный ресурс] // The National Archives. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1913/27/contents/enacted> (дата обращения: 05.09.16).
12. Theft Act 1968 [Электронный ресурс] // The National Archives. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60/section/20> (дата обращения: 05.09.16).
13. Prevention of Social Housing Fraud Act 2013 [Электронный ресурс] // The National Archives. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/3/section/1> (дата обращения: 05.09.16).
14. Южин А. А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
15. Model Penal Code Annotated [Электронный ресурс] // MPC © ALI, annotations & links © M. Dubber. URL: http://www.dubberkelman.com/restricted/student_cd/web/MPC/mpc.html (дата обращения: 06.09.16).
16. Козочкин И. Д. Современное состояние и проблемы уголовного права США: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
17. Южин А. А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
18. Уголовный кодекс Австралии 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://crimpravo.ru/page/zag-uk> (дата обращения: 07.09.16).
19. Баранчикова М. В. Квалификация мошенничества при получении выплат, совершенного сотрудником ОВД // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2017. № 1 (70) С. 9–11.

Сборник статей

**ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 2660 от 02.08.2017 г.

Подписано в печать 21.11.2017. Формат 60x90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,13. Тираж 29 экз. Заказ № 1090.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.